

Карина Демина

Ловец
бабочек
МОТЫЛЬКИ

Хельмовы игры

Карина Демина

Ловец бабочек. Мотыльки

«Автор»

2022

Демина К.

Ловец бабочек. Мотыльки / К. Демина — «Автор»,
2022 — (Хельмовы игры)

Тиха и скучна жизнь в провинции, да только и здесь порой случаются дела престранные. То приворожить воеводу нового пытаются, то головы шлют в коробках, то вовсе Тайная Канцелярия невозможное задумала: с Хольмом если не дружбу завести, то всяко расследование совместное учинить. А то ведь завелся в краях тамошних манияк, смущает умы мирных граждан.
Вторая часть дилогии.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3. Где речь идет об угнетателях, угнетенных и гробах	20
Глава 4. О союзниках неожиданных	25
Глава 5. В которой вновь появляется демон	33
Глава 6. Где говорится о вреде бессонницы для здоровья и репутации	41
Глава 7. В которой неожиданно воскресает чужая любовь	55
Глава 8. О тяжелых буднях душегубских	65
Глава 9. Кладбищенская	74
Глава 10. В которой раскрываются некие особенности нежной женской дружбы	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Карина Демина

Ловец бабочек. Мотыльки

Глава 1

*Если вам нечего делать, то не надо делать этого здесь.
...суровые будни одной заставы.*

Утро у гражданина Понятковского не задалось.

Во-первых, он проспал, чего за ним не водилось в последние полста лет. Во-вторых, сон – в кои-то веки Герберт Понятковский был удостоен этакой чести – был самый что ни на есть обыкновенный, про работу, а потому совершенно не понятно, отчего это Герберт так увлекся. В-третьих, сломался будильник, подаренный еще матушкой Герберта Понятковского и с немалым успехом переживший два неудачных брака. Было еще и в-четвертых – Герберт Понятковский от души ненавидел от такую погоду, когда и снежит, и холоду нормального нет, а потому снег получается мокрый, липкий. В снегу этом застревали и лошади, и люди, разбивая его, что ногами, что копытами в безобразное месиво. А месиво затекало в ботинки, несмотря на галоши, и портило обувь.

А Герберт Понятковский был существом в высшей степени рачительным.

И туфли, купленные на похороны последней супруги – женщины сквернейшего нрава и дурных привычек, которые и свели ее в могилу, а вовсе не его характер – рисковали утратить всякий внешний вид.

Он спешил.

Конечно, спешил, но...

С разумом! Именно! Не то, что иные, бегут по лужам, толкают людей степенных. Нет, Герберт Понятковский спешил именно так, как его учила матушка – упокой Хольм душу ее многострадальную – обходя лужи по краюшку и, коль случалось им вовсе бескрайними быть, выбирая путь по ледяному месиву тщательно, осторожно. Успокаивало, что собственные клиенты Герберта, коль случалось им появляться в столь ранний час, были терпеливы и незлобливы, в отличие от беспокойных их родственников, но с родственниками он ладить давно уж приучился.

Он успел добраться до конторы.

И даже снял замки числом четыре. Не то, чтобы Понятковский и вправду опасался ограбления – все ж товар у него был весьма специфического толку – однако не им установленные правила не ему и менять. Он избавил окна от ставен.

Нахмурился.

Стекла выглядели грязными, а ведь не прошло и недели, как их мыли под личным Герберта контролем. И вот... снег всему виной. И дождь. И что делать? Мойщиц приглашать? Или все-таки... зима грядет, а зимой... в тени-то особо не заметно... матушка, конечно, выговорила бы, она-то семейное дело блюла строго, но и клиент у нее иной был. Ныне-то люди всякое представление о приличных похоронах утратили, им подавай чего попроще, подешевле, а с дешевизны этой и налог уплати государству, и храмовую десятину, и аренду, и...

Мысли сделались грустны.

И от них на лице Понятковского застыло выражение величайшей скорби.

Он, вооружившись метелочкой из гусиных перьев, прошелся по залу. Смахнул пыль с выставленного на помосте образца модели «Возрождение».

Дуб.

С инкрустацией. И бронзовыми накладками, которые Герберт протер замшевой тряпочкой. Надо бы пастой отполировать, для пушского блеска, но...

...он расправил ленты на траурных венках.

И пересмотрел скромные, но полные сдержанной скорби букеты...

...матушка торговала живыми цветами, но Герберт от сего варианту отказался с немалым сожалением. Живые цветы были, несомненно, красивы, но убыточны. Искусственные, может, не столь хороши, но зато не вянут, да...

Он вытащил конторскую книгу.

Чернильницу.

Перо стальное.

Протер очки, которые носил исключительно для солидности. Гребешком прошелся по редеющим волосам, уже понимая, что нынешний день, столь отвратительно испорченный поздним пробуждением, будет пуст и неудачен. И все же... все же матушка, чей портрет Герберт держал на столе, смотрела строго, всем видом своим показывая, что не потерпит от единственного сына малодушия.

Терпение, Герберт.

Терпение.

И случится на твоей улочке праздник. Вспомни хотя бы деда, личность серьезную, которую Герберту не единожды в пример ставили. Он был бедным мастеровым, едва-едва державшимся на плаву и, как знать, не сгинул бы он в долгах, если б не война. А поморская эпидемия опять же? Сколь много брезгливых и боязливых отказались от подобного контракту? А дед ничего, подписался и получил достойную плату. И сама матушка... эпидемий ей пришлось целых три пережить, и с каждой семейное предприятие богатело. А что Герберту не везет, так это пока...

...он ведь старается.

– Да, матушка, – сказал Герберт со вздохом. – Конечно... я понимаю... помню... терпение – высшая благодетель...

Он хотел добавить, что, верно, просто не приспособлен для этой работы, когда медный колокольчик звякнул. И дверь открылась, пропуская господина препримечательнейшей наружности. Он был высок и худ, темноволос, носат и нос сей живо напомнил Герберту птичий клюв. Темные глаза господина блестели, будто бы он, невзирая на вполне солидные годы и состояние – а костюм выдавал, что состоянием господин обладал немалым – измыслил некую каверзу, которую и собирался воплотить в жизнь.

За господином вошла девица внешности обыкновенной, но...

Вот не понравилась она Герберту. На первую его жену похожа. То же обманчиво миловидное личико с некоторой сладкою припухлостью даже, но жесткая линия губ и квадратный подбородок выдавали характер жесткий.

...супруга всякую мягкость утратила на третий день общей жизни, превративши оную в сущий кошмар...

– Доброго дня, – произнес господин, озираясь с немалым интересом.

Щелкнули каблуки туфель. И сами оные туфли, как обратил внимание Герберт, мало того, что были на диво хороши, так еще и дразнили изрядным блеском.

– И вам доброго, – Герберт изобразил легкий поклон.

Говорил он тихо.

Сдержанно.

С достоинством.

И руки сцепил в замок, дабы удержаться и не поправить бутоньерку.

– Сочувствую вашему горю, – сказал он, разглядывая гостя.

...и костюмчик-то не белый, как ему подумалось сперва, но цвета слоновой кости, аккуратно, что матушкино погребальное платье – ткань пришлось из королевства выписывать. И супруга, которая еще супругой была, помнится, очень убивалась, что такая красота в могилу уйдет. А понявши, что уговоры не действуют, устроила безобразнейший скандал с битьем посуды.

...цвет хорош, но непрактичен.

...тем более для костюма. Сам Герберт привык к нарядам из серого сукна, в которых смотрелся строго и хорошо.

– Спасибо, – гость вытащил платочек и смахнул несуществующую слезу. Девушка скривилась. То ли горе их вовсе не было общим, то ли...

Додумать Понятковский не успел.

Гость отодвинул его в сторону, причем сделал это легко, хотя весу Герберт был изрядного – сказывался, что образ жизни, что любовь сердечная к пирогам – и решительным шагом направился в глубь выставочного зала.

К образцам, стало быть.

Остановился у соснового гроба. Поцокал языком.

– Это простая модель, – поспешил объяснить Герберт. – Суконная обивка, цвет можно выбрать...

Он с некоторой поспешностью – все же гость внушал непонятную робость – раскрыл альбом с образцами.

– Да и ткань, собственно говоря, тоже... и посмотрите, невзирая на кажущуюся простоту, изделие выглядит дорого. Дерево мы тщательно обрабатываем... никаких заноз... покрытие лаком...

– Чудесно...

– Если изволите взглянуть... все-таки сосна – это, как мне кажется, чересчур просто...

...а одежда гостя выдавала, что человек он скорее состоятельный и состояния немало, этакому сосновый гроб и для тещи покупать неуместно...

– Вот здесь у нас представлены самые изысканные модели. Обратите внимание на эту... материал – лиственница... выполнена в белом цвете. Обивка – атлас оттенка топленого молока. Впрочем, есть и иные... очень хорошо смотрится с обивкой в темном цвете. Можно украсить...

Герберт выдохнул, ибо никогда-то он не любил долгих бесед, даже когда сие требовало дело. Он вытащил из рукава платочек и отер лоб. Надо же, испарина... а супруга, та самая первая, подавшая на развод и наглым образом потребовавшая половину семейного дела, смела заявлять, что будто бы Герберт сух и эмоционально скуп. И потому с ним жить невозможно.

– Чудесно, – гость потер руками.

А девушка, его сопровождавшая, отвернулась.

– Просто замечательно... не возражаете, если примерю? – гость постучал по крышке гроба пальцем, и звук получился хороший, звонкий, деревянный. Что-что, а дерево Герберт слышать умел.

Он вовсе хотел пойти на столяра, чтобы после краснодеревщиком стать, но матушка...

...ее взгляд буравил спину.

Или не ее, но этой девушки, которая будто бы примерялась, в какой из выставленных гробов Герберта уложить.

Он сглотнул и, поправив шейный платок, уточнил:

– Примерить?

А то мало ли... вдруг ослышался. Или недослышал. В прошлом-то месяце даром что ушами маялся, застудил где-то...

– Примерить, – гость осклабился, демонстрируя зубы ровные и хорошие.

Нельзя такие людям показывать.

Обзавидуются.

– З-зачем?

– Мало ли, – гость пожал плечами. – Вдруг да коротковат будет... неудобно, знаете ли, – сообщил он доверительным тоном, – купишь вот гроб, а он тебе в пятках натирает...

Шутник.

Герберт мысленно вздохнул. Случалось забредать в тихую гавань похоронной конторы особам, лишенным не то, что страха перед неотвратимостью смерти, но и всякого к ней уважения. И этот, стало быть...

– На мои гробы еще никто не жаловался, – он поджал губы.

– Так... а все одно?

И не дожидаясь ответа, гость спешно скинул туфли, оставшись в полосатых носках. И в костюме полоска была продольною, а на носках – поперечною.

Гость поскреб ступню и ловко запрыгнул на постамент. Крышку откинул.

Поднял охапку несколько запылившихся лилий – увы, складские помещения давно уж стали тесноваты, вот и приходилось хранить товар, где придется – и протянул девице.

– Это вам, коллега...

Цветы она приняла молча и едино затем, чтобы протянуть букет Герберту. А уж он водрузил лилии в гроб сосновый...

...а если украшения составить цветочные? Венок из еловых ветвей или вот можжевельника, а в центре – композиция из лилий. Белое и зеленое... и недорого выйдет, народу понравится.

– А все-таки жмет, – произнес гость, ерзая в гробу.

– В пятках? – уточнил Герберт Понятковский с неудовольствием: все ж на его гробы пока и вправду жалоб не поступало.

– Ага... и в плечах узковат.

– У вас просто плечи широковаты...

– И что? – гость сел и уставился на Герберта с явственным недоумением. – Мне теперь вовсе не помирать?

И бровку смоляную поднял.

– Почему же, помирайте, коль охота будет, – Герберт всегда находил в себе душевные силы идти навстречу пожеланиям клиентов, сколь бы странны они ни были. – Но вот гроб стоит сделать на заказ... или иной примерить. Это все же женская модель...

– Женская? А есть разница?

Гость взял подушечку, отороченную кружевом – пусть не самым дорогим, но все одно исполнена она была качественно, ибо за качеством Герберт Понятковский следил строго – и понюхал.

– Конечно, есть. Дамы предпочитают дерево легкое. И атласы светлые... иногда красный, конечно, берут, но редко, это уж если покойная волю такую изъявила.

– Ага... – подушечку гость возвратил и соизволил представиться. – Себастьян... а вы, выходит, специалист?

Понятковский скромно поклонился.

Специалист или нет, не ему решать, но дед его гробами занимался, и отец короткую свою жизнь, матушка опять же... прадед вот могильщиком при храме работал и на хорошем счету был.

– Мерить станете? – почти дружелюбно предложил он, откидывая крышку дубового гроба.

– А то как же... – Себастьян ковырнул ноготочком бронзовый завиток. – Надо же, какая роскошь... и часто такие берут?

– На заказ...

– Заказывают?

Себастьян заглянул в ящик. Пощупал обивку. Приподнял вторую бровку.

– Шелк. Натуральный. Высочайшего качества... кружево, обратите внимание, ручной работы...

– А все одно тесновато, – Себастьян улегся в гроб и руки на груди сцепил. Глаза закрыл. На лице его появилось выражение превдохновенное, вполне соответствующее гробу. – Не повернуться...

– Знаете, – не выдержал Герберт, – обычно мои клиенты не ворочаются...

– Уговорили. Беру, – Себастьян приоткрыл глаз. – Две дюжины...

– Сколько?

Герберт Понятковский был удивлен.

Поражен.

Сражен.

Сердце пропустило удар: неужели где-то началась эпидемия, а он... но эту ужасную мысль он немедля отбросил. Во-первых, ему бы сообщили. Во-вторых, на эпидемии заказывают особые гробы, дешевые в изготовлении, без обивки и прочих излишеств, а не исполненные из дуба.

– Две дюжины, – повторил Себастьян. – Давайте часть из темного дерева... часть из светлого... обивку... а пусть на ваш вкус...

– Зачем вам? – не выдержала девица.

– Ну... мало ли, – Себастьян пожал плечами. – Друзьям подарю, родственникам опять же. Хороший гроб в хозяйстве всегда пригодится.

С таким утверждением Герберт был согласен.

И кивнул даже.

Хотя... оно, конечно, его гробы всегда отличались высочайшим качеством, но... чтобы вот так... в подарок...

Две дюжины гробов.

И не просто гробов, но отменнейших дубовых. Сразу кольнула тревожная мыслишка: а хватит ли материалу? Дубовую доску Герберт брал у одного и того же поставщика, в количествах небольших. Литье опять же, уголочков-то всего на четыре гроба. Кто ж знал...

– Единственно, – как ни велико было искушение немедля согласиться, но Герберт сей порыв душевный сдержал. – Я не могу обещать, что исполню ваш заказ в кратчайшие сроки...

– Сколько?

– До трех недель...

Он замер, предчувствуя недовольство, но Себастьян вновь лег в гроб, поерзал, выбирая положение удобное, и руки сложил на груди.

– Если до трех, то пускай себе... и даже до четырех...

– Пан Вевельский, – девица-таки отмерла, но исключительно затем, чтобы испортить день, – вы уверены, что вам нужны две дюжины гробов?

– Уверен.

– Вы...

– Просто необходимы, – над гробом поднялась смуглая длань и погрозила девице пальцем. – Не сбивайте с мысли...

– С какой?

– Важной...

– Как вы их отсюда повезете? – девица щелкнула по ближайшему цветку. Никакого уважения к чужой собственности! И пусть цветок тряпичный, но все одно исполнен искусно и стоил немало.

– А это уже другой вопрос. И полагаю, господин Понятковский нам в том поможет. Поможете? – над гробом показался край пренаглейшей физиономии. – Вы ведь занимаетесь экспортом гробов и прочего...

Он обвел контору рукой.

– Занимаюсь, – подобрался Герберт, предчувствия, что радость от такого заказа будет недолгой. Небось, из Особого отдела явились, учетные книги проверять, а прочее все – исключительно за-ради контролю...

– Чудесно! – расплылся в улыбке Себастьян. – Значит, оформлять бумаги ему не впервой. Вы ведь оформляете на каждую партию?

Герберт кивнул.

Само собою.

И справки. И ходатайства. И прочие бумаженции числом немалым. Кто ж без них-то товар выпустит? Чай, гробы – не пыльца феечек, которую иные умельцы в запонках перевозят. Нет, гроб не спрячешь и лесной тропой не провезешь, тем паче, когда он не один. А надо сказать познаныцы к превеликому удивлению Герберта в похоронах толк знали. И заказы с той стороны шли постоянно, невзирая на воистину запредельную цену, которую приходилось ставить не ради баловства, но исключительно чтобы все подати с налогами оплатить...

...признаться, пан Герберт подумывал вовсе переехать, но мысли сии были трусливыми, осторожными, ими он и с матушкиным снимком делиться стерегся.

Мало ли...

– Значит, – Себастьян все-таки выбрался из гроба. – Оформляем договор?

Герберт кивнул.

– Две дюжины... аванс?

Снова кивнул.

Само собою. Без аванса ему никак...

– Половина? – деловито предложил Себастьян, постукивая пальцем по крышке гроба. – Вторую половину после того, как документы на партию предоставите...

И тут сердце Герберта Понятковского екнуло.

И во взгляде дражайшей матушки появилось... неодобрение? Разочарование? Или скорей предупреждение, не внять которому Герберт не мог.

– Я, – он вздернул подбородок, отчаянно силясь казаться выше, – незаконными делами не занимаюсь...

...а то ведь находились умельцы, которые, проведавши про маленький Герберта бизнес предлагали ему оный бизнес существенно расширить. И золото обещали. И прочие блага. Мол, есть свои люди на границе, прикроют... чего гробам пустыми ехать.

– Чудесно, – Себастьян расплылся в улыбке. – Мы за вас премного рады.

– Я...

Его приобняли. И Герберт ощутил терпкий запах хорошей туалетной воды. Ткнувшись носом в самую, почитай, подмышку – а был гость безобразно высок – он сделал вялую попытку высвободиться.

Бесполезно.

– Вы, дорогой мой грободел, – ласково промолвил Себастьян, – нужны мне исключительно по прямому назначению. Две дюжины гробов. И документы на провоз всей партии. Можете запечатать, если вам с того спокойней будет.

Герберт икнул.

И все же вывернулся из слишком уж дружеских объятий. Поправив перекосившиеся очки, он мрачно произнес:

– Хорошо...

– Я бы даже сказал, что отлично... сейчас мы подпишем договор... пересчитаете деньги... вам как удобней, векселем или наличными?

– Н-наличными...

...с векселями всегда возни изрядно, да и... нет, Герберт Понятковский был честным человеком, но порой честность эта доставляла множество неудобств, особенно когда дело доходило до налогов. Ведь, если хорошенько посчитать, то получалось, что почти вся прибыль отходила государству, и сей факт премного Герберта печалил...

...иногда печаль становилась совсем уж всеобъемлющей, и тогда...

...там талер, там два... государство с двух талеров не оскудеет, а Герберту прибыль...

Себастьян усмехнулся. И показалось, что он неким чудом сумел заглянуть в мысли Понятковского, и счел оные мысли забавными.

– Наличными. Тогда нам придется ненадолго отлучиться... с собой, знаете ли, подобных сумм не вожу, но меня заверили, что ваш банк принимает дорожные чеки...

– Принимает, – со вздохом отозвалась девица и очи закатила, разглядывая потолок. А его, меж тем, не мешало бы побелить.

Побелит, решил пан Понятковский.

Всенепрременно.

И витрины обновит. И с цветами подумает... оно-то самому торговать – один убыток, а вот если со Шмульцевым договориться, чья лавочка была через дорогу, о скидке для клиентов, то всем выгода выйдет.

– Вот вам задаток, – на крышку гроба – красная береза и сатиновая обивка черничного цвета – легла стопка золотых монет.

Познаньских полновесных злотней.

– Оформляйте договор...

Он выставлял монету за монетой, создавая из них этакую золотую башенку, вид которой завораживал. Все ж следовало признать, что в этой жизни, кроме, конечно, дорогой и безвременно почившей матушки, Герберт Понятковский нежно и со всем пылом любил деньги. Он, не смея отвести взор – вдруг да исчезнет заветная башня – вытащил бланк стандартного договора. Перо. Чернильница. Задумавшись на мгновенье, Понятковский решительно нарисовал цену, развернул бланк к гостю, который за маневрами следил с легкой насмешкой, и дождавшись кивка – цена устраивала – быстро принялся заполнять прочие графы.

– А скажите, милейший, – Себастьян наклонился и, опершись на конторку, вытянул длинную шею, заглянул на ту сторону. – К вам, стало быть, приходили с предложением?

– Кто?

– А вы нам расскажите, кто приходил... когда приходил... чего предлагал...

– Ничего и никогда, – Герберт ответил сие решительно.

– Совсем ничего?

– И совсем никогда, – он едва не поставил уродливое чернильное пятно. Благо, работа в похоронном бюро требовала немалой сдержанности, вот и пригодилось.

– Какая печаль, – Себастьян ему не поверил. И поставив на конторку монету ребром, подтолкнул ее к Герберту. Толстый злотень, нарядный и новый, сияющий, покатился, крутанулся и...

...исчез в Себастьяновой ладони.

– Все ж подумайте, – взгляд гостя сделался печален. – Хорошенько подумайте...

– О чем?

– Обо всем... о жизни вот... мы передумаем... уйдем... вы ведь не единственная похоронная контора в городе...

– Уходите, – Герберт решительно отер тряпицей перо. – Уходите и...

– И вызвать вас на допрос? – девица вытащила бляху. – Возможно, в Особый отдел...

Она говорила тихо, но...

...матушка взирала на Герберта с печалью: сколько раз говорила она ему, не связываться с личностями подозрительного свойства. И вот, пожалуйста... сам не связался, так они заявились... и как ему быть?

– Я ни в чем не виноват! – он поднял договор без особой надежды, что этот листок бумаги защитит его.

– Верю, – девица криво усмехнулась, аккуратно как его первая жена перед тем, как заявить, что она-де на развод подает. – И думаю, в Особом отделе вам тоже поверят... вы ведь на хорошем счету... честный торговец, но... в нынешней ситуации недостаточно быть просто честным... вы ведь не хотите, чтобы вашу лицензию на торговлю с королевством просто-напросто отозвали...

Герберт замотал головой.

Не хотел.

Если эту лицензию отзовут, то... то ему только и останется – пыльная контора, искусственные лилии и надежда, что когда-нибудь где-нибудь вспыхнет эпидемия, которая и спасет его от разорения.

– Чего вы хотите? – устало спросил Герберт, уже смирившись с тем, что неудачно начавшийся день столь же неудачно и завершится.

– Правду, друг мой, – Себастьян ткнул в договор. – Ну и гробы...

– Князь, вы...

– Да, дорогая Катарина, я все еще намерен прикупить гробов...

– Для друзей, да, – хмыкнула Катарина.

– И для родственников... полагаю, жена моего брата оценит, она на редкость деловая женщина, а ваши гробы давно уж снискали себе славу... но вы не отвлекайтесь, господин Понятковский... так кто и когда вам предлагал... сомнительное предприятие?

И Понятковский вздохнул.

В конце концов столько времени прошло. И сомнительно, чтобы тот человек еще был в городе... и вообще, он честный гражданин...

– Пять лет тому... да, – лысоватый господин в строгом костюме, который сидел почти хорошо, раскрыл вечный календарь. Слегка нахмурился. Ущипнул себя за густую бровь и кивнул, соглашаясь с какими-то своими мыслями. – Мне два дня как лицензию выдали. Долго рассматривали. Признаться, и не надеялся...

Он почесал вторую бровь.

И обе эти брови, густые, сросшиеся над переносицей, растрепались, отчего в благообразном облике господина, в целом соответствовавшем месту его службы, появилась некая несуразно диковатая нота.

– Пришел утром. Вот как вы, – это прозвучало почти обвинением. – Запер дверь. Сказал, что у него ко мне предложение, что...

Он дернул узел шейного платка.

– Поймите, я не желал связываться ни с чем... подобным. Я понимаю, что многие промышляют... я... – он запнулся и с какой-то излишней явно поспешностью добавил.

– Мы вас не обвиняем, – Себастьян толкнул злотень, который покатился по конторке, чтобы попасть в дрожание, но цепкие пальцы Понятковского. – Мы ни в чем вас не обвиняем. И даже не будем привлекать как свидетеля...

Катарина нахмурилась. Похоже, идея не привлекать Понятковского не нашла отклика в ее очерстевшем сердце. А зря. Свидетель из него аховый, видно, что боязлив до невозможности и ныне им один страх движет, а попроси под протокол свой рассказец записать, и мигом иной проявится.

Понятковский испустил тяжкий вздох и, спрятав монетку в нагрудном кармане, погладил его.

– Он говорил... говорил, что бояться не стоит, что у него есть знакомые... и грузы будут идти... туда и обратно... мне всего-то надо будет документы оформлять.

– Что за грузы? – уточнила Катарина.

Ишь, подобралась.

А главное, что с утра какая-то не такая, как намедни. Злая? Раздраженная? И еще, пожалуй, растерянная, пусть и всячески пытается это скрыть. Интересно...

Себастьян исподволь разглядывал напарницу, находя новые и новые признаки ее недовольства.

Уголки губ опущены. И левый нервно подрагивает, будто Катарина изо всех сил сдерживает истерический смех. Под глазами тени. Волосы... волосы зачесаны гладко. Слишком уж гладко. А вот воротничок платья измят.

И пальцы то и дело касаются этого несчастного воротничка.

Щиплют.

Крутят.

Любопытно... что вчера случилось? Спросить напрямую? Не расскажет... и личное это? Или же дела касается?

– Да разве ж мне сказал он? Нет... я сразу заявил, что не стану связываться... ни за какие деньги не стану. Голова дороже, – немного нервно произнес Понятковский. – Я думал... боялся... что он станет уговаривать... угрожать... а он... он лишь визитную карточку оставил...

– Какую?

Себастьян подобрался.

– Не свою... купца познаньского, который... сказал, что мы с ним найдем общий язык... и что я могу лично убедиться, что... – Понятковский рванул узел. – Я эту карточку сжег.

– Плохо, – сказала Катарина.

И Себастьян был с нею согласен.

– Очень плохо...

– Но... – Понятковский облизнул губы. – Я запомнил фамилию и... и мне случалось встречать этого человека... он... он пытался пристроить свой товар сюда. Явился неделей после...

Интересно.

Совсем интересно.

– И что за товар? – Себастьян уже знал ответ. Более того, пожалуй, он мог бы и имя назвать, не сразу, но... не так уж много купцов торгует с Хольмом. А грузы оформлялись официально, и потому достаточно лишь поднять бумаги.

– Так... – Понятковский поправил очки и, послынявив палец, провел по бровям, возвращая им прежнюю ухоженность. – Гробы же... но качества преотвратного. Хотя... все равно их берут.

Это он произнес с немалым неодобрением.

– Думают, что если из Познаньска, то лучше наших. А наши гробы, чтоб вы знали, самые лучшие во всем Хольме...

Глава 2

*Не всякий гранит науки одинаково полезен для желудка.
Размышления некоего студиозуса.*

Панна Гуржакова разглядывала жениха через лорнет. Не то, чтобы со зрением у нее проблемы были, отнюдь, но по собственной убежденности лорнет придавал ей солидности.

– Вы прелестны, – промолвил жених, прикладываясь к ручке Гражины. И та зарделась, что маков цвет, пролепетала нечто неразборчивое, но ручку, что характерно, не забрала.

Хороший признак.

Панна Гуржакова отвернулась, скрывая торжествующую улыбку. Получилось! А ведь дочь, вот упертое создание, в кого только пошла? – наотрез отказывалась знакомиться со сродственником панны Белялинской. Заявила, мол, сама себе найдет жениха.

– Милые дети, правда? – ласково поинтересовалась панна Белялинска, поправляючи складочки нового платья из алого бархату. И надо сказать, пусть и яркий колер был – сама панна Гуржакова в жизни б не решилась одеть такой – но платье старой подруге шло несказанно.

Да и сама она... помолодела будто бы.

Посветлела.

– Они будто созданы друг для друга, – пропела панна Белялинска и смахнула накатившую на глаза слезу батистовым платочком.

С монограммой.

– Да, Гражинке он глянулся, – степенно ответила панна Гуржакова, – но не след торопить события...

По личику панны Белялинской скользнула тень. И на мгновение показалось, что личико это, набеленое, напудренное, уродливо.

– А разве кто торопит? Впрочем, дело, конечно, ваше, но... сговориться следует, потому как уедет он и что тогда?

– Куда уедет? – тревога кольнула материнское сердце.

Как это уедет?

Зачем?

– Так ведь он в столице живет, – развела руками панна Белялинска. – И к нам погостить прибыл. На пару недель, а потом дела... сами понимаете, хозяйство без присмотра оставить никак невозможно. Мигом все разворуют.

Этот аргумент был панне Гуржаковой более чем понятен. Оно и вправду, чуть ослабь руку хозяйскую, отверни глаз и люд подневольный сразу же расслабляется. А при расслаблении лезут ему в голову мысли всякого зловердного свойства.

– Я, конечно, не настаиваю, – панна Белялинска подняла кофейничек, подержала на ладони и поставила на стол, точно передумала на гостей таких неблагодарных кофе изводить. – Но все же, как лицо заинтересованное настоятельно рекомендовала бы вам не медлить. Посмотрите на дочь... она расцвела, похорошела...

Гражинка и вправду поутратила обычную свою дебеловатость.

И смеялась.

И чегой-то там лепетала, всяко понятно, глупое, но паренек слушал превнимательно. И ручку не отпускал.

– Так... предложения еще не сделал, – сказала панна Гуржакова, у которой этакая картина душевного единства дочери и жениха ейного, вызывала отчего-то не умиление, но глухую тревогу.

А предчувствиям своим она доверяла.

– Поверьте, за этим дело не станет...

– От как не станет, так и... – она вздохнула и с некоторой поспешностью, которая хозяйке определенно пришлось не по нраву, сменила тему. – Слыхали? В городе упырь завелся.

– Неужели?

Панна Белялинска с немалым трудом удержалась, чтобы не разбить кофейник о покатый лоб подруги. Вот же... чего ей, спрашивается, еще надо? Молод.

Хорош собой.

Состоятелен. При титуле.

А она носом крутит, будто заподозрила чего...

– А то, – панна Гуржакова откинулась на диванчике и, сцапав третий уж эклер, отправила его в рот. А эклеры ныне недешевы, и пусть получилось рассчитаться с некоторыми долгами, но... это еще не значит, что всяких тут эклерами закармливать можно. – Влюбленный...

– Кто?

– Упырь, – она и пальцы облизала, совершенно не чинясь.

– В кого влюбленный? – панна Белялинска изволила изобразить интерес и удивление. Удивление было наигранным, а вот интерес – вполне себе живым. Упырь...

Упырь – это необычно.

А необычное – дорого.

– Кто ж знает, – пожалала панна Гуржакова полными плечами. – Говорят, ходит, рыщет, ищет свою суженую...

Она поерзала, потому как диванчик с виду прелестный, оказался жестким до невозможности.

...и подсвечники на каминной полке явно позолоченные.

– А куда пропали твои нефритовые кошечки? – панна Гуржакова ткнула пальцем в ту самую полку, где в прошлом году имела честь лицезреть пару очаровательных статуэток из нефриту.

– Переставила в другое место... значит, рыщет, говорите? Влюбленный... и как определили, что упырь?

– По крылам... а чего переставили? Хорошо ведь смотрелись...

...и ваза, помнится, стояла перед лестницей цианьская, какого-то там веку, древность, стало быть, немалой стоимости. Куда подевалась?

...а ткань, если приглядеться, крашенная. Нет, в том беды нету, но крашена неровно, стало быть, перекрашивали... и было у панны Белялинской бархатное платье бледно-ружового колеру, от его, выходит, и перекрасила на красный. Девки ейные и носу в гостиную не кажут. Куда девала? Или велела наверху сидеть, потому как им и перешитых нарядов не досталось?

Темнит она.

И женишок этот. Уж больно ко времени объявился, что бес из коробки... до того о сродственниках своих панна Белялинска не упоминала даже, а тут вдруг... нет, не надобно им этого счастья.

Решение далось легко и панна Гуржакова вздохнула с немалым облегчением, будто камень с души свалился. Правда, подруженьке, которая глядела внимательно настороженно даже, она ни слова не сказала: ни к чему.

Просто...

Просто придет молодой человек важную разговору, а там... там панна Гуржакова чего-нибудь да придумает, вежливого, чтоб отношения не портить... а если не получится вежливого, то... то и демон с ними, с отношениями...

Родная дочь ей всяко дороже.

Родная дочь думала о том, что если ей еще раз поцелуют ручку, то она не сдержится и ручкой оною приложит нахала по уху, даром, что уши у жениха были крупными и розоватыми. Слегка оттопыриваясь, они вносили ноту диссонанса в изящное его обличье. И вот странное дело, сама-то Гражина никогда прежде не считала себя красавицею, а потому придерживалась мнения, что судить по людям надобно не по внешности, теперь же...

– Вы так прельстительно прелестны, – жених изволил наклониться к самому уху, в которое дыхнул ядреною смесью одеколоны и мятного ополаскивателя для рта.

Матушка тоже такой пользовала.

А еще пастилки рассасывала, чтоб, значит, дыханье обрело легкость и изящество, как сие писали в рекламном листке. Гражине всегда ж непонятно было, легкость легкостью, но изящество?

– Я как увидел вас, так весь прозрел, – ручку слюнявить он, верно, почуявши скептический настрой невесты, поостерегся, зато подвинулся ближе.

Еще немного и спихнет ее с диванчика.

Впрочем, отодвигаться Гражина не стала – некуда. Да и матушка следит зорким глазом. И небось, не одобрит подобного поведения, зудеть станет, выговаривать... этот-то ей по нраву... конечно, и странно даже, что самой Гражине жених не глянулся.

Ведь хорош.

Красивей даже князя, хотя... князь, тот настоящий, пусть и с хвостом, а вот этот. Гражина глядела и не могла понять, отчего же несомненная красота Вильгельма оставляла ее равнодушной.

Высок.

Строен.

Черты лица правильные... лопухий... так это почти незаметно.

А вот дурость – так очень даже заметно. Что жених не шибко умен, Гражина поняла сразу, стоило ему рот открыть. Ну не будет разумный человек сходу другого разумного человека в благоглупостях топить.

– Вы прям меня вдохновили, – промолвил жених, приложивши обе руки почему-то не к сердцу, но к животу.

– На подвиг? – не удержалась Гражина.

– На стих! Я пописываю, знаете ли, иногда, – скромно потупился он.

– Главное, чтоб не при людях...

– Что?

– Ничего. Я всегда восхищалась поэтами, – солгала Гражина.

За ложь эту простится. Положено девице ее лет поэтами восхищаться, особенно теми, которые пишут о любви, а вряд ли жених ее потенциальный отыскал иные темы.

– О, что вы, я не поэт, я так...

– Пописываете...

– Именно... а хотите, я вам прочту!

– Нет, – Гражина, как и подозревала, осталась не услышанной. Жених вскочил. Вновь прижал ладони к животу – может, мается им? – и очи воздел к потолку. Очи эти он имел дурную привычку пучить, отчего лицо, и без того не слишком омраченное интеллектом, вовсе обретало некоторую дуроватость.

Он сделал глубокий вдох.

И возопил.

– Расцвела над поляной калина...

Гражина закрыла глаза.

– Отвечай же скорее, Гражина...

И на колено бухнулся.

Весело захлопала панна Беялинска.

– Bravo, bravo...

Она всерьез, что ли?

– Очень мило... – выдавила Гражина, чувствуя, как заливается краской. Вот что за глупая особенность организму – чуть что, так краснеть. И со стороны, верно, выглядит все так, будто бы покраснела она от девичьей стыдливости.

– Так вы согласны? – с придыханием поинтересовался женишок.

– На что?

– Как на что? – его левая бровь поднялась выше правой. – Я ж сказал?

– Расцвести над поляной? – Гражина подобрала юбки и поднялась. Хватит с нее. Уж лучше привычное матушкино зудение, чем эти, с позволения сказать, поэтические экзерсисы. – При всем моем уважении, это не в моих силах...

В выпуклых глазах жениха мелькнуло что-то... нехорошее.

– Замуж, – севшим голосом произнес он. – Вы согласны составить собою мое личное счастье? И выйти за меня замуж.

– Нет.

– Гражина! – возопила панна Беялинска, хватаясь за грудь, но за правую. После, конечно, вспомнила, что у приличных людей сердце слева пребывает и руки перекинула. Оглянулась, прикидывая, не упасть ли в обморок, но поняла, что ловить ее некому, а на козетке матушка восседает, стало быть, падать на пол придется, и передумала. – Гражина, что ты такое говоришь?!

Нет, еще бы седмицы две тому Гражина промолчала бы.

И уже дома, слезами и вздохами, попыталась бы матушку разжалобить, но ныне она вдруг явственно осознала, что та она, прежняя, была жалкою и никчемною.

– Правду, – она выдержала взгляд панны Беялинской. – Мы только познакомились, и сразу замуж?

– Я в вас влюблен!

– Уже?

– С первого взгляда, – жених неловко поднялся и отряхнул костюмчик. – Я как узрел вас, так сразу и понял, что вот она, женщина, с которой я могу быть счастлив!

Звучало хорошо.

И, та, прошлая Гражина, мечтала о подобном. Чтобы любовь, чтобы с первого взгляда и на всю жизнь... чтобы сердца в унисон и за руку держаться... и робкий поцелуй в щеку... стоило представить, как жених целует ее, прикасается к щеке розовыми влажными губами, и Гражину передернуло.

– Боюсь, – сдержанно сказала она, – не могу сказать о том же.

Воцарилось молчание.

Настороженное.

Злое?

– Мы с вами толком и не знакомы, – та прошлая Гражина никуда не исчезла. Ей было до жути неудобно за поведение Гражины нынешней, за злые ее слова и то смущение, которое должен был бы испытывать несчастный юноша после отказа. А вот нынешняя почему-то была уверена, что испытывает он отнюдь не смущение, а ярость, которую отчаянно силится скрыть. – И при всем уважении, я не готова связать свою жизнь с человеком, которого вижу впервые...

Она подхватила юбки.

Показалось вдруг, что панна Беялинска сейчас ударит.

Глупость... конечно, показалось... а матушка встала, чашечку с кофеем нетронутым на столик вернула и произнесла.

– Нам, пожалуй, пора... – и голос ее был на диво спокоен.

– А я...

– Еще встретимся, надеюсь, – солгала Гражина. И жених ожил, встрепенулся.

– Конечно, встретимся, и в сердце своем я буду хранить надежду, что вы, о прекрасная Гражина, смилостивитесь...

– Храните, – Гражина решила быть великодушной.

В конце концов, чужие надежды ей жить не мешают.

Уже в экипаже матушка поинтересовалась:

– Он и вправду тебе не нравится?

Гражина вздохнула.

Началось? Сейчас ей выскажут и за поведение неподобающее. И за грубость. И еще за неспособность хоть раз в жизни послушать маму и ответить согласием своему счастью...

– Он глуп.

– Так и ты не шибко разумна, – матушка вытащила любимую табакерку и, откинувши крышечку мизинцем, ухватила щепоть табаку.

– Вот именно, – Гражина наблюдала за матушкой искоса. Странно, что та столь спокойна и даже довольною выглядит. – Если даже мне заметно, что он дурак...

– Зато красивый.

– Я не любоваться им собираюсь, а жить...

– Состоятельный?

– Мы сами не бедны.

– При титуле...

– Как нам сказали...

Матушка чихнула и довольно зажмурилась. А Гражина, радуясь тому, что неприятная беседа откладывается, продолжила.

– Что мы о нем знаем? Появился вдруг. Состоятельный и знатный. Красивый, как вы сказали... не особо умный. Почему тогда до сих пор не женатый? Неужели в Познаньске охотников не нашлось? Охотниц, – поправилась она. – А если там не сгодился, чтоб женить, то нам тогда зачем?

Матушка закрыла табакерку.

Сделала глубокий вдох, очи прикрыла... задумалась, стало быть...

– Верно говоришь, доченька, – наконец, произнесла она. – Всем хорош, да только... как петушок золоченый. Сковырнешь позолоту и сахар один. А от сахара зубы болят... нет, нам такой жених не нужен.

Никакой не нужен.

У нее уже есть один, тот, чье имя в королевстве произносить не принято. И матушка, услышь это имя, придет в ужас, а то и вовсе обезумеет от гнева... что сделает? Запретит упоминать? Сразу за вожжи возьмется? Нет, вожжами она только грозитя горазда, а никого никогда не тронула, даже Матренку, которая новое бархатное платье испоганила, только за косу отгаскала во гневе, после ж сама винилась и платье порченное отдала. Матренка из него юбку себе пошила, форсила после перед остальными...

...вожжи вожжами, а вот в монастырь какой на покаяние отправит.

...или, коль Гражина сама ехать откажется, – а она откажется, ей в монастырь невозможно, – письмоцо пошлет. Слыхала Гражина, что в иных монастырях человеку сгинуть легче легкого.

Страшно?

А то... она ведь живой человек. Ей нехота в каменную утробу, чтобы дни в постах да молитвах коротать... и чего уж проще, отступиться, да...

...она снова сон тот видела, который почти как наяву. И луг. И травы были душисты, тяжелы. И жарило солнце. И она, Гражина, бежала к человеку... будто бы к человеку, который

на вершине холма ждал ее, терпелив и прекрасен... и вот же, лица его не разглядеть – солнце глаза слепит – а Гражина все одно знала, что был он прекрасен, прекрасней всех людей...

– Не переживай, – матушка молчание по-своему оценила, погладила Гражину по руке. – Мы тебе иного найдем, лучше прежнего...

– Спасибо.

Гражина сдержала вздох.

Уже нашла.

...почти...

...ныне вечером ее ждать будут на старом месте... и... и страшно было с того.

Глава 3. Где речь идет об угнетателях, угнетенных и гробах

*Если бы Земля была плоской, кошки бы уже все с нее скинули
...вывод, к которому пришла одна старая дева после долгих
научных изысканий.*

Горячий чай.

Сырники горочкой. Сметана найсвежайшая в фарфоровой креманке. Булочки с тмином. Масло. Варенье. Скатерку и ту поменяли. Сколько себя Катарина помнила, ей не случилось видеть этаких от скатерок, чтоб накрахмаленные до хруста и белоснежные...

Голодную волчицей кружила официантка, не спуская с князя томного взгляду.

А Катарине доставались редкие, оценивающие и ревнивые. В какой-то момент почувдилось даже, что не совладает официантка с этакими чувствами да и учинит какую-нибудь пакость...

...чай подала холодный.

Слабый.

Не чай – водица крашенная.

– Зачем вам гробы? – не выдержала молчания Катарина. Нервы были натянуты до предела.

Хелег.

Харольд.

И Нинель.

И Вересковский, который скончался скоропостижно. Слишком все завязалось в один узел, а Катарина не представляла, с какой стороны к этому узлу подступиться.

– Я же не спрашиваю вас, что вчера произошло? – вопросом на вопрос ответил князь, и хвост его лег на стол, аккурат между двумя креманками.

Официантка испустила вздох, то ли томный, то ли испуганный. Конечно, хвост – это не то, что женщина ожидает увидеть в мужчине, но... во всем остальном князь был прекрасен, а потому с этакую мелочью – подумашь, хвост – она готова была смириться.

– А почему не спрашиваете?

Катарине стало обидно.

Ей, значит, холодный чай и черствый хлеб. А ему сырнички горкой... и где справедливость?

– А вы ответите? – он крутанул ложечку в пальцах.

– Может, и отвечу...

– Продам.

– Кого? – не поняла Катарина.

– Гробы. Втридорога. Может, в четыре, тут как получится. Обогащусь. И угнету тем самым простой рабочий люд, – князь ложечку облизал и зажмурился от удовольствия. – Варенья хотите?

– Хочу, – Катарина решительно подвинула креманку к себе. – Значит, обогатитесь?

– А то... это ведь нормальное стремление любого человека... так что случилось?

– По-вашему, значит, все хотят обогатиться?

– Не в прямом смысле слова, но да... и дело не только и не столько в деньгах как самоцели...

Официантка поспешно подала еще одну креманку. А уж какой гневный взгляд адресовала Катарине, посмевавшей столь наглым образом объедать мужчину. От этого взгляда варенье поперек горла встало. Катарина закашлялась.

– Скорее уж речь идет об улучшении общего благосостояния. Скажем, шелковые чулки вместо шерстяных. Четыре пары туфель вместо трех... и сапоги...

– Ну да... а как же служение обществу?

– Одно другому не мешает. Служите... но и о себе забывать не стоит.

– То есть, вы не верите в альтруистов?

– Не верю.

– Моему наставнику было безразлично, сколько у него пар обуви. И костюму его было десять лет. Он не понимал, зачем ему тратить время на поиски нового... или...

– Чем он занимался? – перебил князь.

– Наукой. Он... у него была теория... он работал с ней. Над ней. Собирался книгу издать, но...

Рассказывать о наставнике, пожалуй, не стоило.

– Книгу... книги – это хорошо... источник мудрости... а вот если, скажем, у него появилась бы возможность издать свою книгу, но за личные средства?

Сырники Себастьян разрезал на четыре части. Каждую поливал щедро черничным вареньем и, наколов на вилку, отправлял в рот. При чем умудрялся это повернуть так, что ни капли варенья не упало на скатерть.

– Или вот захотелось бы ему школу основать... или не школу, но взять учеников... не одну девицу, с которой судьба свела, но с полдюжины талантливых ребят... конечно, хорошо бы, чтоб родители этих ребят за учебу платили, но сие навряд ли... а вот ситуация, когда наши гипотетические ученики сами бедны, что храмовые мыши, вполне себе реальна. Следовательно, что?

– Что? – эхом повторила Катарина.

– Следовательно, нуждаются в поддержке, пусть и в малой... обед там горячий. Ужин. Одежка зимняя, да и летняя... – он мечтательно зажмурился. – И вот представьте ситуацию, когда возможность передать накопленные знания и вырастить талантливого преемника зависит исключительно от такой низменной вещи, как деньги...

– Вы... не понимаете.

Вот что за нелюдь! Так и норовит все ополнить... и главное, сходу и не поймешь, что возразить.

– Объясните, – этот нахал проводил томным взглядом официантку, которая – вот что за манера заниматься на рабочем месте нерабочими делами? – далеко от столика не отходила. Встала, оперлась на декоративную колонну, пуговку на блузе будто случайно расстегнула, волосы взбила...

– Вчера убили мою соседку, – Катарина заставила себя не смотреть на официантку. Если князю охота – пускай, в конце концов ее не моральный облик случайного гостя блюсти поставили. – Мой коллега.

– Бывает, – он нисколько не удивился. – Вас это задело?

– Нет. Да. Не знаю... я... – она вздохнула и призналась. – Я запуталась. Мне кажется, что это имеет отношение к... к нашему делу... но все вокруг говорят, будто я ошибаюсь.

Он чужак.

Случайная величина. Он точно не заинтересован ни в перераспределении мест, ни в том, как процент раскрываемости на карьеру повлияет, ни... и выслушать выслушает.

– Все... все – это кто?

– Мой начальник...

– Которому неохота устраивать долгое разбирательство?

– Да.

– А ваш коллега?

– Он умер.

Князь оглядел стол и, подвинув к себе высокую креманку, произнес:

– Весьма удобно... для вашего начальника. Дело можно списать в архив. Ни суда, ни...

– Он признался. Перед смертью. Точнее все, им сказанное, можно истолковать как признание...

– А можно...

– А можно и не истолковать, – Катарина злилась. Она тут, можно сказать, душу изливает или почти душу, а он, вместо того, чтобы внимать и сочувствовать, варенье ест.

– Любопытно... но вас смущает не только это?

– Не только... убитая незадолго до смерти предлагала мне сделку. Информацию по делу взамен на кое-какие вещи...

– Контрабанду.

Какое удивительное понимание.

– Ничего особенного. Чулки там и...

– И вы отказались?

– Да.

– А теперь жалеете?

– Да.

– Не можете отделаться от мысли, что убили ее из-за вас, из-за этой информации, которой она якобы обладала, – варенье князь ел столь же аккуратно, как и сырники. И эта его манерность, костюм из светлого сукна – надо же, сыскался в универмаге такой под нестандартную князеву фигуру – невероятно раздражали.

– Да. Скажете, я не при чем?

– Скажу, что не имею ни малейшего представления, при чем вы или нет. Вполне возможно, что начальник ваш прав, и это дело не имеет никакого отношения к нашему...

– Учителю, – подсказала Катарина.

– Учителю, – Себастьян повторил это слово с видом презадумчивым. – Да, пожалуй... из того, что я прочел... так вот, бывают совпадения. Самые странные. Порой страшные. Порой и вовсе кажущиеся невозможными... бывают. Но равновероятно и обратное.

Официантка продефилировала мимо с подносом на левой руке.

– Вы можете быть правы в ваших предположениях. И соседку вашу убили именно потому, что она решила поделиться с вами информацией.

Себастьян провел по скатерти пальцем, словно отделяя себя от Катарины.

– И это плохо... очень плохо...

– Потому что я позволила... – слова застряли в горле, но Катарина справилась с ними. – Ее убить?

– Позволили? Вашего позволения, как мне сдается, никто и не спрашивал. А что до остального, то... знаете, если человека хотят убить, то как правило его убивают. Кем была ваша соседка?

– Буфетчицей.

– Не люблю буфетчиц, – светским тоном заметил князь. – Вечно меня обвесить норовят. А однажды заветрившуюся рыбку подсунули, так я потом трое суток животом маялся. Вот поверите, травили... по-разному травили, но только этой рыбой на трое суток. С той поры и не люблю...

Он вздохнул и подвинул к себе последний сырник.

– Это так, лирическое отступление... значит, буфетчица... если она и вправду что-то знала, то есть два варианта. Первый, она узнала сие на работе, а значит, нам с вами стоит заглянуть в оный буфет и побеседовать с коллегами. И второй... ваше окружение.

Катарина молчала. И Себастьян не спешил продолжить разговор.

Напротив, он сосредоточенно жевал, будто не было занятия важней, чем этот несколько затянувшийся и изрядно припозднившийся завтрак.

– Она... – Катарина сжала салфетку. – Она говорила о моем женихе... бывшем женихе... и официально мы не были помолвлены, просто... он из Особого отдела.

Это она добавила шепотом.

– Интересно, – князь вытер губы. – Очень интересно. И многое объясняет.

– Что?

– К примеру, как ему удавалось уводить девушек. Я читал материалы. Он забирал их. Без шума. Без... – взмах вилкой. – Не привлекая ненужного внимания. Самый простой вариант – роман... тайный или явный. Но тут тоже сложности. У некоторых из девиц были... женихи? Скажем, так... а это неудобно... зачем рисковать, нарываясь на ревнивца? Опять же, почему ни одна не упомянула о поклоннике? Ни подругам. Ни коллегам... ладно бы рассказ, но хотя бы маленькие оговорочки. Женщинам, да и мужчинам, руку на сердце положи, сложно хранить секреты. Это факт. А вот если представить, что не было никакого романа, но была, скажем, вербовка... маленькие грехи из прошлого, которые могли навредить настоящему... ваш Особый отдел, полагаю, как и наша Канцелярия, изряден подобные прегрешения находить.

– Да.

Не стоило заводить этот разговор, и все же... если дело одно, если он прав... оба правы, ведь сама Катарина думала о том же...

– Тайные свидания... и молчание логично. Они боялись, что кто-то узнает о... скажем так, работе. Никто не любит доносчиков. И если в какой-то момент он назначал встречу в тихом и укромном месте, они приходили. Сами. Добровольно. А там... Особый отдел – это ведь неплохая физическая подготовка? И дар... сродни нашим ведьмакам. Позволит оглушить. И затереть следы. Да... и с гробами складывается.

– Что складывается? – несколько нервно поинтересовалась Катарина, у которой гробы вовсе ни с чем не складывались.

– Трупы, – Себастьян поднялся, оставив на столе пару злотней. И ручку подал. – Предлагаю прогуляться, мне в движении думается легче. Итак, как можно переправить крупный и неудобный груз? А труп крайне неудобный груз. Тяжелый. Объемный. Тропой? Представьте, что вы тащите тело, пять пудов веса минимум... и ладно, девица сама пришла... а вот наш живописец? Он был связан с контрабандистами, но... мелочевка... особые заказы, как вы сами выразились. Пара-другая ботинок и тело – две очень большие разницы.

Он подал пальтецо, которое самой Катарине показалось вдруг до отвращения нелепым. Из серой вяленой шерсти шитое, оно сидело не слишком-то удачно, делая плечи шире, а на спине подымаясь пузырем.

– Нет, тайными тропами это сокровище перевезти можно, но уж больно затруднительно. Остается что?

У него же – перчатки из тончайшей кожи.

А вот шапку князь не носит. И зря, ветра тут дуют холодные, и уши застудить легче легкого.

– Что? – эхом переспросила она, натягивая вязаную зеленую шапочку, подаренную коллегами на прошлый день рождения. Шапочка была нелепой, но на удивление теплой, а большего ей и не надо было.

– Официальный груз... нет, полагаю, труп не декларировали, однако же границу он пересек составом... да, составом... как? В коробке... а что есть коробка, подходящая по размеру для тела?

– Гроб.

– Именно, – Себастьян любезно открыл дверь, пропуская Катарину. И она, выбравшись на свежий воздух, с наслаждением его вдохнула. Холодный. Просто-таки ледяной.

И снежило.

Кружило.

Вьюжило. За ночь сугробы целые насыпало, и эту улочку, еще не окраинную, но всяко находящуюся в стороне от проспекта, не успели прибрать. Снегом занесло мостовую и тротуары, и тонкие столбы электрических фонарей выступали из него, что диковинные одноногие звери.

Серые стены домов.

Темное небо.

И бледная долька луны, которая ныне и днем не исчезала. Ветерок... и снег, но мелкий редкий.

– Гроб среди иных гробов... и груз стандартный, человека, который не первый день и даже не первый год занимается торговлей. Его знают. К нему привыкли. И не досматривают столь уж пристально. А если предположить, что некто, обличенный властью, настоятельно порекомендовал не проявлять излишнего рвения и вовсе не совать свой нос в груз уважаемого купца... намекнул, что купец этот имеет отношение к делам, слишком сложным и секретным, чтобы в них мешались простые таможенники...

Проклятье!

Тысяча проклятий!

Все получается... отвратительно. И мерзко. Но логично. До отвращения логично...

– Значит, вы думаете, что...

– Я пока думаю, что нам с вами старательно подсовывают вполне конкретную версию и, более того, конкретную личность, – князь остановился у витрины с часами.

Массивные напольные, донельзя напоминавшие недавние гробы, разве что чуть приукрашенные резьбой. И махонькие, с кулачок, утонувшие в завитках и медное чеканке. Каминные.

И настольные.

Раковины карманных.

И даже тонюсенькие браслеты с вовсе крошечными наручными.

– Имя вашего жениха всплыло недавно, верно? При прошлом расследовании... и те два года, когда Кричковец ожидал казни, о нем никто не упоминал?

– Не упоминал.

Князь качнулся, уставившись не то на часы, не то на собственную тень в витрине.

– И первым о нем заговорила твоя соседка, а потом ее убили... убийство – лучший способ привлечь внимание к чему-либо... или к кому-либо. Дальше проще. Связать имя твоего благоверного с потерпевшими. Отметить факт их тихого исчезновения... про гробы, полагаю, ты бы тоже додумалась сама, не так это и сложно. Для них, полагаю, тела нам и оставили, – он шелкнул по витрине пальцем. – А заодно припомнила бы пяток-другой преподозрительных моментов из вашего общего прошлого. Все это красиво... слишком уж красиво, чтобы быть правдой. К слову, полагаю, что наш новый свидетель, почтеннейший пан Белялинский, уже мертв и рассказать ничего не способен... тоже, если подумать, подозрительно...

Глава 4. О союзниках неожиданных

Во мне постоянно борются добро и зло, но все время побеждает дурь.

Из заключительной речи некоего пана Н., мздоимца, мошенника и многоженца, произнесенного перед высоким судом Лодзи.

Пан Беялинский, против ожиданий, был еще жив. Он лежал на кровати, глядя в потолок и силясь позвать кого-нибудь. Однако же из открытого рта раздавался лишь тяжкий сип. И сомнительно было, чтобы кто-нибудь его услышал.

И табличка на двери... пан Беялинский просил не беспокоить...

...кто ж знал?

...она расстроится... или нет? Переменилась... куда исчезла та хрупкая застенчивая девочка, которая так радовалась каждой безделице?

...или не было ее никогда? Выдумал... сочинил... теперь вот поплатился.

С хрипом пан Беялинский все ж сумел повернуться на бок. Боль в груди усилилась и разлилась, заполняя все его тело. И потому, когда протяжно заскрипела дверь, пан Беялинский сперва решил, что скрип этот ему почудился.

Бывает перед смертью, он слышал.

Но нет.

Вот и пол застонал. И свет окна заслонила знакомая фигура.

– Т-ты... – получилось сказать.

– Я.

Он присел на кровать и положил руку на грудь пана Беялинского.

Полегчало. Боль отползла. И сердце застучало ровно, спокойно.

– Ты... меня все равно убьешь?

– Лежи тихо, – велел гость, руку убирая. Тотчас жар нахлынул, но был он... потише? Полегче? Да, пожалуй что... и терпимо уже.

Гость же снял перчатки и положил их на прикроватную тумбу.

Пальцы размял.

– А говорили же тебе, обратись к целителям, – с упреком произнес он. – Нет, упрямый.

– Я... обращался...

– И что?

Он сам расстегнул сорочку пана Беялинского и провел белесым ногтем по груди, будто разделяя эту грудь пополам. И холод от прикосновения проник сквозь кожу. Рот наполнился вдруг горькою слюной, которую пан Беялинский глотал, но ее лишь прибывало и прибывало, пока он не понял, что вот-вот этой слюной захлебнется.

– Плюй на пол, – велел гость.

– Зачем ты...

– Я забочусь о своих партнерах, – он воткнул пальцы в грудь, и те пронзили, что бледноватую пупырчатую кожу, что дряблые мышцы, что кости. Последние только хрустнули, и пан Беялинский ощутил, как расплзлись они, будто мокрый сахар, пропуская чужую руку. – Не бойся. Будет неприятно, но результат того стоит.

Пан Беялинский закрыл было глаза: слишком уж страшно было видеть это – руку, торчащую из его груди.

– Твое сердце в отвратительном состоянии, – пальцы сдавили это самое сердце.

И пан Беялинский глаза открыл.

Нет уж, лучше смотреть, чем ощущать шевеление там, где шевелиться ничего не должно.

– Скажу больше, судя по всему ты должен был умереть еще месяц назад. Почему ты не принимал лекарства?

– Ганна...

– Твоя жена?

– Закончились, – говорить было тяжело, но разговор отвлекал.

– А новые купить? Мы платим тебе достаточно.

Пан Беялинский сглотнул и губы облизал, не зная, что ответить. Проклятая слюна текла, свисала тонкими нитями, которые пан Беялинский хотел бы вытереть, но сил его не хватало руку поднять.

– Ганна... мы... много тратим...

– Она много тратит, – спокойно произнес гость. – Платья? Драгоценности? Приемы? Так?

Пан Беялинский только и сумел, что кивнуть.

Становилось легче. Эти пальцы внутри, они обминали сердце, будто поправляя его, и заодно уж вытягивали опасный жар.

– Ты рискуешь. Свободой и даже жизнью, – гость потянул руку, и пан Беялинский зажмурился, потому что стало вдруг невыносимо больно. Ему пришлось закусить губу, чтобы не заорать. – Ты совершаешь то, что тебе противно. Я вижу. И все это потому, что твоей супруге захотелось жить красиво. Я не осуждаю...

Тянул.

Не сердце, но что-то иное, будто крючок, засевший в груди. И получалось, что крючок этот раздирал слабую плоть, причиняя почти невыносимую муку.

– ...мне лишь хочется понять. Ты настолько ее любишь?

– Любил, – сдавленно произнес пан Беялинский. – Я очень ее любил...

– Раньше?

– Да.

– Что изменилось? – он не спешил.

Почему он помогает? Не проще было бы избавиться от ненужного свидетеля? Пан Беялинский не обманывался. Партнер? Такого партнера найти несложно... нет... и сантиментов гость не испытывал, а потому в добрую волю его верилось слабо.

– Я изменился. Она... мы... я больше не хочу... не стану... я перееду... тут... открою магазин...

– Похвальное желание, – крючок-таки выскользнул, и пальцы, которые – пан Беялинский осмелился подсмотреть, – были чисты. – Но к сожалению, ты мне еще нужен. Ты же понимаешь, что теперь я никак не могу отвлекаться на поиски нового партнера.

– Д-да...

– Замечательно, – он все же отер пальцы платком. – И позволь совет. Избавься от нее.

– От кого?

– Твоей жены.

– Как?

Гость пожал плечами и очень тихо произнес:

– Обычным путем... она ведь тоже женщина? Красивая для своего возраста женщина... так почему бы и нет?

Мысль ужаснула.

Оглушила.

И все-таки... все-таки не вызвала отторжения.

– Ее... – пан Беялинский облизал губы. – Ее станут искать.

– Пускай, – гость кривовато усмехнулся. – Не найдут... если, конечно, тебе не нужно, чтобы ее нашли... а так... скажи, что сбежала с любовником...

...объявить себя банкротом?

...нет, это чересчур... скорее уж признаться, что давно уж пребывает в затруднительном положении. Выставить дом на торги. Сколько б ни удалось выручить, а все пойдет кредиторам. Там, рассчитавшись, можно будет приобрести другое жилье, попроще... можно и комнату снять, в городе сие дешево. А ему много не надо...

Дочери, конечно... девочки вряд ли поверят в побег... или... если грамотно построить все... плохо, что он, сердечной слабостью обуянный, перестал понимать, что происходит в доме. Что им известно?

Вряд ли многое. Да и обе слишком рациональны, чтобы отправиться в полицию...

– Я... я пока не готов.

...это ведь Ганна. Не безвестная девица, которую, конечно, было жаль, но супруга. С ней он без малого три десятка лет прожил... две дочери... и она по сути своей неплохая женщина, просто запуталась.

И он запутался.

– Никто к такому не готов. Но сам посуди, разве ее небрежение вашим здоровьем не напоминает убийство? Не думаю, что ваши лекарства столь уж дороги. Более того, я знаю людей, готовых расстаться со всем, лишь бы дорогой им человек жил. От твой супруги этакой жертвенности не требовалось, но она оставила тебя без лекарств, прекрасно, полагаю, понимая, что для тебя в нынешней ситуации это почти приговор.

Он сложил платок и спрятал в боковом кармане.

– Обрадуй ее, что здесь тебе помогли... скажи, что теперь твое сердце выдержит еще пару лет... да, – ответил гость на молчаливый вопрос, – оно действительно выдержит еще пару лет, хотя я бы все же настоятельно рекомендовал принимать вам укрепляющую настойку. Но приступ больше грозить не будет... как думаете, обрадуется ваша супруга?

– К-конечно.

– Что ж... хорошо, если так... но возьми, – из кармана гостя появился камешек на веревке. – Носи у тела. Если нагреется, вас отравили...

– Что? Ганна никогда... Ганна...

Гость ответил печальной улыбкой, мол, хотел бы он разделять уверенность пана Белялинского, однако же сомнения не оставляют.

– Амулет одноразовый, но зато способен нейтрализовать почти любой яд. Или проклятье средней силы... да... – гость поднялся. – А теперь вынужден откланяться.

Он ушел.

И дверь не скрипела.

Он ушел, будто его и не было, осталась лишь тягучая боль в груди, холодный камень и растерянность. Ганна желала его смерти?

Нет, конечно, нет...

Вечером того же дня Себастьян, сердечно поприветствовав квартирную хозяйку, которая появлению его откровенно удивилась – неужто и вправду живым увидеть не чаяла? – поднялся к себе. Он отворил окна и с наслаждением вдохнул сырой промозглый воздух.

Было хорошо.

Свободно.

Вот ведь... а там, на той стороне, он и не замечал, как давило... что давило? Все ведь было таким, почитай, как здесь. Город как город. Улочки там. Магазины. Рестораны. Гостиница, опять же вполне приличного свойства. Люди... и все одно, иначе.

Будто небо ниже.

Воздух плотней. И за каждый вдох воевать пришлось...

– Нагулялись? – раздался тихий голос.

Этак с них и вправду нервическое расстройство получишь. И главное, моментец подобрал душевный... подобрал и испоганил.

Себастьян окно закрыл.

– Извести желаете? – осведомился он наилучшим тоном. – Так есть способы попроще...

– Отчего ж извести? – тайник весьма удобно расположился в кресле. В любимом, между прочим, Себастьяновом кресле. Сидит себе, книжицу листает пальчиком, и вид при том имеет задуманный, мечтательный даже. – Зачем извести? Вы нам, княже, дороги безмерно...

– Как таракану тапки, – пробормотал Себастьян.

– Не сердитесь, – тайник книжицу закрыл. – Я понимаю ваше возмущение, оно оправдано, но и вы поймите... лучше уж я к вам, чем вы к нам...

В этом была толика истины.

– Отчет писать заставите?

– Хотелось бы... да, хотелось... – Лев Севастьяныч зажмурился. – Отчет вышестоящему начальству многие грехи с души подчиненной снимает...

– Это вы сейчас о чем?

– О том, что вашим прошлым все наше управление, уж простите, зачитывалось. Очень познавательно... а уж некоторые особо героические моменты...

– Медаль вручите.

– Всенепременно, – пообещал Лев Севастьяныч. – У вас, однако, талант, князь... талант...

– Я за себя рад.

Лев Севастьяныч махнул рукой.

– Вы не стесняйтесь. Переодеться хотели с дороги? Ванну принять?

– А вы мне спинку потрете?

– Если родина попросит...

Себастьян дернул плечом, очень надеясь, что родина все же об этом просить не станет. И вообще, какое дело ей, родине, до Себастьяновой спины, если разобраться? А помыться хотелось. И чем дальше, тем больше. Вдруг показалось, что он весь, от макушки до пят и от пят до макушки покрыт не то пылью, не то грязью, но чем-то тяжелым, плотным. И если это нечто не отскоблить, оно присохнет к коже намертво.

– Зачем вы здесь? – Себастьян кинул пиджак на кровать.

– Затем, что мы о вас беспокоимся... скажем, вчера вы изволили не вернуться.

– Снег был...

– И снег, и дождь, и ветер... да, не лучшая погода для прогулок, но все-таки... вы понимаете, князь, что являетесь фигурой весьма важной, исчезновение которой может иметь самые непредсказуемые последствия?

Легкий упрек в голосе. Еще бы пальчиком погрозил.

– Многим не по нраву наметившееся потепление... многие желали бы вернуть прошлое, когда граница на замке, занавес и все такое... – Лев Севастьяныч провел пальчиком по столу и поцокал. – И эти многие... непатриотично настроенные личности способны предпринять некоторые шаги...

Он замолчал, позволяя Себастьяну осмыслить услышанное. Осмысливать не хотелось. Хотелось помыться. Сесть в любимое кресло. И чаю... или кофию... даже панну Гжижмовску тревожить не станет, сам спустится на кухню, сварит на песке черный и густой, к которому тут и прирастался.

И с кофием да в кресло.

Пледик на колени.

Тоску в душу, глядишь, сочинилось бы по старой памяти чего-нибудь этакое.

– Вы уж больше не пропадите, князь, – молвил Лев Севастьяныч, поднимаясь. – И за вашим... коллегой приглядите.

– Пригляжу.

– А то ведь... и там не все рады, да...

– И нигде все не рады, – Севастьян ослабил петлю галстука. – Так вы за этим приходили?

– Нет. Не совсем... завтра вы ведь здесь встречаетесь? Развлеките девушку. Сводите в театр там... по магазинам...

– На расходы выделите?

Лев Севастьяныч развел руками: мол, и рад бы, да бюджет, холера лихая, давно уж расписан и этаких излишеств, как магазины для посторонних девиц, не предусматривает.

– Билеты в ложу, – он вытащил их и положил на столик. – И еще гостиничный номер... на двоих.

– Зачем на двоих?

– А вы не захотите продолжить знакомство? – приподнятая бровь и этокое наигранное удивление, от которого кулаки чешутся. – Ходят слухи, что вы, князь, несколько... невоздержанны в том, что касается слабого полу...

– Не верьте. Врут люди.

– Надо же... а все-таки... если родина попросит...

– Вот когда родина сама попросит, – Севастьян кинул галстук на пол, – тогда и поговорим, а теперь будьте так любезны...

– Буду, несомненно...

– Хотя нет, постойте. Что у вас есть на Белялинского? – раз уж приперся тут со своими домыслами препогаными и настроение столь замечательное испортил, пусть пользу делу принесет.

– Белялинский... – Лев Севастьяныч изобразил глубочайшую задумчивость. – Вы ведь с ним знакомы, верно? Бывали в их доме...

– Я много где бывал, – Севастьян и рубашку стянул, с трудом удержавшись, чтобы не вытереться ею. Ощущение грязи не исчезло, напротив, усилилось.

– Что ж... простого звания... всего, что говорится, достиг сам. Начал с небольшой лавки скобяных товаров. Дело пошло и лавка разрослась. Потом был магазин и другой, и третий. В числе первых ему удалось получить разрешение на торговлю с Хольмом... проверку их тоже прошел. Возил сперва всякую мелочь. Грабли. Лопаты. Дверные ручки и засовы. После перешел на похоронные принадлежности...

– Когда?

– Когда? – переспросил Лев Севастьяныч и задумался, на сей раз не притворно. – Когда... дай, Вотан, памяти... а лет так с пять тому... меня только назначили. Помнится, первый груз я еще лично досматривал. Каждый гроб велел вскрыть...

– И что нашли?

– Две дюжины шелковых чулок и перчатки лайковые. Пять пар.

– Сотрудничает?

Лев Севастьяныч слегка поморщился.

– Исполняет долг... кстати, весьма и весьма ответственный человек, если подумать, несколько раз крепко помог нам... информация, княже, это многое, если не все...

– Информация, значит... информация...

– Он не тот, кто вам нужен, – Лев Севастьяныч поднял шляпу, которую водрузил на макушку и прихлопнул ладонью, чтоб села крепче. – Я говорил с ним. Тихий суетливый человечек, озабоченный исключительно денежным вопросом. Его вершина – шелковые чулки без декларации...

...в этом он ошибался.

Себастьян был уверен, что дражайший пан Белялинский, с которым ему ныне днем случилось иметь беседу, куда как непросто.

И на умирающего он похож не был. Напротив, выглядел весьма и весьма бодро.

... сидел в ресторации, будто бы ждал.

Столик круглый под пальмою.

Скатерка белая с красным шитьем опустилась до самого пола, скрывая и колени пана Белялинского, и тонкие изогнутые ножки столика. На скатерке – ваза с фруктами.

Тарелочки.

Салфеточки.

Серебро столовое. Стекло сияющее до того, что глядеть больно. И в этом серебре да стекле отражалось бледноватое лицо пана Белялинского. Щеки его пылали румянцем, и сам он, слегка ошалевший, но явно радостный – уж не с графинчика ли настою на перце и лимонных корочках, которым радостно Себастьяна попотчевал – выглядел беспредельно счастливым.

– Пейте, пейте, – он самолично наполнил рюмку на высокой ножке и подал Себастьяну. – А то я заказал, а пить... пить невозможно, сердце, понимаете?

И рученьку к груди приложил.

– Вчера вот грешным делом прихватило, думал, душу богам отдам... ан нет, попустило... и вот такая радость, такая радость... – он осекся, понимая, что счастье его незваные гости не готовы разделить. И чуть тише пролепетал. – Такая радость...

– Какая?

– Ах, оставьте, князь... вы к нам уже и не заходите... совсем дорогу позабыли... Ганна обижается... а узнает, что я тут с вами... – он кивнул на чарку, – и вовсе... знаете, у моей Ганны характер не сахарный. Не женитесь... послушайте моего совета... человека, который думал, что он в браке счастлив, а после осознал, что сие счастье – исключительнейшим образом иллюзия дурная.

Он всхлипнул тихонечко и, рюмку отнявши, опрокинул ее. Занюхал перцовку кусочком яблока и всхлипнул:

– Извести меня пытается...

– Заявление подавать будете? – поинтересовался Себастьян, отодвигая стул. Но Катарина покачала головой, мол, постоит лучше.

– Заявление? Ах, бросьте... какое заявление? Скажут, оклеветал... а я не клеветник... я понимаю, прекрасно понимаю, она ведь ничего дурного не делает, а что пилит, так все такие... и что лекарства не купила... мы разорены... почти разорены... что-то я много говорю.

– Вы гробы возите? – Катарине надоело слушать этот пьяноватый лепет. А было ясно, что пан Белялинский изрядно набрался, уж не понятно, с радости ли или с печали.

– Гробы? – он растерянно моргнул. – Гробы... ах, да... гробы... возу... вот давече привез двадцать штук. Двадцать!

Он поднял палец.

– Куда?

– Туда, – пан Белялинский махнул рукой. – Смотрите, пан воевода... женщины, они все такие... сперва сладкие и ласковые, что зефир твой...

Он огляделся, но зефира в обозримой близости не отыскал и потому наполнил рюмку вновь. Поднес крепкою рукой к носу, скривился.

Выдохнул.

Да и опрокинул, осушивши одним глотком. Закусывать на сей раз не стал, так занюхал собственным рукавом и содрогнулся всем телом.

– Ох... хороша... о чем я? А... зефир. Вы зефир любите? А вот Ганна любит. В шоколаде чтоб... и три злотня за коробку. А коробка-то махонькая. Спрашивается, за что платить? Три злотня! – пан Белялинский поднял палец. – Три!

– Мы поняли, – ответила Катарина, поморщившись. Пьяных не любила?

– Вот... я ей сказал, чего платить, когда на рынке такой же за два сребня можно взять. А она нос воротит, мол, на рынок только бедные ходят. И зефир там прогорклый... я ж сам пробовал. Найдешайший. И знаете, – он огляделся, будто опасаясь, что драгоценная супружница изволит пребывать рядом, поманил Себастьяна пальцем. Пришлось наклоняться. – В последние-то годы у меня дела не ахти шли... совсем не шли... и я коробочку-то в кондитерской прикупил, а зефир на рынку брал. Экономно выходило. А она... не заметила она... только нахваливала, мол, хорош...

Пан Белялинский пьяненько захихикал.

– Только вы ей не говорите, ладно?

– Не скажу, – пообещал Себастьян, испытывая странную неловкость. Человек этот, волей ли или неволей замешанный в делах престранных, был все ж соотечественником, а потому видом своим нынешним, состоянием, позорил не только себя самого, но и целое королевство.

– Вот и ладно... а гробы? Что гробы... документы у меня имеются. В номере. Изучать станете?

– Станем, – ответила за Себастьяна Катарина, но пан Белялинский ей пальцем погрозил и сказал:

– Ша, девка... нос у тебя короток, чтоб в мои бумаги лезть... я свои права знаю...

– Хотите проблем?

– Смотря у кого они возникнут, – пан Белялинский подбоченился. – Она пусть остается... не люблю, когда наглые бабы в мою жизнь лезут. А вы, пан воевода, сходите... почитайте... авось и вычитаете чего...

И ключ кинул.

Себастьян ключ поймал, а заодно явственно осознал, что ничего-то в номере он не найдет. Однако же поднялся. И дверь открыл. И хмыкнул, убеждаясь, что этот конкретный номер был куда похуже того, в котором остановился сам Себастьян.

Победней.

Потесней.

И темный какой-то, неуютный...

Бумаги отыскились на столе и, как следовало ожидать, были в полном порядке. Из них следовало, что накануне пан Белялинский пересек границу, сопровождая груз в два десятка гробов деревянных с суконной обивкой цвета «экрю», полусотни венков похоронных и еще всякой прочей мелочи, подробный перечень которой составлял полтора листа.

Накладные.

Разрешение на реализацию.

Договор. И подпись некоего гражданина Шумского, груз принявшего. Акт сдачи и приемки. Чек, небрежно сложенный пополам... а гробы познаньские в Хольме изрядно стоили. Но... не то.

Не так.

Неужели ошибка вышла?

Себастьян прислушался к себе. В комнате воняло. Он даже не сразу понял, откуда исходил этот омерзительный запах, чем-то напоминающий смрад тухлых яиц. Сперва едва ощутимый, он, стоило обратить внимание, сделался вдруг резким, почти нестерпимым. Себастьян заткнул нос и повернулся.

Прошелся по комнатухе.

Остановился у разобранной постели... а ведь от нее воняет. Он и наклонился, осторожно вдохнул и едва не потерял сознание, до того резким сделался запах. Себастьян отпрянул.

Чихнул.

И спешно распахнул окно, но... запах не исчез и не стал слабей. И стоило признать, что происходит он вовсе не от причин естественных.

Себастьян сделал вдох и заставил себя вернуться к кровати.

Воняло.

Резко.

Едко.

И явно... и слева больше, чем справа.

Ему удалось определить место, но... что за обряд здесь проводили? Ведьмака вызвать? Откуда в Хольме ведьмаку взяться. Кого из местных? Но... можно ли верить местным?

Нет.

Если все так, как Себастьян предполагает, пана Беялинского стоит оставить в покое... временно... а то ж ему слово, а он, паскудник, перепугается и в бега. Поди-ка, разыщи тогда его на Хольмских просторах. А коль и разыщешь, то не факт, что доберешься до беседы.

Пушай уж, коль жив, домой возвратится, там Себастьян с ним душевно и побеседует. Воевода он аль так, хвост собачий?

Он вышел из номера...

...и все-таки теперь его не отпускало ощущение, что, отступив, он совершил серьезнейшую ошибку.

Глава 5. В которой вновь появляется демон

*Только очень ленивая женщина выходит замуж один раз.
...запись в дневнике панны Кульбачей, сделанная аккуратно после
четвертого ее замужества.*

Катарину ждали в парадной.

Ждали, судя по всему, давно, потому что стоило ей толкнуть тяжелую дверь, и в лицо пахло перегаром. Запах его, застоявшийся, тяжелый, был столь отвратителен, что Катарина сделала шаг назад. Это, собственно говоря, ее и спасло.

Громыкнуло.

Оглушило.

И ослепило вспышкой. И все это как-то сразу... она отшатнулась. Щеку обожгло жаром, и Катарина, прежде чем понять, что, собственно говоря, происходит, выбросила руку. Пальцы сами перекрестились, оживляя встроенный в перстень амулет. Песчаный вихрь вырвался из руки, эту руку выворачивая, болезненно, почти до перелома. И Катарина стиснула зубы, сдерживая стон.

Кто-то закричал.

И снова громыкнуло. А вихрь, разворачиваясь, полоснул шершавыми крыльями по лицу, заставляя опомниться.

Отступить. Упасть.

Перекатиться.

И плевать, что новые чулки, а с ними и юбка – отличнейшая, между прочим юбка, к которой Катарина успела душевно привязаться – испорчены. Холод опалил колени. И подтаивший за день снег забился в сапоги.

...крик перешел в визг. А визг был заглушен шелестом. Песчаный змей, воплотившись на мгновение, выглянул из темноты. Он, огромный, с трудом помещался в тесноте парадной, и золотые кольца его заполнили и саму парадную, и узкий лестничный пролет, и площадку.

...только бы никто не выглянул...

...в золоте колец, таком ярком, что иного освещения не требовалось, тонули люди. Двое?

Нет, трое.

Третий уже почти исчез в раззявленной пасти змея, чьи черные глаза смотрели на Катарину. С насмешкой? С жалостью?

...хочеш-сь... хочеш-сь я дам тебе попробовать? – этот голос прошелестел в голове. – Конес-ш-но хочеш-с-с...

– Уйди, – попросила Катарина, затыкая уши пальцами. Кажется, по щеке плыло что-то мокрое. Кровь?

– З-саш-шем? – демон наслаждался. Он, получив свободу, пусть и ненадолго, не собирался упускать ни секунды. – Ты сама меня позвала...

– Позвала. А теперь уходи...

Человеческая тень растворилась в золоте, и змей повернулся ко второй жертве...

...они ждали...

...Катарину ли?

...или...

...нет, дом ее, пусть и не на центральной улице, но и не на окраине...

...да и время не сказать, чтобы позднее. Наверняка, люди проходили... да... проходили... и будь банальный грабеж... уже бы нашли кого-то... и сгинули... и вообще...

– С-смешные мыс-с-ли, – произнес демон, заглотив вторую жертву. До Катаринины донеслась волна удовольствия. – Хош-шешь я позволю тебе расспросить?

– А взамен?

– Еш-шо один, – демон медленно выбирался на улицу.

...а сигналки сработали.

...не могли не сработать, и скоро появится дежурный наряд Особого отдела...

...вопросов избежать не выйдет. Дядя Петер учил ее отвечать правильно, но... все зависит не от ответов Катаринины, а от того, насколько она действительно им нужна.

– Нет, – она сглотнула. – Уходи...

– Как с-скаш-шешь... – демон был на редкость сговорчив, что внушало определенные подозрения. И выкатившись из подъезда – третья тень исчезла, будто стертая песчаной его чешуей – змей рассыпался.

Ушел.

И остался.

Свернулся в перстне кольцом силы, ныне темной, сытой... довольной. А Катарина поднялась на карачки. Надо же, а еще утром ей казалось, что хуже уже не будет.

...группа зачистки.

...оцепление.

...красная лента с флажками, на которые быстро налип снег.

Холодный стальной бок повозки. От него пахнет спиртом и еще едковатой полынной настойкой, которой человек в черном протирает руки. Он не смотрит на Катарину, то ли занят своим делом, то ли счел ее слишком ничтожной, чтобы обращать внимания.

Никто не стал связывать ей руки.

И ноги свободны.

И вовсе она стоит, просто стоит, а могли бы запереть... не опасаются побега? Ну да, куда ей бежать-то... вот и стоит. Смотрит. Прижимает к щеке носовой платок... да уж, была красавицей, а стала и того лучше...

...а демон мог бы изменить все. Стоило лишь намекнуть...

...красота? Что есть красота... Катарина получила бы куда более ценный дар – очарование... и за малую цену.

– Заткнись, – прошипела она и со злостью ударила в стену, будто та могла бы причинить проклятому перстню вред.

– Не отстает? – раздался знакомый голос, в котором послышалась толика сочувствия. – Демоны, они такие... кстати, уровень третий?

– Второй.

Запираться не имело смысла.

...что теперь будет? Сочтут ли ее действия превышением пределов допустимой самообороны? Вовсе немотивированным нападением? Она ведь знает, как легко представить почти любую нужную картину. Свидетелей ведь не осталось.

– Второй, – задумчиво произнес Нольгри Ингварссон. – Ну да, конечно... стоило подумать... Песчаный змей Ассшара... вот, значит, куда он подевался... наследие учителя?

– Да.

...прощальный подарок, который она не желала принимать, но дядя Петер не привык к отказам. Обругал. И сказал, что перстень не должен попасть в чужие руки, а он попадет. Вон, соседи добрые уже хоронят, а похоронив, станут делить нехитрые пожитки...

...тетка, колечко увидав, стала требовать, чтобы Катарина его отдала. Конечно, куда ей, шестнадцатилетней посвистушке, серебро? Тетке нужней... тетка знает, как кольцо продать, а деньги... деньгам в хозяйстве всегда применение найдется.

...и ссора вышла.

Безобразная такая... из-за этой ссоры Катарина и ушла. А еще из страха, что тетка найдет способ кольцо отобрать...

– Позвольте? – Нольгри Ингварссон стоял во дворе.

Темный плащ.

Высокие ботинки. Черная кожа. Белые шнурки. Странно это... кто так носит? И кто заправляет брючины в голенища? А на ботинки галоши надевает, но в этом как раз-то смысл имеется, да. Собственные туфли Катарина промокли.

И холодно.

В ноги тоже.

Разбитая коленка саднит... а могла бы затянуться сразу... если не очарование, то восстановление... разве не чудесно было бы забыть о ранах? О болезнях? О старости? Нет, не вечная жизнь, люди к ней не приспособлены, однако очень и очень долгая...

Катарина стинула зубы.

И попыталась стянуть серебряное колечко с мизинца. Как всегда – безуспешно.

– Настроился на вас? Бывает, – Нольгри Ингварссон взял руку Катарина. – Вы поранились... сильно досталось?

– Нет... ерунда... царапины... я даже не поняла сразу, что происходит...

– Но среагировали. Вас хорошо учили... да... поставьте за того, кто учил, свечу...

– Демон...

Он был рядом, заточенный в серебро, плененный и все равно куда более сильный, нежели Катарина. Всеведущий? Нет, но знающий много больше, чем жалкие людишки. И если бы она согласилась, демон рассказал бы многое...

...о ее снах.

...о ее врагах.

...и о тех, кто притворяется друзьями.

...о забавной игре с женщинами-бабочками и о том, кто считает себя учителем. Демон, пожалуй, мог бы указать на этого человека. И подсказать, как справиться с ним. И многого не попросил бы, нет... всего-то пара жизней...

– Искушает? – Нольгри Ингварссон повернул руку влево. И вправо. Наклонился к самому кольцу, будто желая обнюхать его.

– Да.

– Не поддавайтесь.

– Не поддаюсь, – Катарина вздохнула. – Я знаю, дядя Петер рассказывал... и показал даже... мне было двенадцать. Старый козел. И пустырь. И демон... он не сразу этого козла несчастного...

– И вы испугались? – ее руку отпустили.

– Я... да... я перестала к нему приходить. Не к демону. К дяде Петеру. Я решила, что не смогу так... и не хочу так... и он сам меня нашел. Во дворе. Обозвал трусихой. Слабохарактерной. Он думал, я крепче, а я испугалась... я до сих пор боюсь, что однажды он сожрет меня...
...смех демона, что шелест песка. И кажется, Катарину затягивает в эту песчаную яму.

– Скажите, вы можете его снять? – она дернула кольцо, которое приросло к коже.

– Боюсь, что нет, – Нольгри Ингварссон наблюдал за ее попытками с немалым интересом. – Даже если отрезать вам палец, оно, полагаю, материализуется на другом... от подобных подарков непросто избавиться.

– Как... я никогда раньше... никогда... он учил выпускать, но я... я боялась... проклятье... я убедилась, что это просто кольцо...

– Его не видят. Знаете? – Нольгри Ингварссон вытащил флягу. – Вот, выпейте. Вам не помешает. Демоны делятся на несколько категорий. Первая – разрушители. Само собой, назва-

ния условны, поскольку все они в той или иной степени разрушительны для нашего мира... деструктурирующие объекты.

Коньяк.

Опалил горло.

И демона почти заткнул. Вспомнилось, что демоны не любят пьяных, в затуманенное алкоголем сознание сложнее проникнуть...

...а ведь цена не так и высока. Пара жизней всего...

...и он не говорит, чьих жизней... пусть это будут какие-нибудь ублюдки... всегда ведь есть кто-то, кто заслуживает смерти... Катарина не согласна? Демон не станет спорить... но те девочки, которые умерли, неужели Катарине их не жаль? А других, что еще живы, но как надолго? Она ведь понимает, что игра началась и ставки выросли? И сама она не справится.

– Разрушители не отличаются умом, но обладают невероятной силой. Стереть с лица земли дом? Просто... что дом, они и с городом справятся без особого труда. Некогда эту способность разрушителей пытались применить. Идеальное ведь оружие... мощь, неуязвимость.

От коньяка становилось тепло, но вот голос в голове не исчез.

Он был слабым, не голос – эхо его...

...Катарина боится наказания? Но при толике таланта наказания избежать легко. Сегодня она убила троих, но ее оправдают, если бы не желали оправдать, разве вели бы просветительскую эту беседу?

– ...однако выяснилось, что в силу своего... скажем так, небольшого ума, разрушители почти не поддаются контролю. Они с равным удовольствием стирали и свои армии, и вражеские... да и земли после их... скажем так, войн, становились совершенно непригодными для жизни. Однако при всем том куда более опасной была признана группа Менталистов. Опять же, понимаете, название весьма условное, – Нольгри Ингварссон практически силой вложил флягу в руки Катаринины. – Пейте. Не стесняйтесь.

Она не стесняется.

Она пьет... и демона не слушает. Это ведь крайне неразумно, слушать демона, даже когда кажется, что говорит он разумные вещи.

– Они слабы... для демонов. Любой демон много сильнее человека, что физически, что магически. И если бы не их неспособность существовать в нашем мире, нам было бы сложно, да...

...ничтожное создание, которое пытается поработить Катарину, использовать ее в собственных жалких целях. Его стоило бы сожрать.

Катарине достаточно захотеть и...

– Менталисты обладают способностью чувствовать людей. Они всегда знают, что предложить. Наши недостатки, жадность там или честолюбие, или вот жажда справедливости...

– А это недостаток?

С сожалением Катарина вернула флягу.

– Смотри насколько она сильна, – Нольгри Ингварссон убрал флягу и похлопал себя по плечам. – Быть может, продолжим беседу в месте куда более удобном? Скажем, не желаете ли пригласить меня на чай?

– Не желаю.

– А придется. Так вот, менталисты умеют проникать и сюда, – особист коснулся головы, а затем и сердца. – И сюда. Они питаются эмоциями, причем не слишком-то разборчивы... что радость, что боль...

...ложь.

...радость сладкая. И боль сладкая. По-своему. Но люди ничего не понимают в оттенках души. Эмоции – лишь часть ее... те трое были горьковаты, подпорчены... это как плесень на сыре. Катарина пробовала сыр с плесенью? Нет? Конечно, она слишком бедна... а вот настав-

ник ее не брезговал. Катарина полагает его идеальным? Отнюдь. Он был редкостной сволочью, помешанной на своих экспериментах. И далеко не все они были безобидны. Катарине хотелось бы узнать больше?

– Поэтому и убивают, если случается, жертву медленно, сполна наслаждаясь агонией. Вашей вины в том не было, не стоит и думать...

Нольгри сказал это как-то так, что Катарина моментально ощутила себя виноватой. Из-а нее ведь... те трое... она могла бы иначе... оружие... револьвер... и выстрелить... убежать и вызвать подмогу... а она демона выпустила...

– ...вы сделали то, чему вас учили. Вот к вашему наставнику, останься он жив, у нас были бы вопросы, – Нольгри Ингварссон подал руку.

Он провел ее мимо группы зачистки, которая завершила работу и теперь неторопливо сматывала красные предупреждающие ленты. Завтра явится жрец, чтобы наново освятить дом...

...соседи.

...кто-то что-то видел... кто-то всегда что-то да видит, пусть и не особо охотно увиденным делится. Но смерть Нинель – одно, а демон – другое...

Нольгри Ингварссон довел Катарину до дверей.

И дверь открыл.

Собственными ключами. У нее же не осталось сил на возмущение.

– Пальто испорчено. Завтра вам привезут новое. Что еще? Вас стоит приодеть... и лицо... попросите у князя о помощи.

– Зачем? – она отстранилась, не позволив особисту прикоснуться к разбитому лицу.

– Затем, что вы определенно ему симпатичны... знаете, он отослал наших девочек...

– Сочувствую.

...змея смеялся. И Катарина чувствовала себя колоколом, который заполняется этим безумным болезненным смехом. Кажется, у нее кровь носом пошла и пришлось нос закрыть ладонью.

– Умойтесь, – неожиданно жестко велел Нольгри Ингварссон. – И приведите себя в порядок. Разговор предстоит не самый приятный.

Еще бы...

Она ведь уже знает, что ей скажут. И потому умывается долго, трет щеку и прикладывает к ссадине – через всю щеку – жесткое полотенце. Дерет гребнем включенные волосы. Возится с чулками, которым самое место в мусорной корзине...

Нольгри Ингварссон устроился в гостиной, подвинул кресло к окну, сел боком, чтобы и улицу видеть, и комнату. И подумалось, что Хелег держался точно также.

– Вот так-то лучше. Успокоились? – спросил он, указывая на второе кресло.

...мебель Катарина приобрела в комиссионном магазине. Повезло наткнуться на почти новую. Вернее, дело не в везении, а в Вареньке, которая при комиссионке работала и в ее парне, имевшем дурную привычку Вареньку поколачивать. И в том деле, где этот парень всплыл... всплыл и сел.

А Варенька осталась.

Ее Катарина пожалела, вычеркнула из материалов, и Варенька за жалость оплатила по-своему.

– Садись. Еще коньяка?

– Спасибо. Нет.

В голове и так шумело. То ли от выпитого, то ли от пережитого, то ли просто от усталости.

– Мы постараемся разобраться быстро. Итак, от Петера тебе достался некий артефакт, потенциально, прошу заметить, опасный артефакт... ты знала про демона?

– Да.

Врать не имело смысла.

– Сколько тебе было, когда ты получила кольцо?

– Шестнадцать.

Читает. И не скрывает этого. Неприятно. Опасно и... и не Катарине сопротивляться.

...она могла бы, если бы захотела... что человек против демона? Стоит пожелать и...

– Не поддавайтесь, – посоветовал Нольгри Ингварссон, глядя пристально, изучающе. И в какой-то момент Катарине показалось, что он и вправду не отказался бы препарировать ее. Нет, не здесь, не в квартире, но в тихой лаборатории, где найдется для Катарины и тихая комната без окон, и стол блестящий, и новехонький набор инструментов...

– Не поддамся, – пообещала она без особой, впрочем, уверенности.

– Он ищет ваше слабое место.

– Он нашел изрядно моих слабых мест, – вынуждена была признаться Катарина.

– Теперь вы осознаете, насколько подобные контакты опасны?

Осознает.

И даже раскаивается. И знай она то, что знает сейчас, скорее позволила бы убить себя, чем...

– Почему вы не заявили? – особист указал на кольцо. – Я понимаю еще юный возраст... шестнадцать лет, сложная жизнь... вы тогда подали первое заявление в школу? И вас приняли... да, благодаря рекомендательным письмам вашего наставника...

Катарина кивнула. К чему слова? К чему вообще этот разговор издалека? Они оба взрослые и оба понимают, что сейчас произойдет.

– Но вы стали старше. И все равно молчали.

– Я... я опасалась, что... что мне не поверят...

Нольгри Ингварссон погрозил Катарине пальцем.

– Не лгите. Конечно, звучит правдоподобно, но мы-то знаем, вам просто не хотелось расставаться с вашим демоном.

– Нет!

Ложь.

Она бы рассталась. Немедленно. И Катарина отчаянно попыталась подцепить колечко, тонюсенькое такое колечко, которое...

– Тогда в чем дело?

– Я... – она сглотнула, понимая, насколько неправдоподобно прозвучат ее слова. – Я забыла... я просто-напросто забыла про него... я не лгу...

А он молчал.

Смотрел и молчал. И глаза такие... стеклянные глаза. Нельзя, чтобы у людей были стеклянные глаза. Это противоречит... всему противоречит.

– Хорошо, – наконец, соизволил сказать Нольгри Ингварссон. – Вот в это я верю. Все-таки демон-менталист второго уровня на многое способен и в заточении. Да, не удивляйтесь.

Она не удивлялась.

Слишком устала, наверное. И в кресло не села – упала. Закрыла лицо руками.

– Он... он не может... воздействовать на меня... не может... дядя Петер обещал...

– Дядя? Вы по-прежнему воспринимаете его своим родственником? Хотя... естественно... вы сирота, в доме вашей тетки ощущали себя чужой... и тут кто-то, кто проявляет интерес... детей легко приручить. Вы были его экспериментом, Катарина. Последним. И вижу, что удачным. Когда-то он написал докладную... развернутую рекомендацию, где изложил свои взгляды на обучение. В частности, рекомендовал начинать его в куда более юном возрасте, нежели принято. Лет этак с десяти. Или девяти. Сколько вам было?

...ложь.

– Не отвечайте. Еще он рекомендовал создавать устойчивые группы. Несколько учеников и один учитель, он же куратор. Максимально плотный контакт и прочные доверительные отношения. А в результате – непререкаемость учительского авторитета. Рычаги влияния... да... особое внимание уделять сиротам. Эффект замещения, так он это назвал... у нас в отделе к нововведениям относятся скептически и доклад... не восприняли. А он, выходит, решил доказать, что методика работает. И знаете, что самое удивительное? Она действительно работает!

...а ведь демону он на один зуб... нет, зубов у Песчаного змея нет и плоть как таковая ему не нужна, если разобраться, то плоть даже лишнее, слишком уж она упорядочена, чтобы безболезненно поглотить, однако он не побрезгует.

– Вам неприятно? Понимаю, вы полагали себя особенной. И по-своему вы особенная, да... а что касается демона, то это распространенное заблуждение, что он не способен влиять на носителя. Он не способен причинить вред, – Нольгри Ингварссон провел пальцем по подоконнику и скривился. – А вы уборкой себя не балуете.

– Чего вы хотите?

– Демоны подводят вас к мысли... к мыслям... о том, скажем, что вы достойны большего... лучшего... или что способны спасти этот несчастный мир... сделать его чуточку лучше... главное, решение принимаете вы сами. Сначала одно, потом другое... а там, глядишь, и с ума сойдете, освободите страдальца. Долго, конечно, он не просуществует, но и того малого времени, которое будет отведено ему, хватит, чтобы ранить мир. Ваш перстень опасен. Вы сами, Катарина, потенциально опасны для общества. И мой прямой долг – эту опасность устранить.

– Как?

– Физически, – меланхолично заметил Нольгри Ингварссон. – Согласно инструкции носители артефактов второго и первого уровня в случае отказа сотрудничать подлежат ликвидации.

– Я... не отказываюсь.

– Вы способны снять кольцо? Нет? Следовательно, отказываетесь.

– Но... – это было несправедливо.

...девяносто девять, девяносто восемь. Мысли о справедливости никогда и никого не спасали. Ее ведь доводят... нарочно... девяносто семь. Девяносто шесть. Счет должен быть четкий.

– Я понимаю, что вы хотели бы избавиться от этой опасной ноши, но это не в ваших силах. Вы не знаете, как... ваш наставник не открыл вам секрета...

Голос стал мягким, убаюкивающим.

...девяносто пять... девяносто четыре.

– И если бы вы знали способ, то не стали бы скрывать... демоны опасны... и вы теперь опасны, Катарина... нет, я безусловно верю, что вы не сойдете с ума... в ближайшее время...

...восемьдесят семь. Восемьдесят шесть...

– Но вы должны понять, что, оставляя вас на свободе, я нарушаю все возможные предписания...

...семьдесят девять. Что ему нужно?

Что-то на редкость неприятное...

– ...и потому я должен быть уверен, что делаю это...

...семьдесят три... и семьдесят два...

Если цифрам придавать цвета, то считать сложнее. Семерка зеленая. Единица красная. А вот шестерка – темно-лиловая...

...шестьдесят девять – лиловый с оранжевым. Неприятное сочетание.

...а ведь и демон заткнулся...

...перстень стабилизировался? Или дело в этом проклятом счете... шестьдесят четыре – лиловый с зеленью. Тоже не самое удачное сочетание. Лиловому вообще крайне сложно найти пару.

– Мне нужно от вас послушание. Полное. – Нольгри Ингварссон замолчал.

Правильно.

Эта пауза – для Катарины. Она должна испугаться и обрадоваться шансу, и поклясться исполнять малейшую прихоть куратора. И она поклянется...

– Я сделаю, – она облизала губы, продолжая счет.

Пятьдесят девять.

Пятерка ослепительно белая, как давешний снег...

– Я сделаю, что вы хотите...

– Отлично, – он хлопнул в ладоши. – Я в вас не сомневался. Итак, давайте поговорим о ваших с князем отношениях... вы ведь не станете возражать, если отношения эти станут немного более... личными?

Глава 6. Где говорится о вреде бессонницы для здоровья и репутации

*На скользкой поверхности количество воспитанных людей
значительно сокращается.*

Из наблюдений пана Филятского, потомственного швейцара.

Себастьяну не спалось.

Он был абсолютно уверен, что, стоит прилечь и он провалится в сон. Но нет... вдруг простыни стали жестки, подушка – слишком мягка, одеяло показалось душным, да и сама комната донельзя напоминала клетку.

Не в комнате дело.

А в этой чужой игре, в которую его втянули.

Себастьян некоторое время ворочался, упрямо зажмуриваясь. Попробовал было овец посчитать, однако те упорно отказывались прыгать через заборчик, а потом вовсе скинули безобидные овечьи шкурки...

...пан Белялинский, за ручку ведущий панну Белялинскую. Две дочери ее держались в стороночке, подмигивая Себастьяну то правым, то левым глазом, отчего лица их кривились, будто бы приличные панночки корчили вовсе неприличные рожи.

...купец и сестрица его покойная, в чьих очах читался упрек.

...мошенник опечаленный.

...контрабандист-художник... хорошая, однако, компания... и гробы вереницею...

На гробах терпение лопнуло и Себастьян поднялся. Может, кофий не стоило на ночь потреблять, а может, беседы беседовать со всякими преподозрительными личностями, но сон ушел. И Себастьян, сделавши круг по комнате, остановился у окна.

Морозило.

Узоры на стекле. Трава седая. Поблескивают выбеленные морозцем крыши, и луна, с одной стороны похудевшая, зависла над забором, приглашая прогуляться.

Отчего б и нет?

Холод.

Запах хвои и дыма. И странное ощущение нереальности происходящего. Себастьян выбрался на подоконник, а там, повинувшись внутреннему порыву, развернул крылья. Душа стремилась к полету, а тело, слишком тяжелое для хрупких с виду крыл, тянуло к земле. И земля эта больно ударила в пятки.

Себастьян зашипел.

Выругался.

И крылья убирать не стал. Прохладно, однако... он завернулся в них, что в плащ.

Отчего б и нет?

Шел... а куда глаза глядят, и шел... неспешно.

Не спалось и панне Ошуйской. Трепетная натура ее плохо переносила полнолуние, впрочем, как и новолуние, а еще луну растущую и убывающую. Супруг, черствейшая личность, не способная уловить тончайшие эманации сущего, засыпал легко, сразу, о чем и возвещал громогласным храпом.

И ныне вот вытянулся.

Колпак съехал с лысоватого его чела.

Из-под пухового одеяла выглядывали заскорузлые пятки и некрасивые пальцы. Особенно мизинцы были отвратительны, темные, поджатые, напоминали они панне Ошуйской не то червей, не то колбаски, не то еще какую мерзость.

Она горестно вздохнула и подтянула одеяло, скрывая от больных глаз своих это такое непотребство...

Супруг лишь ногою дернул и на бок перевернулся.

...давно пора бы сделать отдельные спальни, где она, в тиши и покое будуара, могла бы предаваться страданиям, не отвлекаясь на такое непотребство, как этот храп.

И ведь с присвистом.

С причмокиванием. А пенять станешь, скажет, что он работает много. Устает. И что, если б сама панна Ошуйская не почивала б днем, то и ночью спала б спокойней... а как ей не прилечь, когда после ночной бессонницы дурнота так и накатывает?

И капли не помогают.

И стихи.

Она вздохнула и встала.

Накинула на плечи шаль, с которой не расставалась, подозревая за супругом своим дурное: он как-то пригрозился шаль эту подарить кухарке, мол, в ней панна Ошуйская на призрака похожа...

Ничего-то он в модах не понимает.

И в утонченности.

Глянув в зеркало, панна Ошуйская поправила чепчик, отделанный алым кружевом, и провела пальчиками по воротнику рубашки. Вдруг подумалось, а что если за нею наблюдают? И сердце ухнуло, и в голове родились строки о неразделенной любви... и даже страсти...

...я вас любил, – прошептала она с надрывом, и Барсик, столь же равнодушная скотина, как и супруг, изволил открыть левый глаз. Но убедившись, что хозяйка стоит сама по себе, безо всякого интереса – а интерес Барсику виделся исключительно материальным, скажем, воплощенным в рыби потрошка или печенку – глаз закрыл, потянулся, спихивая с туалетного столика склянки.

– Я вас любил, – чуть громче произнесла панна Ошуйская, нисколько не опасаясь разбудить супруга. – И вы меня любили. Но единенью душ мешалась нам судьба. Я не забыл. А вы меня забыли. И мы расстались с вами навсегда!

Как обычно, ночью стихи рождались особенно легко.

И панна Ошуйская, вдохновленная сим творением, решительно двинулась в гостиную, где давече оставила свой альбом. Стих требовалось записать немедленно, пока трепетная память еще хранила слова.

Подумалось, что стоит разбудить горничную, пусть подаст горячего шоколаду, но от мысли сей панна Ошуйская отказалась: после девка опять мужу нажалуется, что ночью спать не дают, а днем работой загружают. И тот, к бедам собственной супруги равнодушный, вновь будет выговаривать ее за черствость.

Ее и за черствость...

Да более трепетной тонкой чувствующей нежной дамы не сыскать во всем городе, а может и во всем королевстве!

Панна Ошуйская не стала зажигать свет. Все же электрический новомодный казался ей слишком уж жестоким. Безжалостно выявлял он в дамах малые и большие недостатки, подчеркивал каждую морщинку, словно издеваясь...

Да и не было в нем романтизму.

Она зажгла свечи.

И альбом открыла.

Чернильница... чернила... алые, само собой, синими пусть писари балуются, а у ней не отчет какой-то там, но творчество... кровь души, можно сказать.

Эта мысль пришла панне Ощуйской крепко по нраву.

Стихи она писала медленно, выводя каждую букву. Перечитав, горестно вздохнула, выщедила слезинку, которой и капнула на плотный лист... подумав, пририсовала увядшую розу символом почившей страсти... спать все одно не хотелось.

И завернувшись в шаль, панна Ощуйская подошла к окну.

...наводку на дом Васька, в узких кругах больше известный как Ханыжка, получил давно. И к дому приглядывался пристально, изучая. Был тот хорош. Крепенький такой особнячок, из старых. А главное, что обретались в нем людишки простые, от которых честному вору подвоху ждать невместно. Оно ж как бывает, полезешь куда, а там то чары сторожевые, то проклятье, с которого рука отсохнуть способна, если сразу не голова... нет, много всяких гишторий ходило среди честного люду. И понятно, что две из трех суть байки и болботня, но ведь и заправдошние встречались.

Помнится, в прошлом годе Мотыль, Васькин дружок сердешный, от так от сунулся к одной старушке, думал, слегка возьмет, если не золотишка, то всяко-разного добра, и что? Выбрался с одною вазою ночной, и сам сказать не мог, с чего он оную вазу ухватил, будто не было другого имущества. Неделю с этою вазой носился, ни днем, ни ночью не расставаясь, а после и помер. Может, и не от вазы, а от серой пыли, которой баловался, но...

...а бывает, что и хозяева крепко зайдятся, крик подымут, наймут ведьмаков. Полиция-то что, полиции Васька не боялся, а вот ведьмаки наемные – дело иное...

...или вот человек дюже важный попадетя, который всему чесному обчеству жизнь попортит, тогда и свои заключают...

Нет, тяжкое это дело, промысел воровской.

Особливо в городке махоньком.

Вот потому и имел Васька на особняк виды...

...все узнал...

...с девкой одною снюхался, которая в этом доме служила. Та еще стервозина. Хвостом крутила-вертела, гимназистку из себя корчила, а после-то... не каждая шалава этак сумеет.

Васька зажмурился.

...девку, руку на сердце положи, было жаль бросать. Такую отвязную поди-ка отыщи... главное, что хозяйку свою она ненавидела люто. Стоило только словечко сказать, мигом позабыла, чего ради в комнатушку сбежала.

Ох и вывалила...

...в таком дерьмище и утонуть недолго. Небось, будь посмелей, сама б хозяйку придушила б...

Васька сплюнул и вытер соплю рукавом.

...зато и растриндела все, где там и чего. И про подсвечники серебряные, которые хозяйка-стервь прикупила по блажи своей, и про сервиз, и про драгоценности, что в спальне держит, прям жемчуга с топазами вперемешку... и про гарнитурчик, супругом поднесенный... за такой бы гарнитурчик – не чета колечку скудному – она все б сделала, а эта только рожу скривила, мол, нехорош.

Неизяществен.

Ну, ей, может, не изяществен, – этих баб поиди-ка разбери, чего им надобно – а Ваське вот сойдет. Глядишь, если каменя и вполовину так хороши, как сказано, то и грехи Васькины за них спишутся, те, которые за карточным столом приключились.

Васька потер ребра.

О грехах давече ему напомнили и покаяние такое поставили, что какой там жрец... нет, если б не грехи, Васька б, может, еще подумал... девка-то его физию хорошо запомнила, но... глядишь, и поостережется языком трепать, потому как сама наводочку дала...

Стемнело.

Давно уж... и домашние, небось, угомонились. Хозяин-то крепко дрыхнет, его и пушкой не разбудишь, а вот у дамочки бессонница случается.

...ага, цельный день бока вылеживает, стихи пишет или вдохновения ищет по лавкам, а ночью, стало быть, бессонница.

...ничего, если осторожне...

Он решил и скользнул за решетку, которая хоть и была оградой солидной на вид, а препятствием не являлась. Не для Васьки. Перемахнул разом. И ко двери.

Нет, не черный ход, он для неудачников и новичков, которым мнится, что, ежели черным ходом войти, то шкура целой будет. Как бы не так... небось, хозяйева не дурней честного народу и черные ходы еще как заговаривают. Иные и собак запирают в узеньком коридорчике или лакеям стелют, чтоб, значит, стерегли хозяйское добро. А вот парадная... отчего-то думают, что Васька совестливый, постыдиться мрамурные ступеньки собственной лапищей поганить.

Ничего.

Не стыдлив родился.

Матушка, пусть смилуются боги над пропащею душой ее, еще когда Ваську обзывала кобелем блудливым да с зенками лядащими...

По ступенечкам поднялся.

К двери приник, с нею сроднясь. Была у Васьки этакая особенность, теряться на ровном-то месте. Его еще Филером за это дело прозывать хотели, да кулаками Васька новое прозвище, попристойней, выбил. А то ишь, удумали... где это он филер?

Отмыгечки звякнули.

Под пальцы попали. И нужная сама прыгнула. Замочек, даром что особняк огромный, простенький, слабенький, этакий открыть – что сопливному чихнуть. Раз и все...

...щелкнул.

...и дверь поддалась, и главное, без звука, что хорошо: еще одно преимущество парадного ходу, а то с черного находятся умники такие, которые вовсе петли не смазывают. И скрипят тогда двери, стонут, что грешник на смертном одре.

Нет...

В какой-то момент показалось, что кто-то да смотрит аккуратно на Ваську, но тот оглянулся.

Никого.

Пуста улица. Тиха.

Осенивши себя крестом Вотановым – а все карты-картишки и фарт, к иному ушедший – Васька скользнул во тьму особняка.

Пахло хорошо.

Цветами.

И вспомнилось, как жаловалась девка на хозяйку, что, мол, букеты каждый день менять заставлет, а цветочницы с мылом драить, те ж неподъемные...

...человека, замершего у ограды особняка Ошуйских, Себастьян заметил издали, хотя и держался этот человек в тени.

Держался, да не задержался.

Вдруг разом перемахнул через ограду и решительной походкой – вот наглец-то! – направился к особняку. Себастьян потянулся было к свистку, но обнаружил, что оставил его дома.

Звать городского?

Так пока дозовешься... и этот сбежит...

Нет уж.

Себастьян огляделся, но улица была пуста, что, в общем-то объяснимо, ночь на дворе, и честные люди с чистою совестью десятый сон видят.

Меж тем ночной гость – определенно незванный – вскрыл дверь и исчез в гулкой черноте особняка. И Себастьян решился. Преодолевши ограду, он добрался до двери...

...закрыта.

Надо же... то ли сама, то ли ворье ныне предусмотрительное пошло.

Себастьян огляделся.

И заметил дрожащее пятно света на втором этаже. Вор? Или кому-то не спится? По прикидкам его хозяйские покои находились где-то рядом. Ладно, если просто обнесут, а ведь могут и по горлу... придется дело открывать... искать... опять же, отчеты, бумажная возня...

Себастьян потерся крылом о пухлую колонну и, поплевав на руки, вцепился в виноградную плеть. Та изрядно подмерзла и, мало того, что скользкою сделалась невыносимо, так еще и норовила руки ободрать.

Стремления к подвигу поубавилось.

В конце концов, он воевода, если кто увидит... а и плевать.

Себастьян выпустил когти, а ладони покрылись мелкою цепкой чешуей. Так-то лучше. А то мало ли, что ночному гостю в голову-то взбредет... нет, риск, конечно, дело благородное, но с дурустью его путать не стоит.

На второй этаж Себастьян забрался без труда.

И оказавшись на махоньком балкончике, огляделся. Пара цветочниц, покрытых серебристою коркой инея. Заснеженное окно. Дверь стеклянная и бледное пятно света за нею...

...панна Ошуйская страдала вдохновением.

Нет, как сказать, что страдала. Ее прямо-таки распирало от желания написать шедевр. И шедевр, что характерно, писался, слово за слово, однако ж разве приличный творческий человек может творить, не страдаючи? Скажи кому, так засмеют, особенно шовинисты, которые утверждают, будто бы женщина вовсе не способна создать великое творение.

...особенно пан Кузьмин, председательствовавший в кружке любителей изящного слова, изгалялся. В тот единственный раз, когда панна Ошуйская, превозмогая трепет сердечный решила-таки представить на публику лучшее свое стихотворение – муж, между прочим, очень хвалил и горничная тоже – пан Кузьмин и не дослушал.

Рассмеялся.

А после едко и хлестко высказал все, что думает...

...слог хромает.

...рифма избита.

...и смысл примитивен.

Разве в смысле дело? В рифме? В эмоциях! В душе, которая развернулась, а в нее взяли и плюнули. И пусть случилось сие года четыре тому, когда панна Ошуйская только-только осознала себя поэтессою, но рана не заросла. Как и желание доказать Кузьмину, по сути своей столь же ограниченной личности, как и супруг, что она, панна Ошуйская, способна...

...про трепет рук.

Или лучше ног?

...я трепетом рук постиг вашу страсть, – повторила она шепотом и прикусила мизинчик. После опомнилась – истинные поэты, небось, мизинцы не грызут, но покусывают перо. Надо будет потребовать, чтобы привезли пару дюжин гусиных. Или лучше лебединых? Гусиными пусть всякие посредственности пишут, а шедевр, который ныне рождался в муках, достоин был самых лучших перьев.

– Я трепетом рук постиг вашу страсть! – повторила панна Ошуйская прикрывши очи, дабы в полной мере ощутить вкус каждого произнесенного ею слова. – Устами сорвал поцелуи...

Сердце встрепенулось.

Да, именно так. Женщины будут плакать на этом месте... или лучше стыдливо вздыхать. Быть может, поэму, которую панна Ошуйская назвала неприятзательно – «Тайные грезы о запретных страстях» – даже запретят, как непристойную.

Это будет скандально!

– И ныне должны вы немедля сказать... – она задумалась, подыскивая рифму к слову «поцелуи». Рифма ускользала... зато вдруг раздался шорох, заставивший панну Ошуйскую оцепенеть.

Неужели...

Нет, показалось... конечно, показалось... быть того не может... или банальные мыши, на которых жаловалась кухарка таким тоном, будто панна Ошуйская самолично оных мышей вредительствовать на кухню отправила. И чего она ждала?

Поставила б мышеловок... а что котенка не ловит? Так он натура нежная, не приспособленная к подобному времяпровождению.

Тишина.

Темнота.

Из приоткрытой двери доносится бодрый храп супруга, которому неведомы душевные томления и вообще, небось, опять одеяло скинул, выставивши свои пятки на всеобщее обозрение. А если и вправду явится тот несчастный упырь? И что он увидит? Съехавший ночной колпак, слюни на губах и волосатые мужнины ляжки? Иржина-заступница, неудобно-то как будет...

Панна Ошуйская отложила перо.

Вдохновение ушло, как вода в песок, зато появилось неясное беспокойство. Заглянув в спальню, панна Ошуйская убедилась, что подозрения ее были не беспочвенны. Вот супруг. Лежит. На бок повернулся, руки под щеку сунул, губы приоткрыл, как карп на блюде, и пузыри пускает, сладко причмокивая. Адеяло вовсе сбросил и, замерзнув оттого, свернулся калачиком.

До чего смешон.

И ночная рубашка задралась...

Панна Ошуйская укрыла супруга одеялом и вздохнула. Какой ни есть, а свой... вдруг да взревнует упырь? И убьет? Мысль эта была нова и ужасающа. Она холодила спину предчувствием беды и еще сладостным предвкушением – никогда-то из-за панны Ошуйской не то, что не убивали, но даже не дрались...

...воображение живо нарисовало сцену, в которой она рыдает над телом убиенного супруга, проклиная злодея, как проклинала его Кинеида в прошлогодней постановке. Постановка, к слову, была дрянной, а игра местных актрисок вызывала лишь зевоту, не хватало им экспрессивности и вообще... в общем, рыдать у панны Ошуйской получилось бы лучше.

И проклинать тоже.

А упырь, осознавши, что ревностью своей он убил зарождающееся чувство, самолично растоптал любовь, стоял бы в сторонке понурившись, голову опустив и покорно принимая проклятья... потом были бы похороны... и одинокие долгие вечера... и страдания, страдания... и письма, которые бы писал ей упырь, умоляя о прощении... и камин, где бы они сгорали... поначалу... первые лет пять... или десять? Потом бы сердечная рана затянулась бы... или нет, скорее уж он, поняв, что не способен сломить гордый дух одинокой женщины, явился бы к ней, дабы покаяться и покончить с собой, не имея сил жить дальше. А она, узнав о том, простила бы. Панна Ошуйская, что б там ни говорили, была великодушна...

Она посмотрела еще раз на мужа и шепотом пообещала:

– Если он тебя убьет, я заставлю его страдать. Долго.

Муж причмокнул во сне и пробормотал что-то непонятное... как есть, черствый человек. Как ее угораздило выйти замуж за такого?

И что ей делать?

Стоять?

Или может... нет, панна Ошуйская не чувствовала в себе усталости, разве что вдохновение вернулось... пожалуй, в ее поэме будет этаким эпизод.

– Я проклинаю вас понеже! – что такое «понеже» она не очень знала, но ведь легло же слово, а значит, на своем месте. – И бед бессчетное число... пусть вас закружит вороньем!

Как-то так, да... или поподробней расписать, каких именно бед?

Панна Ошуйская выскользнула из супружеской спальни в будуар, где на столике кипарисовом ждали ее свечи и альбом с набросками будущего шедевра... выскользнула и замерла: над святой святых, ее альбомом и серебряным сундучком, в котором хранились предыдущие альбомы – ее поэтическое наследие, за которое потомки будут сражаться – склонилась тень.

Черная горбатая тень.

Эта тень была кособока и уродлива... и желала похитить то, что... панна Ошуйская, до конца так и не успев осознать, что мечты ее становятся явью, завизжала...

Васька в доме чувствовал себя привольно. Пройдясь по первому этажу, он сгреб в сумку пяток статуэток, про которые подружка сказывала, что будто бы они нефритовые и стоят немало. Прихватил серебряную пепельницу. И еще махонькие, но увесистые часы. Оглядел рамы. Рамы были хороши, но тяжеловаты... сунулся было на кухню, но басовитый храп остановил. Стало быть, кухарка ныне не отправилась домой...

Что ж, не везет так не везет. Ничего, фарт – дело наживное. Он прислушался – в доме было тихо... и решился. Наверху, в хозяйских комнатах, небось, приборахлится легче выйдет. А если гарнитурчик тот прибрать, то и...

...в темном коридоре он остановился.

Огляделся.

Прислушался.

А слух у Васьки был отличнейшим, и если кто ходит... нет, тихо... темень расступалась – привыкали глаза. И вот уже на светлых стенах проступили черные рамы картин...

...Васька слышал, что есть фартовые, которые за мазней этою вот ходят. Оно-то понятно, что картинка картинке рознь, за одну тебе гору золотишка насыплют, а за другую и пары медней не допросишься. И знать бы, которая ценна, да... эх, права была мамка, подзатыльниками мудрость в голову вбиваючи: учиться надо было.

Глядишь, отыскал бы картинку верную.

Снял бы...

Половицы тихо поскрипывали, но Ваську не выдавали.

Он заглянул в одну комнату, та была пуста и принесла красивый бабский веер и серебряного оленя, который едва-едва в мешок влез, уж больно рогатым был.

...пара птичек из слоновой кости.

...нож для бумаг.

...и в ящике стола – надо думать, попал Васька в хозяйский кабинет, – целую пачку злотней, лентою перевязанную. Пачку Васька сунул за пазуху, так оно верней. А в мешок отправил еще нож для бумаг и брегет, забытый на краешке стола.

Мешок от этаких подношений раздулся и сделался тяжел, потому Васька перекинул его на спину. И можно было б уходить, да... не отпускала мыслишка об драгоценностях хозяйки-

ных, которые в Васькином воображении сделались вовсе уж невероятными, небось, у самой королевы таких не было. А если и были, то где та королева?

Гостиная...

...пахнет пылью, знать, убираются тут нечасто...

...а дальше, как и сказывала разбитная подруженька, хозяйские личные покои. Дверь отворилась беззвучно, и Васятка замер.

Комната была пуста, но...

Подсвечник.

И пара свечей стеариновых, полупрозрачных – Васькина мамаша такие катала, по сребню за дюжину. Гора чернильницы. Книга какая-то... и огромный короб, серебром облицованный.

Васька облизал губы.

Здравый смысл подсказывал, что надо уходить, но... короб был так близок...

...Васька даже чеканку разглядеть мог, и еще камушки красные... или синие – при свечах не разберешь... и если схватить да...

Быстро...

Он решился.

Первый шаг. Замереть. Прислушаться. Нет, тишина... если кто и был в комнате этой, то вышел по собственной надобности... оно и правильно, оно и к лучшему... второй... третий... и вот уже Васька у стола. Он схватил короб и прикусил губу, чтоб не выругаться – тяжеленный, падлюка! Показалось даже, что короб этот к столу прикручен намертво, ан нет, поддался... его б в мешок, да некогда...

И тут за спиной раздался тихий-тихий вздох.

Васька обернулся.

И едва не выронил короб... он слышал, что в таких от старых особняках всякое водится, да только не верил в брехню... да и подумаешь, призрак... но нынешний...

Она стояла в дверях.

В полупрозрачном одеянии, простоволосая, страшная... белый овал лица, черные провалы глаз и губы красные, будто крови насосалась... Васька сглотнул.

Бежать!

Только вот ноги застыли. А тварь протянула к Ваське когтистые руки, раскрыла рот и издала звук, высокий и тонкий, оглушающий, лишающий разума...

...услышав крик, Себастьян все ж решился и, обернувшись крылом, высадил стеклянную дверь. Брызнули осколки, запутавшись в тонком пологе штор. Да и сам он, признаться, споткнулся и повис в них, таких обманчиво легких, шелковых.

Вот же не хватало беды!

Себастьян дернулся было, но проклятые шторы скользили и норовили спеленать покрепче, будто именно в нем узрели злоумышленника. И, потерявши терпение – в последнее время с терпением у него вовсе было тяжело, Себастьян распахнул крылья.

Затрещала горестно ткань.

Визг смолк.

Что-то упало, покатилося...

...Себастьян сдернул с головы шелковый обрывок.

Васька понял, что жизнь его бестолковая – ах, мама-маменька, мало вы колотили, мало таскали за космы, мало стучали да полбу скалкою, едино боль головную вызывая – подошла к концу, когда тварь, вытянувши руки с тонкими длинными когтями, шагнула к нему навстречу.

Обнять желала?

Пахнуло вдруг холодом лютым.

По спине протянуло ледком, будто тот, о котором упоминать вслух не стоило, возник за Васькиной спиной. Зазвенело что-то... он оглянулся, понимая, что все еще оглушен криком, обездвижен, только и может, что смотреть.

...вторая тварь возникла в окне.

Вдруг качнулись полупрозрачные занавеси, слиплись и распались, выпуская нечто... оно было огромно.

Крылато.

Рогато.

И ужасно настолько, что Васька зажмурился, не способный выдержать огненного взгляду.

...панна Ошуйская, конечно, готова была ко встрече с любовью всей своей жизни, даром что любовь эта изрядно запаздывала, но...

...вот чтобы так...

...при живом – во всяком случае пока – муже...

...и в окно... разбил, вона как холодком потянуло? этак и просквозит. Романтика романтикой, но панна Ошуйская с прошлого разу еще кашлем маялась.

Она поплотней запахнула белые крылья шали и, вздернувши подбородок для пущей горделивости, решительно шагнула к крылатому гостю. Он же, выплюнув ошметок шелковой гардины – а между прочим, ткань панна Ошуйская из Познаньска выписывала, по каталогу, – склонил пред ней рогатую голову...

Всхлипнул подлый похититель, почуявши неотвратимость возмездия.

А заодно уж раздался сонный голос мужа:

– Что, помилуйте, тут происходит?

О, Иржена, как он был жалок! Босой. В ночном колпаке, сползшем на глаза. В рубаше этой, что задралась выше колен, явив всеобщему взору эти самые вспухшие колени. С волосатыми ногами и огромной вазой в руке...

– Я требую ответа! – он замахнулся вазой и не нашел ничего лучше, чем швырнуть ее в упыря, который этаким наглости не ожидал, а потому едва успел отбить вазу взмахом крыла.

И та, отскочивши, ухнула на голову злодея.

– Не надо! – возопила панна Ошуйская, заламывая руки. – Умоляю вас, не надо!

Она и очи к потолку воздела для пущей одухотворенности облика.

Откашлялась. И громче, с завываниями трагическими – драмы без завываний не бывает, это всякому известно – произнесла.

– Ваша настойчивость ранит мое сердце... – сердце упомянутое ухало, особенно встревожено было оно некой несообразной верткостью супруга, которому вздумалось ухватиться за кочергу. Панна Ошуйская и не представляла, что тихий ее муж может быть столь вызывающе примитивно агрессивен!

И главное, что на упыря это тоже произвело впечатление, заставивши отступить.

Правда, когтистая лапа выдрала кочергу из мужниной руки и зашвырнуло в камин... точнее, панна Ошуйская надеялась, что упырь метил именно в камин, а не на полочку и пятью фарфоровыми девицами изящного свойства, весьма дорогими сердцу хозяйки.

– Судьба жестока! И я, поверьте, желала бы ответить вам взаимностью... – панна Ошуйская пустила слезу. В этот момент ей искренне было жаль себя, поставившую долг выше личного счастья, пусть счастье это и имело вид несколько жутковатый. – Но я другому отдана...

Упырь, погрозивши пану Ошуйскому пальцем, подошел к вору.

– ...и буду век ему верна... – горестно завершила панна Ошуйская.

Подхвативши беспмятное тело, упырь хорошенько его встряхнул и закинул на плечо.

– Тогда, – молвил он хриплым голосом. – Я пойду?

– И-идите...

Взгляд панны Ошуйской заметался по комнате.

– Вот, – она подняла лоскуток злосчастной гардины и протянула его отвергнутому возлюбленному, сердце которого – в этом панна Ошуйская не сомневалось – рыдало от боли. – Возьмите...

– Зачем?

– На память... обо мне... о нас... – она всхлипнула и отерла с лица слезинку.

И вновь протянула лоскуток...

Нахмурилась, заметивши белое пятнышко. Принюхалась и, ощутивши знакомый аромат, лишилась чувств. К счастью супруг, пусть все же черствый и полысевший, но такой привычно надежный, успел подхватить безжизненное ее тело...

...Себастьян чувствовал себя... да давно уж он не чувствовал себя настолько глупо. Оставалось надеяться, что в нынешнем обличье опознать в нем воеводу, лицо немалого чина и властью облеченное непросто. Он закинул полубессознательного вора на плечо и, потеснивши пана Ошуйского, который явно желал продолжить занимательную беседу и для того подыскивал аргументы, навреде улетевшей кочерги, покинул комнату. По лестнице парадной Себастьян спускался быстро, да и к оградке проследовал бодрым шагом. И лишь свернувши в темный переулок, стряхнул добычу в снег.

– Я... – паренек живо перевернулся на спину. – Я больше так не буду!

– Как? – Себастьян завернулся в крылья.

– Н-никак не б-буду!

– Никак – это хорошо...

И вот что с ним делать? В Управление сопроводить, как сие полагается? Тогда и дело надобно будет открывать, а значит, приглашать свидетелей, а те молчать не станут... Себастьян представил встречу с паном Ошуйским и, что хуже, с панной Ошуйской, которая явно разумом от страха повредилась, и содрогнулся.

– Я... я в монахи пойду! – Васька размашисто осенил себя крестом. – Буду людям добро учинять!

...а потом и слухи пойдут.

...и главное, пойдя попробуй объясни, что действовал Себастьян исключительно общественного блага ради. Нет, не поверят.

И решившись, он поднял Ваську за шиворот. Тот и повис кулем, слабо повизгивая, глаза зажмурил, ручонки скрюченные к груди прижал...

– В монахи, значит? – переспросил Себастьян и, озаренный внезапной идеей, велел. – А расскажи-ка ты мне, друже...

На этом слове вынужденный приятель, который явно не желал продолжать столь чудесно начавшиеся отношения, икнул.

– ...что в городе у вас творится...

...когда чудище поволокло Ваську, он, признаться, с жизнью-то распрощался. И только об одном молился, что, коль уж пришел час смертный, то пусть себе смерть эта, ранняя, будет легкой... однако чудище в доме Ваську жрать не стало.

И на улице.

И после вовсе, скинувши с плеча, заговорило человеческим голосом. Этаким смутно знакомым голосом...

– В... в г-городе? – переспросил Васька, силясь понять, что ж ему, ироду, любопытно будет.

– В городе, в городе, – ответило чудище, Ваську будто бы отпуская.

И самое время дернуть в переулочек темный да со всею урожденною прытью – а Васька бегать умел, как и все хлопцы заречные, но что-то, может даже разум, подсказало, что мысль сия не больно-то успешна.

Догонит.

И тогда точно сожрет.

– А... а третьего дня Марфушка, которая н-на В-выселках, сверзлась с лестницы, – Васька оперся на холодную стену. – И ейные племянницы понаехали. Делять, стали-ть, наследство...

...Марфушка была старухой суровой, и Васька сомневался, что помрет она, как на то племянницы надеялись. Переживет всех, очуняет и разгонит клюкою, а после вновь откроет свой дом для людей тихих... Марфушка дачу¹ хорошо берет, не жметя.

С племяшками ее дела не будет.

Заполошные бабы. И пустоголовые.

Чудище кивнуло и когтем тыкнуло в Васькино плечо многострадальное, мол, продолжай.

– А еще жох² залетные той неделей куролесили. Малютку на перо подняли, но наши с того в обиду крепкую вошли и сделали им начисто³.

– Трупы где?

– Так это... жмуров яманщик⁴ один берет. И рыжем платит.

– А вот это уже любопытно, – чудище похлопало Ваську по плечу. – Ты давай, дорогой, пой, что за яманщик, где обретається, не стесняйся. Ночь у нас долгая, времени хватает...

Васька сглотнул.

Одно дело так языком ветра гонять, свои-то, узнай, точно банки б поставили⁵, но не до смерти, а для науки и вразумления, ибо негоже честному вору балакать о делах воровских, пусть и со тварями страхолюдными. А вот сдай он кого... коль дознаются... тут уж одними банками не отделаешься, перо в бочину присунут и яманщику тому отвезут.

– Я... я не знаю, – он зажмурился. – Я ж не по мокрому делу! Я честный жох!

Тварь бить не стала.

Коготчком подбородок подняла и ласково так спросила:

– А что знаешь?

– Знаю... знаю... – Васька только заглянул в глаза желтые, что злотни, и разом накатило этакое желание рассказать обо всем и сразу... а после покаяться и в монастырь. И вправду, мысль показалась предивною. Чем в монастыре плохо?

Кормят.

Крыша над головою есть.

– Знаю, что он не из наших... что чистенький... навроде как купчина? А может, вообще штым⁶ какой... с ним Пихта базлает... когда нужда приходит. Слышал только, что он... ну вроде как жмуров прибирает так, что после с концами. Салмаки, хоть бы все перерыли, и кусочка не найдут...

Чудище молчало.

Ждало продолжения. И коготь от Васькиной шеи не убирало. И в сей миг особенно остро осознал Василий всю никчемность прожитой своей жизни. Двадцать два годочка... а что он сделал?

Пил.

¹ Дача – воровская добыча, жарг., прим. авт.

² Воры, разбойники, жарг.

³ Сделать начисто – убить, жарг.

⁴ Скупщик краденного.

⁵ Ставить банки – избить, жарг.

⁶ Обычный человек.

Гулял.

Девок тискал, когда рыжье имелось. А как не имелось, то все одно пил и гулял... и догулялся вот.

– Еще... еще базлали люди, что будто бы Хрипша, которая лоретками⁷ ведает, трепалась, что девки на улицу ходить боятся. Совсем от рук отбились. Мол, там сгинуть, что чихнуть, и молодых не поймать...

– А вот с этого места поподробней, – попросило чудище.

Экое оно любопытственное... а поподробней? Пушай себе, раз уж все одно не жить, так... эх, коротка ты, дорожка воровская... а матушка упреждала... матушка молила, чтоб одумался... и денег скопила, да только пустил те деньги Васятка не на учебу, но на винцо зеленое, друзей закадычных и картишки...

...сказывать.

...сказывал, и про девок трех, которые были-были, а после взяли и сгинули. И мыслится, что куда больше их сгнуло, чем три. Кто ж лореток считает, особенно, когда они – полные шмары...

...про то, как Хрипша на вокзалу ходит, выискивая девок приезжих...

...сама-то Хрипша собой хороша, толстая и в бархатах, на плечи шальку цветастую повесит с бахромой, на волосья шарф накрутит, что кубло гадючье, перчаточки белые, сапожки красные. И вправду купчиха. Приезжие-то робеют, когда заговаривает, мол, сразу-то девка глянулась, а в доме руки нужны свободные, и обещает им жизнь такую, что девки-дуры про всю материну науку забывают. Идут за Хрипшей.

Куда?

А на малину... у ней домов-то несколько, то в одном, то в другом веселие с торгами. Эта, как его, аукциона, на которой новых девок за рыжье продают. Васька одного разу заглянул, когда при фарте был, но ушел. Почему? Не, карманы у него тем вечером звенели, да только не по нраву: девки рыдают, мужики хохочут... противно.

...только сказывала Хрипша, что еще одна сводня в городе объявилась, мол, перебивает. Пара девок от места отказались, дескать, уже сговорены, а оно понятно, что с такими сговариваться никто не будет. А главное, что из аристократов⁸ никто ни сном, ни духом про новую-то малину... от и выходит...

Чудовище слушало превнимательно, как жрец на покаянии.

И Васька вдруг понял, что и вправду кается...

Матушка вспомнилась, и что была она своднею, что сама от так искала новеньких, пусть после и клялася, что никого-де не принуждала, сами девки летели на легкую работу, да...

...коль кривая у Васьки жизнь, может, с проклятия?

...и надобно грехи отмаливать, егонные и материны...

– А скажи-ка, – чудище ткнуло пальцем в плечо, – друг мой случайный, а не встречался ли тебе один человек...

Панну Ошуйскую привела в сознание вода.

Холодная вода, отчетливо пованивающая болотом. Стало быть поганка-горничная вновь поленилась сменить ее в вазах, просто цветы переставила. Панна Ошуйская так возмутилась, что села и лицо отерла... глянула на руки и завyla от тоски... как она могла забыть? Как?!

– Дорогая, – супруг с опустевшей вазой стоял подле, – все в порядке?

Нет! Не в порядке! И никогда уж не будет... это только представить... невозможно... чтобы в тот единственный раз, когда провидение ниспослало панне Ошуйской этакий шанс на

⁷ Проститутка.

⁸ Авторитетный вор.

личное счастье – пусть она и не собиралась им пользоваться, но все же – она встретила оное счастье в подобном неподобающем виде! А все панна Кулякова с ее экспериментами...

Слезы текли из глаз, и панна Ошуйская размазывала их и еще злополучную маску, которая была призвана отбелить лицо и придать коже фарфоровое сияние. Во всяком случае панна Кулякова утверждала, что именно эта чудодейственная смесь – два злотня за крохотную баночку, между прочим – сотворила с нею чудо. Поелику чудо панна Ошуйская лицезрела воочию – прежде-то у панны Куляковой кожа была дурна, ноздревата и с угрями, которые не получалось запудрить – то и рискнула приобрести.

Намазалась перед сном.

Легла и... и забыла...

Забыла!

– Я... – она всхлипнула и, отстранив руку мужа, поднялась. Мокрая ночная рубашка бесстыдно прилипла к телу, волосы растрепались, а в зеркале, которое панна Ошуйская вытаскивала из короба с альбомами, на нее взирало чудище.

Узкое лицо.

Кожа в каких-то белесых разводах.

А глаза черные, запавшие...

И уронив зеркало, панна Ошуйская разрыдалась... он видел ее такой! Он... да как он посмел!

– Может, за доктором послать? – нерешительно поинтересовался супруг и, поднявши кочергу, чуть тише добавил. – Или за полицией?

– Н-не надо...

– Чего не надо?

– П-полиции... он приходил ко мне?

– Кто? – кочерга описала полукруг, сбив с каминной полочки последнюю уцелевшую статуэтку.

– У-упырь...

– Какой упырь?

Нет, пан Ошуйский не был ревнив. Человек разумный, он прекрасно понимал разницу между пустым женским кокетством, до которого была охоча хрупкая его жена, и изменой.

Он верил ей.

А тут упырь посреди ночи...

– Я... – она заломила руки. – Я знаю, что он тайно влюблен в меня... и пришел за мной... лепет жены был безумен, но как ни странно, это безумие успокаивало.

Упырь? Пускай себе... лучше упырь, чем какой-нибудь щеголоватый офицерик, до которых так охочи дамочки...

– И вот, я знаю, что он пришел забрать меня... защитить меня от этого... того... – панна Ошуйская указала пальчиком на короб с драгоценными альбомами, – которых покусился... и он бы тебя убил.

– Не убил, – пан Ошуйский потер шею.

Вся эта история выглядела на редкость дурацкою. И теперь мысль позвать полицию больше не казалась удачной. Что он им скажет?

Про вора?

Про упыря, который одного вора уволок?

Или про нервическое расстройство супруги, которой мерещились то воры, то упыри, то еще какая блажь?

– А хочешь? – он вытер заплаканное лицо ошметком дорогой гардины, – мы тебе гарнитур купим новый? Топазовый?

– Да? – в глазах ее мелькнула искра интереса, но впрочем, быстро погасла.

Разве какой-то гарнитур мог спасти ее от позора?

– Или... – пан Ошуйский призадумался. – Или вот книгу издадим? С твоими стихами?

Он прикинул, что выйдет сие даже дешевле топазового гарнитуру.

– К-книгу? – тихо переспросила панна Ошуйская, светлея лицом.

– Книгу. На хорошей бумаге, таким дамским альбомом... картинок там побольше... – пан Ошуйский погладил супругу по волосам, а руку тихонько вытер о ночную сорочку. Волосы панна Ошуйская натерла смесью из касторового масла и барсучьего жира, для роста и блеска, о чем в порыве вдохновения успела позабыть.

Напоминать об этой мелочи пан Ошуйский не стал.

– Тогда... – она еще раз всхлипнула и прижалась к мужу, который, во-первых, был рядом, в отличие от всяких там упырей, убоявшихся такой безделицы, как маска для лица, во-вторых, был теплым, а из окна сквозило. – Тогда мне нужно будет отобрать лучшие из творений... или вот... я решила написать поэму!

– Напиши...

– Чтоб про любовь... а еще про то, как она ему призналась в любви, но он ее отверг... и потом, годы спустя, встретил вновь и пожалел, понял, что всегда любил ее и только ее...

Пан Ошуйский только вздохнул.

...а все одно дешевле гарнитуру выйдет. И жене в радость. Что еще надобно?

Разве что окно застеклить.

Глава 7. В которой неожиданно воскресает чужая любовь

*А счастье было так возможно. И так возможно. И вот так...
...размышления о жизни и творчестве пана Пискуничика, уездного
живописца и большого сластолюбца, что весьма огорчало честную его
супругу, женщину крайне строгих правил и крепких кулаков.*

Домой Себастьян вернулся ближе к рассвету.

Он был бодр.

Зол.

И весел, хотя для веселья, если разобраться, не было ни малейшего повода. Взлетевши по стене – крылья только хлопнули, помогая удержать равновесие, он забрался на балкончик, а уж с него – в комнату, надеясь все ж на пару часов здорового и крепкого сна.

Он, содравши ошметки рубашки, скинув изгвазданные ботинки, которые вряд ли подлежали восстановлению, рухнул в постель, чтобы...

...визг оглушил.

А чувствительный пинок по ребрам заставил задуматься, в ту ли постель он рухнул.

– Ты... – Ольгерда выдохнула. – Иржена милосердная, это ты...

– Я, – Себастьян дернул одеяло. – Всего-навсего...

Одеяло не отдало.

Ольгерда решительно натянула его по самую шею и недовольно произнесла:

– Между прочим, у тебя прохладно. Не понимаю, почему ты ютишься в этой убогой квартирке, неужели нельзя найти что получше?

– Между прочим, я тебя не приглашал.

Она надула губки и приспустила одеяло, показав округлое плечико с полоской алого кружева.

– Ты еще дуешься?

– Ольгерда...

– Я понимаю, ты приревновал меня, – она опустила одеяло еще ниже. Кружева стало больше.

Надо же, это Себастьян еще не видел.

– Но пойми, он для меня ничего не значит... меня огорчили наша ссора и твоя холодность... и тут этот купец... и конечно, я подумала, что...

– Что не стоит упускать подходящий случай?

Она фыркнула и, бросив одеяло – вид на бюст и алое кружево был чудесен, но Себастьян слишком устал, чтобы и вправду впечатлиться.

Он забрался на кровать и лег, скрестивши руки на груди.

Ольгерда молчала.

И молчала.

И молчание становилось все более напряженным.

– Что ты делаешь? – нервно поинтересовалась она, вовсе скидывая одеяло.

И ножку поверх него положила, в чулочке алом. С подвязочкой.

Себастьяна, впрочем, в данный конкретный момент куда больше интересовала не подвязочка с чулочком, и не ножка, но нагретое Ольгердой одеяло, которое он, улучив момент, и утащил, чтобы завернуться в него, словно в кокон.

– Себастьян!

– Сплю я, – ответил он, не открывая глаз.

– Сейчас?

– Ага...

– Я к тебе пришла, а ты... ты спишь?

– Я тебя, к слову, не звал...

Ольгерда засопела. Выразительно так засопела, испытывая преогромное желание ткнуть это черствое существо каблучком...

– Кстати, – существо приоткрыло глаз, – обувь обычно снимают...

– Это особые туфли, – Ольгерда вытянул ножку и провела пальчиком по золотистому узору на чулке. – Разве тебе не нравятся.

Тонкий каблучок блеснул в лунном свете. Кованый носочек... этаким и ребро, пиная, проломить недолго.

– Нет, – Себастьян повернулся на бок. – Мне сейчас подушка нравится.

– Не будь букой, – Ольгерда прижалась к ватному кокону и сделала попытку его обнять. – Себастьянушка...

Она дыхла духами в самое ухо, отчего стало щекотно и еще неприятно.

И Себастьян вынужден был признать – спать ему не позволят.

Он сел.

Подтянул повыше одеяло, потому что чешуя чешуей, а замерз за эту ночь он изрядно. И хорош будет, если насморка подхватит...

– Ольгерда, – Себастьян убрал тонкую ручку, которая потянулась было к шее, и от поцелуя увернулся. – А давай ты сделаешь вид, что тебя здесь нет?

– Но я есть...

Вот же настырная... соблазнительница. На живот прилегла, зад оттопырила, показывая, что и кругл он, и прекрасен...

– Именно. Ты есть. А быть тебя не должно. И мне вот крайне любопытно, каким таким образом ты здесь оказалась... и главное, зачем?

Ольгерде хотелось устроить скандал.

И не просто скандал, нет, этот стал бы самым ярким из всех, которые когда-либо видело это жалкое жилище... и жалкий нелюдь, который вместо того, чтобы вести себя, как подобает нормальному мужику – наглому и постоянно озабоченному – закрутился в одеяло и теперь взирал на Ольгерду с немим упреком в очах. Она от этого взгляду разом начинала чувствовать себя подлою развратительницей, жаждущей едино добраться до трепетной невинной плоти.

И ладно бы...

Той плоти – полтора пуда ребер да шкура жесткая, но... ценить же надо женский подвиг! А подвиг она и совершила, пробираясь тайком через черный ход.

Амулет отвода глаз.

И крепкого сна для старухи, которая была слишком уж любопытна. И еще один, известного назначения, пристроенный в изголовье кровати. Правда этот, похоже, не действовал. Набрасываться на Ольгерду князь не спешил. И вовсе не спешил.

Сидел.

Глазел.

А потом и вовсе зевнул, скотина...

...нет, будь ее воля, Ольгерда бы...

...воли не было.

Пока.

– Себастьянушка, – она прижалась к одеялу, чувствуя себя на редкость глупо. – Я так по тебе скучала... я... ты не поверишь, но я поняла, что все, что было раньше, это... это пустое... моя жизнь пуста без тебя...

Она всхлипнула и пустила слезу.

И еще одну.

Но слезы хвостатую сволочь не разжалобили.

– Я... я понимаю, ты злишься... я виновата... боги, я так виновата... – и руки прижать к трепещущей груди. Я люблю тебя...

– А я тебя нет, – сонно ответил Себастьян.

– Не важно! – Ольгерда не собиралась отступать. Не здесь. Не сейчас. – Моей любви хватит...

– На что?

...как он дожил-то до этаких лет? Его хотелось и отравить, и удушить, и еще поглумиться над телом. Ольгерда сделала глубокий вдох.

– Я понимаю, что ты не хочешь связывать себя узами брака... не надо... мы оба взрослые современные люди... к чему эти буржуазные пережитки...

– Эх тебя припекло-то...

Ольгерда постаралась выбросить эту фразу из головы.

– Мы можем быть счастливы вместе...

Князь испустил тяжкий вздох. И открывши оба глаза – на миг показалось, знает он все распрекрасно, и про нее, и про братца драгоценного, которому недолго осталось, но пока осталось, Ольгерде приходится выполнять его капризы, – уставился на Ольгерду.

Смотрел он долго.

Нет, не раздевая, будто вовсе не замечая ни ее наготы, ни шелкового белья, наготу эту подчеркивавшего. Он смотрел... с укоризной?

– Ольгерда, – наконец, произнес Себастьян. – Ты переигрываешь.

– Сильно? – она вдруг явственно осознала, что ничего-то не получится.

И разозлилась.

На Себастьяна... на братца ненавистного, которому Себастьян вдруг понадобился... и на себя тоже за неспособность отделаться от мужчин... а потом злость ушла.

А ведь и вправду...

...нет, сегодня же...

...она уйдет. И вернувшись к себе, скажет, что ничего не получилось... а вздумай он руки распускать, ... что ж, среди ее поклонников всякие имеются, достаточно намекнуть, и исчезнет дорогой брат, словно его и не было... и странно даже, что это, вполне себе логическое решение старой проблемы, ей прежде не приходило в голову.

А потом... потом она уедет.

Куда?

Куда-нибудь, лишь бы подальше от этого серого унылого городка с его закостеневшими жителями, старыми сплетнями и старыми же сплетницами... а может... Порфирий с горя запил, но тем лучше... он оправится и... он нехорош собой, лишен всякой изящности и нема-нерен, похож на медведя-шатуна, зато просто-таки неприлично богат, и денег его хватит, чтобы примириться с недостатками.

– Изрядно, – признался Себастьян и, вновь зевнув, – вот же сволочь, знает, что теперь и Ольгерду зевать потянуло, поинтересовался. – Чего ты на самом деле хочешь?

– Свободы. И денег.

– А я при чем?

– В принципе, не при чем, но... меня родственник попросил, – приняв решение, Ольгерда не без удовольствия избавилась от маски. Если бы кто знал, как ее утомили эти маски. – Побывать рядом, приглядеться...

– Родственник, значит... приглядеться... и давно ты приглядываешься?

А вот теперь он разозлился.

Ишь, как глаза блеснули. И выражение лица... почти не изменилось, но той малости хватило, чтобы осознать – оскорблен.

Самолюбив, как все мужики.

– Да нет... сначала мне было самой интересно... столько разговоров... как же... в нашей-то глуши и холостой князь собственной персоной, как было не взглянуть... Если хочешь знать, твою шкуру начали делить задолго до твоего здесь появления, – Ольгерда фыркнула и, стянув туфельку, швырнула ее в угол. Спать в туфлях и вправду было на редкость неудобно, каблуки так и норовили за простынь зацепиться и оную простынь продрать. – И мне захотелось позлить всех этих... благопристойных клуш. И да, я честолюбива, мне захотелось стать княжной, чтобы те, кто еще недавно от меня носы свои воротили, кланялись... и вообще...

Вторая туфля отправилась следом за первой, едва не снеся древнюю вазу со столь же древнего столика.

– Если тебя утешит, то... ты мне нравился. Сперва.

– А потом?

– А потом... потом... ты не походил на князя.

– Это еще почему?

Он и в самом деле не понимает? Или очередная игра... хотя какая разница? Раз уж начала этот разговор, то и продолжить стоит. Давно уж Ольгерда не разговаривала откровенно. Или совсем никогда не разговаривала откровенно? Главное, что сейчас собственные признания, изливавшиеся легко, будто освобождали ее.

– Почему... потому что князя другие... они если и служат, то уж точно не пропадают на службе днями и ночами. Они являются в присутствие и с них того довольно. Они не снимают комнаты у безумных старух, не избегают общества... и балуют своих женщин...

– Ясно. Разочаровал.

– Не без того. Я уж думала разорвать наши отношения. Пойми меня правильно, ты интересный мужчина, но одним ангажементом сыт не будешь. А предложение делать ты не спешил. И вовсе начал ко мне остывать. Женщины это чувствуют, так что...

– Прости.

– Ничего страшного... мы бы просто разошлись, но появился мой братец, – она аккуратно скатала чулок. Пригодится. Небось, Порфирий – не князь, кобенится, заставши в постели почти обнаженную красавицу, не станет. – И попросил меня не расставаться...

– И ты послушала?

– Он был настойчив, да и... – Ольгерда прикусила губу, чтобы не сболтнуть лишнего. – Как не помочь родственнику?

– И что твоему родственнику было нужно?

– Ничего особенного... поверь, государственные тайны его интересовали мало. Узнать, берешь ли ты взятки, от кого и сколько... он не хотел верить, что ты не берешь... дело с контрабандой... он, полагаю, с нею подвизается, а ты ввел новые порядки...

Себастьян молчал.

– Он игрок... и деньги ему нужны постоянно, поэтому... иногда у меня занимает, но я вовсе не так богата, чтобы содержать мужчину. У меня и себя-то содержать выходит с трудом... ты не представляешь, во что обходится красота...

Чулками Ольгерда швыряться не стала.

Легла и за край одеяла дернула. Шелка шелками, но старуха, кажется, вовсе не знала о существовании каминов.

Себастьян подвинулся. И одеяло отбирать не стал. Только уточнил:

– Контрабанда, значит?

Ольгерда пожала плечами: каждый выживает, как умеет.

– И что именно твой братец... возит?

– Я не уточняла, но... через него можно достать интересные зелья... скажем, «Лунный свет». Или вот «Очарование». Я не пользовалась, ты не думай...

– А приворотное? Нестандартное?

Ольгерда призадумалась. Приворотными она не пользовалась принципиально. Во-первых, результат непредсказуем. Во-вторых, незаконно. А в-третьих... она и без этой гадости неплохо справлялась.

Раньше.

– Не знаю, – честно сказала она. – Мне без надобности, но могу поинтересоваться...

– Твой родственник случайно не упоминал Белялинских?

Ее что, допрашивают?

– Ему и упоминать не надо. Он у них приказчиком подвизается.

– Что ты про них знаешь?

Определенно, допрашивают.

– А что мне за это будет?

– Мое хорошее к тебе отношение, – Себастьян еще подвинулся. – И кусок одеяла.

– А разве ты плохо ко мне относишься?

– Ольгерда!

– Что? Признай, тебе ведь было удобно. Являлась по первому зову. Когда становилась не нужна, исчезала. Ни тебе претензий. Ни тебе скандалов... почти... извини, но себя не переделаешь. Главное, что никаких усилий...

– Чего ты хочешь?

А вот это уже другой разговор. И Ольгерда, подтянув одеяло – не хватало еще насморка получить, хороша она будет, соблазнительница, с текущим носом, – сказала:

– Мне нужен Порфирий.

Себастьян повернулся к ней и, смеривши насмешливым взглядом, поинтересовался:

– Тебе как, указом его во владение? Или просто бантик повязать?

Издевается?

Ведь понял распрекрасно, что ей нужно, но вот...

– Я хочу, чтобы ты его проверил, – Ольгерда не собиралась упускать этот шанс. – Ты ведь можешь? Его состояние...

...а то бывают и такие, которые золотишком сыплют щедро, но все в кредит, за душой и медня ломаного нет. Конечно, Порфирий производил впечатление человека серьезного, но чем Хельм не шутит?

– ...его интересы...

...ибо ничего так не сближает с мужчиной, как общие интересы...

– И главное, нет ли за ним обещаний... личного свойства. Понимаешь?

– Нет.

– Невесты! – рявкнула Ольгерда так, что Себастьян подскочил. – Боги милосердные! Нет ли у него невесты! А то...

...есть и такие, которые соловьями разливаются о будущей прекрасной жизни, а после раз и женятся, что характерно, на какой-нибудь дурнушке с немалым приданым. Нет, Ольгерде не так много осталось, чтобы рисковать попусту.

– Хорошо, – Себастьян согласился как-то подозрительно быстро. – Слово даю.

Что ж, слову его можно было поверить.

– Белялинские... честно говоря, не самые приятные люди. Нет, не подумай, я вообще людей не особо... – Ольгерда откинулась на подушки и глаза прикрыла.

Завтра надо будет заехать в салон мадам Рушьё, чтобы восстановила цвет лица, а то ведь годы не те, чтобы ночные бодрствования сами собой исчезали.

Уже маловато будет ромашкового льда.

И сыворотка молочная не поможет.

...двадцать злотней, не меньше. А если с аппаратом паровым, который в прошлый раз мадам весьма рекомендовала, и того дороже... но внешность – единственный капитал, а капиталы надобно беречь.

– Меня несколько недолюбливают... Белялинские и вовсе года два тому принимать отказались... мол, репутация... можно подумать, сама она – белокрылая лебедушка... и дочки еще их.

– По порядку.

Порядок... всем порядок нужен, а Ольгерда эти порядки ненавидит еще с тех самых пор, когда дражайшая тетушка, что сейчас трясется за своего уроды-сыночка, заставляла ее перебирать старые чулки.

Натягивать на банку.

Штопать.

Сворачивать клубочком...

– По порядку, – Ольгерда облизала пересохшие губы. А ведь тетушка с панной Белялинской знакома... определенно... – Раньше Ганна Белялинска, тогда еще не Белялинска... не спрашивай, фамилию тогдашнюю не вспомню, с теткой соседствовала. Она сама, хоть и из дворян, но бедных. Тетка сказывала, что она вечно голодной ходила. И одежду в лавке старьевщика брала... и ненавидела жутко все это... ее родители разорились и как-то быстро, поэтому...

Ольгерда поднесла ладонь к лицу.

...руками тоже пора заняться. Восковое обертывание? И чтобы медом натерли... с меда руки становятся удивительно мягкими, а для ногтей соляные ванночки хороши.

...еще пяток злотней.

– Не то, чтобы они дружили... от тетки моей сложно добиться правды, только вроде как она Ганну с Белялинским познакомила. Она не любит об этом вспоминать. Я думаю, что сперва-то он за теткой ухаживал, а потом увидел Ганну и все... бывает.

...и пятки... конечно, пяток ее никто не видит, она и не стремится их показывать, даже в постели не снимая чулок, однако же пора. Пятки огрубели еще тогда, когда Ольгерда только училась танцевать. Всем-то кажется, что парить над сценой легче легкого, а что за этим парением стоят сбитые в кровь ноги, мышцы ноющие, кости, которые, кажется, вот-вот треснут, то никому и дела нет.

И голод постоянный.

Страх поправиться.

Нет, она давно уже не танцорка, но страх остался, и пятки костяные, и пальцы некрасивые, будто сросшиеся. Их она даже мадам стеснялась показывать. Но может, сыщется у нее особое средство, которое вернет былые мягкость и нежность?

– Белялинский сперва был мелким купцом, и Ганна долго думала, принимать предложение или нет. Наверное, надеялась кого получше подцепить, но потом у него дела пошли, она и выскочила. Тетка моя обмолвилась как-то, что ей только деньги и нужны, что их она любит.

И Ольгерда отчасти понимала эту любовь.

Деньги...

Злотни, сребни, медни... они не отвернутся от тебя лишь потому, что в волосах появилась седина, а на лице – морщины. Они не скажут, что за прошедший год ты подурнела. И что актерского таланту в тебе с капля, что надобно подвинуться, уступая сцену молодым...

– А вот знаешь, что странно? – Ольгерда потрогала пальцами щеки, убеждаясь, что за прошедшие пару часов они не поплыли.

– Что?

– Они встречались. Тетка и Белялинска... уже потом, когда я была... то есть, когда в доме появилась... дружбы не было, а они встречались. И не тетка ходила к Белялинским, а наоборот.

Ольгерда закрыла глаза, вспоминая
...ей тринадцать.

...поганный возраст. Тонкая. Голенастая. И тетка постоянно кривится, мол, в кого пошла, ведь матушка у Ольгерды красавицей была, а эта...

...ни в мать, ни в отца, точно в заезжего...

...братец не упускает случая, чтобы за задницу ущипнуть. А зеркало, единственное, в которое Ольгерде дозволено глядеться – нечего самолюбие тешить – отражает уродство сплошное. Это уже потом Ольгерда узнает, что зеркала бывают разными.

Ей хотелось плакать.

Тогда еще она умела плакать, скажем, по мамке, которая была доброй, а тетка ее обзывает. И за косу Ольгерду тянет, для порядку и чтобы из нее всякую потаскушью дурь выбить. Не важно. Главное, что сидела она в чулане и тихо-тихо.

Плакала себе.

Обещала, что вырастет и тогда...

...скрипнула дверь. Она у тетки на редкость поганого свойства была. Почти как зеркало. Сколько ни выравнивай, чем ни смазывай петли, а не успокоится. Ноет и ноет, предупреждая о гостях.

...гостье.

Ольгерда высунула-таки нос – все ж к тетке редко кто заглядывал.

Дама.

В платье бархатном.

В пальто-далмане с меховой оторочкой. И не какая-то кошка драная, которую себе тетка вместо воротника справила и тем гордилась, нет, дама гордо несла чернобурку. Пальто с рукавом в три четверти, чтоб видны были высокие перчатки, украшенные теми самыми полосками темного меха. Шляпка высокая.

Перо синее покачивается, изгибается причудливо, почти касаясь фарфорового личика.

Волосы у дамы темные.

А кожа белая.

И вся она такая... дух захватило.

– Девочка, ты кто? – дух захватило, похоже, настолько, что Ольгерда всяческую осторожность утратила.

– Ольгерда...

– Ах, какое имя... – женщина повторила его, и в ее исполнении имя было сладким, что медовая карамелька. – И сама хороша... бесспорно, хороша... как ты здесь оказалась?

– Не дури девке голову, – пробурчала тетка, появившись с кухни. Высокая. В бумазейном платье какого-то непонятого цвету – то ли коричневый, то ли болотно-зеленый, – она являла собой полную противоположность гостье.

Нехороша.

Лицо покраснело... тетка сегодня стирку затеяла, и самолично на плиту взгромоздила таз, а в нем, в подогретой воде, разводила серое мыло и сыпала порошок, а потом кидала простыни с наволочками, по одной, притапливая длинными, что клюв цапли, щипцами. Белье булькало и серая жижа пускала пузыри, от которых вся кухонька наполнилась вонью.

И странно было, что Ольгерде не поручили это дело.

– А ты иди... посмотри, как белье...

– Прислугу наняла?

– Племянница это. Сирота... – тетка махнула рукой и осведомилась. – Чего надобно?

На кухню-то Ольгерда ушла. И в таз заглянула, как было велено. Убедилась, что в этом тазу все идет своим чередом – булькать вареву предстояло несколько часов – Ольгерда на

цыпочках подошла к противоположной стене. Стены в доме были тонкими, а слух у Ольгерды хорошим. Особенно, если через стакан слушать.

– Племянница... – задумчиво протянула дама. – Сколько ей? Выглядит вполне взрослой...

– Тринадцать.

– И возраст подходящий... а главное, прелестная девочка. Есть у меня один знакомый, большой любитель прелестных девочек... не хочешь...

– Нет, – резко ответила тетушка.

– Послушай, он хорошо заплатит... очень хорошо... хватит, чтобы ты убралась из этой дыры. И девчонку не обидит. Будет куколка куколкой...

– А потом куда, как наиграется?

– Куда и все... или думаешь, лучше будет, если она невинности с каким-нибудь проходимцем лишится? И бесплатно...

– Замуж...

– Вот не надо, дорогая, мы обе знаем, что такие, как она, замуж не выходят. А если и выходят, то счастливы не бывают.

– А кто бывает?

– Ты подумай, – дама не стала отвечать на вопрос. – И если надумаешь, черкани записочку... как сегодня...

– Принесла?

– Конечно... вот, сорок пять злотней, как и договаривались. Но ты можешь получить больше, много больше... в твоей больничке найдется изрядно людей, согласных...

...хлопнула входная дверь, заставив отпрянуть от стены.

...она появлялась еще несколько раз. Иногда она приносила деньги. Иногда наоборот... однажды тетка послала меня отнести флакончик одной даме. Я ее знала. Я иногда приходила к тетке на работу, помогать. Она думала, что я тоже стану сестрой милосердия, – Ольгерда вздохнула. В этот предрассветный час сия идея не показалась такой уж нелепой.

А если бы стала?

Серое платье.

Накрахмаленные юбки. Обязательный чепец. И вечно недовольные пациенты.

Судна. Свечи из китового жира... голые задницы, дряблые руки. Кровь на простынях. Рвота и кашель... нет уж, лучше так, как оно сложилось.

– Она страдала какой-то кожной болезнью... неприятная женщина... я ей передала этот флакон и инструкцию, которую тетушка написала... еще мужчина был...

Ольгерда замолчала, наматывая прядку волос на мизинец.

...пациенты.

...сперва-то она мало что понимала, только радовалась, выполняя нехитрые эти поручения, за которые нет-нет, да перепадала медяшка, а порой и сребень. Деньги она прятала.

Копила.

– Я думаю, они вместе работали. Белялинская приносила зелья оттуда, а тетушка находила клиентов, за что и получала свой процент. А потом они рассорились. Я уже в театре была... тетушка театр крайне не одобряла. Мы даже рассорились...

Тетка кричала.

Она никогда так не кричала. И белое лицо ее стало еще белей. Вокруг губ проступила лиловая кайма, а глаза налились кровью.

– Потаскуха!

Этот крик разносился по улочке, на радость соседям, которые были весьма охочи до чужих бед.

И пощечина звонкая, хлесткая, избавила Ольгерду от угрызений совести. А ведь они были, те угрызения... а еще стало очевидно: не будет она слушать, дорогая тетушка. Ни про театр, ни про сыночка своего, который...

– Я ушла из дому, – она закрыла глаза. – Первый год... пробивалась.

И вспоминать о том Ольгерда не любила. В театре хватает актрисок разного пошибу, и всем охота в примы, и все грызутся меж собой и за роли, и за тех, чьи деньги со связями эти роли способны обеспечить. Чтобы выжить, приходилось...

...нет, к Хельму прошлое.

Было и нет.

– Он сам объявился, мой дорогой братец, пришел с предложением. Выгодным. Товар... я помогаю сбывать. Слышал про «Сонные грезы»? Слышал. Кто не слышал... на самом деле еще та гадость, но наши... лучше, чем пить. Кроме того, аппетит отшибает напрочь. Нашим не грезы нужны были, а это вот... особенно девки из кордебалета старались. Только худая корова еще не газель. Почему-то про это они забывали напрочь.

– Торговала? – поинтересовался Себастьян, до того лежавший тихо.

– Осуждаешь? Мне нужны были деньги. А за чужую дурость я ответственности не несу, – она произнесла это сварливо и сама удивилась.

Оправдывается?

Нет... разве что самую малость... они ведь к ней приходили. Ольгерда никого не заставляла покупать белый жир, разложенный по крохотным коробочкам. Он и пах-то жиром. И тянуло попробовать, но...

– Он не только грезы приносил. Крема... бальзамы для волос... от них волосы и вправду становились чудо до чего хороши. И кожа... белая-белая... пока пользуешься. А стоит прекратить, и волосы лезут клочьями. Я предупреждала. Я была по-своему честна...

...кроме того раза со старухой Свиржевской, которая возомнила себя театральной королевой. Прима... да в ее возрасте смешно играть невинную девицу, ни одним гримом этикие морщины не замазать.

...она Ольгерду ненавидела тихую змеиной ненавистью, и выживала понемногу, не сама, нет. Сама она бы не снизошла до какой-то там, а вот стая придворная, готовая на все ради мимолетной благосклонности, старалась. И соль в туфлях – меньшее, что ей устраивали.

А потом старуха подобрела.

Услышала про чудодейственные бальзамы. Снизошла.

Явилась сама в общую гримерку и взмахом руки отослала прочих.

– Милочка, – обратилась к Ольгерде снисходительно, в том видя свое великодушие, – говорят, у тебя можно найти кое-что для лица... не то, чтобы мне было нужно...

В полутьме – общую гримерную освещали скудно, здраво полагая, будто кордебалету особый макияж не надобен – ее лицо гляделось белым и совершенным. Хороший грим на многое способен.

– Смотря что вам нужно, – сказала Ольгерда.

И продала самый сильный из кремов.

И спустя неделю – еще один... и еще... а потом... потом крема закончились. Вдруг... и не столько в них дело, сколько в особых каплях, которые Ольгерда добавляла. Капли эти, поднесенные братцем – иногда и он делал подарки – оказывали благотворнейшее влияние на характер Свиржевской.

А когда их не стало...

...о, старуха никогда-то не отличалась кротостью нрава, но ныне... истерика за истерикой, скандал за скандалом... и разбитая о голову директора театра ваза стала последнею каплей.

Или не она, но роль, которую Свиржевская отказалась исполнять?

Или может, голос, сорванный вдруг...

...и как-то так вышло...

...удачно вышло...

– Тетка рассорилась с Беялинской после того, как кто-то там умер... испугалась? Не знаю, я не вникала, но вышло так, что из-за этой ссоры Беялинска потеряла клиентов. Это ведь не так просто. Сама она не пойдет торговать запретным. Да и... теперь я лучше понимаю ее характер... одно дело принести запретный груз старой подруге и остаться с чистыми руками, и другое – превратить свой салон в этакий рынок. Нет, она слишком трясется над своим лицом...

Глава 8. О тяжелых буднях душегубских

Коты существуют затем, чтобы было на ком выместить избыток доброты.

Жизненное наблюдение почтеннейшей панны Юговой, известной строгим нравом своим и некоторой степенью мужененавистничества.

Панне Беялинской вновь не спалось.

Одиноко.

Холодно.

И пусть прежде супруг донельзя раздражал ее своим сопением и вообще самой своей способностью спать, когда вся жизнь рушится, но ныне в его отсутствие она вдруг почувствовала себя... беззащитной?

Комната огромна.

Сумрачна.

Тени.

Пыль. И запах этот, сладковатый, то ли ветоши, то ли гнилья... с окон сквозит, а каминны вновь не топили... ничего, вот вернется и тогда...

...она накинула на плечи старую шаль, подаренную Феликсом еще в те времена, когда он лишь начал ухаживать за нею. Давно бы выкинуть ее. Поизносилась. Вытерлась. И вид утратила совершенно. Да и было у панны Беялинской множество иных шалей, куда лучше этой, но вот поди ж ты, привыкла.

Не то, чтобы стало теплей.

Спокойней?

Верно.

Она зажгла свечу, слепленную из огарков – прием стоил непозволительно дорого, и ныне приходилось вновь экономить – и вышла из комнаты. Коридор выстыл. И здесь, на втором этаже, становилось очевидно, что хозяйева дома, как и сам дом, переживают далеко не лучшие времена.

Пол скрипит.

Стены голые. И темные прямоугольники на этих стенах – следы картин, которых не стало... уцелел лишь портрет панны Беялинской и то потому как ценности не имел.

Исчезли напольные вазы.

И рыцарский доспех, стоявший некогда в углу. За него выручили едва ль четвертую часть изначальное суммы. Скупщик кривился и все норовил сказать, будто бы доспех этот – новодел, которому едва ль полсотни лет исполнилось, а такое ныне покупать не станут.

Мода вышла-с.

Тишина.

И доски разохшиеся скрипят под ногами. Ковер... ковер отдали, почитай, за бесценок... и тот огромный комод, которого ничуть не жаль, потому как был он уродлив.

Панна Беялинска вздохнула бесшумно.

...одиночество стало почти невыносимым. Она спустилась в гостиную и уже там, забравшись в кресло, ждала утра. А дождалась гостя.

– Не спится? – осведомился дорогой нелюбимый родственник, выпуская клубок желтого дыму.

– И тебе, как вижу?

Он был слегка пьян. А может, не в вине дело? Панна Беялинска вглядывалась в лицо дражайшего кузена, выискивая на нем малые приметы больших страстей.

Слегка обрюзг.

И морщины появились, пока едва заметные, но все же... и вот эта оттопыренная губа... ноздри раздуты... привычка преглупая то и дело касаться их, будто проверяя, на месте ли нос. Ногти желтоваты. И глаза... теперь как-то особенно заметен этот ядовитый оттенок.

Братец усмехнулся.

– Не по нраву?

– Какая разница?

– Ты права, никакой. Знаешь, я удивился, получив от тебя приглашение... – он курил трубку с тонким длинным чубуком, который, казалось, чудом не ломался в неловких его пальцах.

Растрепанный.

С закатанными по локоть рукавами грязной рубахи, кузен был именно таков, каким она его запомнила. И смешно стало – столько лет, а ничего-то не изменилось. Разве что на руках этих проступили темными жилами вены. И на коже появился мелкий узор шрамов.

– Слушай, а тебе эту девчонку совсем не жаль? – поинтересовался он, сделав длинную затяжку.

– Да что вы все заладили... не жаль! Не жаль! – воскликнула панна Белялинска, вскочив с диванчика. – Никого не жаль! И...

– Успокойся, – жестко велел Вилли. – Я ж просто так, для информации.

Он выдыхал дым медленно, выпуская тоненькой струйкой.

Выдохнул.

И глаза закрыл. Лег, запрокинув голову...

– Я знаю, что не жаль... тех девок не жалеешь, и эту тоже...

Она застыла.

Знает?

Откуда? Он в доме, но... но в этом доме не говорят о делах, о которых говорить опасно. Да и товар... подземелья подземельями, однако панна Белялинска после того раза больше не заглядывает в них. Есть иные места...

– Не дергайся, – лениво произнес братец. – И не притворяйся, что не понимаешь, о чем говорю. Мне Мария все рассказала...

– Дура!

– Женщина, – он пожал плечами. – Девушка... наверное... слишком давно девушка... ей бы замуж... вот и тянет, к кому попало.

Панна Белялинска с трудом сдержала гнев.

Вот...

Дура!

Дважды дура... повелась на смазливое личико?

– Опасную игру ты затеяла, – меж тем продолжил Вилли, не открывая глаз. – Одно дело всякую ерунду через границу таскать, по головке, если поймают, не погладят, верно, но... другое дело – такие штуки... тут не каторга, дорогая... тут костром дело пахнет.

– Костры отменили.

– Не для таких дел. Поверь. Для тебя, коль вскрыется, разложат... и местные дровишек принесут.

– Зачем ты это говоришь?

– Затем, что любопытно, – он выронил трубку. – Как далеко ты готова зайти?

– А то не ясно?

Поздно каяться. Она пересекла черту, еще там, в подвале... а может, и раньше, когда дала свое согласие на этакую... мерзость! А все он, ее супруг никчемный, не способный само-

стоятельно разрешить проблему... долги, счета... разве настоящий мужчина станет взваливать на женские плечи этакое?

– Губы сейчас сгрызешь, – заметил кузен лениво. – Не трясись. Я тебя сдавать не стану.

– Чего ты хочешь?!

Он не спроста завел эту беседу.

– Денег.

– У меня нет денег!

– Будут, – он не повышал голоса. – Ты сказала, я получу треть... мне мало.

– Сколько?

– Две трети.

– Ты зарываешься, – панна Белялинска уняла дрожь в руках. – Половина.

– Разве? А за мою невестушку ты, дорогая, сколько возьмешь? Полагаю, изрядно... а еще и состояние... я не дурак, Ганна... может, и есть у меня недостатки, – он вяло щелкнул пальцами, – но я не дурак... две трети... и я исчезну... и не стану задавать вопросов о том, куда подевалась моя нареченная.

– Половина...

– А ведь, если подумать, я могу... да... скажем, дождаться свадьбы... и отдать эту дурочку благообразную тебе. Даже не отдать, просто подождать... уехать куда... по делам, да... – он улыбался счастливою улыбкой, частью сознания пребывая уже в стране грез, – а потом... потом заявить в полицию... пусть расследуют... а если еще подсказать, где... я останусь вдовцом... ты пойдешь на костер... и не одна, да... а я...

– Отправишься следом. Думаешь, хороший ведьмак не вытащит из тебя правду?

– Не вытащит, – он тихо рассмеялся. – Ни один ведьмак не справится с этим...

Вилли ткнул пальцем в висок.

– Я слишком долго курю, чтобы из меня можно было вытащить что-то внятное... нет, дорогая... и если думаешь, что сможешь оговорить меня, то... кто поверит хладнокровной убийце? Твое письмо? Оно потерялось, сгорело... а на словах... ты пригласила меня взглянуть на милую девушку... ты знала о моем желании жениться... и сочла бедную Гражину подходящей кандидатурой.

Сволочь.

– Мне девушка тоже понравилась... и приданое... в любви к деньгам нет ничего плохого, если эта любовь не переходит рамки закона.

Определенно, сволочь. Думает, он чистенький? А сколько вот таких девочек, куда моложе Гражины, к которой панна Белялинска испытывала лишь раздражение – и угораздило ту родиться богатой – он развратил?

Приучил к этому вот куреву.

И уже после, наигравшись, остывши, перепродал в публичный дом? И он будет говорить о том, что хорошо, что плохо?

– Когда ты злишься, стареешь, – произнес Вилли. – Я сказал слово. А ты думай...

– Половина...

– Половина... – эхом отозвался этот гад. – Но тогда от всего...

...самой Гражине тоже не спалось.

Мучило странное предчувствие грядущей беды. Она уж и за молоком послала, которое с медом донниковым всегда-то действовало, а ныне выпила, давась сладостью, а сна ни в одном глазу. И овечек считала... и даже повторяла про себя таблицу умножения – зануднейшее занятие, а вот...

...матушка-то, небось, спала.

Панна Гуржакова никогда не испытывала проблем со сном, скорее уж и ныне, будучи в годах зрелых, если не сказать больше, она спешила возместить недостаток его, испытанный в далекой молодости. И ко сну отходила рано.

С ритуалом.

Облачалась в белую рубаху из прохладного льну.

Умывала лицо ключевой водой. А после лопаточкой наносила смесь из бобровой струи, барсучьего жира и двух дюжин трав, самолично купленных в лавке. Смесь сия изрядно воняла, но по твердым убеждениям панны Гуржаковой весьма и весьма способствовала сохранению молодости.

После было молоко и тот же мед, всенепременно донниковый, ранний, с собственной пасеки.

Зубной порошок из аптеки на Бронной улочке.

Вечерняя молитва, в которой заставляли принимать участие и Гражину – добре, хоть кремом не мазали – а после уж и постель. Пяток перин, делавших эту постель высокой, что Хинская стена, одеяло в накрахмаленном до хруста пододеяльнике. И сонное повеление идти...

...обычно, отправивши матушку почивать, Гражина с немалым удовольствием предавалась запретному – чтению и булочкам. Нет, по отдельности-то матушка не имела чего возразить, но вот читать за едой иль есть за чтением – это никак невозможно.

Мол, память Гражина съест.

А у нее с памятью и без того не ладно... глупость какая... но разве ей возразишь? Вот и приходилось. Зато вечером Гражина устраивалась в малой гостиной, аккуратно под лампою, и столик ломберный рядышком был, куда не только булки поставить можно, нет...

...орехи в меду.

...цукаты.

...шоколадные конфеты из кондитерской.

...и многое иное, что, конечно, премило, но...

Гражина была далека от мысли, что матушка ее вовсе не ведает об этом тайном пороке. Скорее уж матушка премудро не запрещала того, чего не видела.

Сегодняшним вечером шоколад показался пресным. Орехи – прогоркшими, а булки, испеченные ныне утром – Гражина сама опару проверяла – зачерствели.

Неспокойно.

Перина комковата. Одеяло жарковато. Да и саму ее с неудержимой силой к окну тянет. И Гражина решилась. Распахнула. Вдохнула с наслаждением холодный воздух. Только подумала, что надо было бы туфли домашние надеть, а то ведь просквозит, но...

Луна.

И небо.

Звезды. Музыка, которая вдруг зазвучала в голове. И была она столь прекрасна, что Гражина встала на цыпочки. Потянулась. Покачнулась, почти падая и... никогда-то прежде не было ей так легко. И танцевала она, говоря по правде, с большою неохотой, осознавая в полной мере свою неуклюжесть. А тут... она закрыла глаза и закружилась по комнате, ведомая этой чудесной музыкой.

Она танцевала и не считала шаги.

Не думала о спине.

Голове.

Осанке.

Она была такой, какой... какой должна была быть. И эта удивительная мысль заставила Гражину рассмеяться.

Именно!

Она остановилась, но лишь затем, чтобы содрать такую неудобную рубаху. И вовсе одежда показалась не просто лишней, она была оковами, что мешали раскрыться сути...

...музыка вдруг прекратилась.

И Гражина зашипела от злости. Рано!

Она топнула ногой и...

– Не спеши, прекраснейшая, – раздался тихий голос. – И не кричи. Не стоит. Я от нашего общего друга...

Сперва ей показалось, что голос этот, как и музыка, примерещились. Нет никого в комнате. И быть не может... забор, сад и пара собак презлющих, которых в этот сад выпускали, потому как маменька очень уж ворья боялась. Да и комната ее на втором этаже, попробуй-ка заберись по гладкой стене. Тут тебе ни плюща, ни винограду, ни простынь, которые приличная узница сама скинула бы спасителю...

– Я здесь, – тьма, собравшаяся в углу комнаты, аккуратно под картинами рукодельными, вышитыми Гражиной в минуты меланхолии, расступилась, выпуская человека в маске.

Маска была знакома.

Человек – нет.

– А... где... – Гражина сглотнула, не зная, как спросить.

– Он больше не придет.

Тень поняла распрекрасно.

Не придет? И гнев вновь вспыхнул да так, что Гражине показалось на секунду, будто ее саму охватило пламя. И пламя это сейчас испепелит...

– Спокойно, – ночной гость оказался вдруг рядом и ледяные пальцы его впились в плечи Гражины Остудили. И вытянули ярость. – А ты к нему и вправду успела привязаться, глупая девочка...

– Я не...

– Ты девочка. И глупая.

А она вдруг вспомнила, что стоит перед этим человеком совершенно нагая...

– В наготе нет дурного, – он что, мысли ее читает? И все же Гражина приняла поданное им одеяло, торопливо закутилась и только затем повернулась к гостю.

– Кто ты?

– Друг.

Она не столь наивна...

– Нет никакого тайного общества... – он сел в кресло, в то, в котором любила сживать сама Гражина, с книгой ли, с рукоделием. Руки гость сцепил на груди. Качнулся. Запрокинул голову, выставивши на обозрение худющую белесую шею. – Хельм не нуждается в этаких... глупых играх.

– Нет?

...но как же... те случайные встречи... знаки... и подслушанный разговор... теперь Гражине самой стало смешно: неужто такие от разговоры стали бы вести открыто?

– Вижу, ты поняла... мне было интересно, чего ты стоишь.

– Кто вы?

Сложно вести себя правильно, будучи облаченной лишь в пуховое одеяло. Матушка бы не одобрила... какое счастье, что сон ее по обыкновению крепок.

– Я же сказал. Друг. А вот ты не задумывалась над тем, кто ты?

– Кто я?

– Колдовка.

Что? Она, Гражина... нет, быть того не может... про колдовок писали в газетах... и еще в романах, правда, там они были злодейками, коварными, прекрасными и обольстительными, а Гражина... какое в ней коварство? Не говоря уже о красоте.

– Ты себя недооцениваешь, девочка.

– Но как... и откуда...

...ее отец был простым человеком. И мать... и... и ведь колдовками не становятся по желанию, да и желания, говоря по правде, у Гражины не имелось.

– Твоя любезная матушка, надо полагать, не рассказывала тебе о своей семье?

– Н-нет... она... она сирота...

– Она так решила. На самом деле у нее две тетушки... и обе с даром. А вот твою матушку боги обделили. Она весьма переживала по этому поводу... поверь, ее никто не обижал, но она предпочла уйти из дому. Забыть о родстве... это нехорошо, но мы приняли ее выбор.

– Вы?

– Семья. Твоя, девочка, семья.

Ее семья – это матушка. И старая нянька, которая теперь редко поднимается на второй этаж, предпочитая теплую сытную кухню.

А он, ночной гость...

– Не спеши отказываться, – он раскачивался в ее кресле. – Видишь ли, дорогая, твоя бабушка... твои бабушки... в нашей семье обычно рождаются девочки, я так, исключение... мы все обеспокоены.

– Чем?

– Тем, что твоя сила останется без должной... опеки, – он щелкнул пальцами. – И без контроля. Были знаки, что в роду появилась колдовка необычайной силы.

Она?

Ошибка...

– Страшно? – поинтересовался родственник.

– Маскуними.

Он и снял.

Обыкновенный. Лицо такое вот... серое, будто припыленное. Черты прямые. Нельзя сказать, что вовсе нехорош собой, но и не красавец. А главное, ее тоже разглядывает, интересу своего не скрывая.

– Я не хочу, – жалобно произнесла Гражина.

Колдовка – это... это чересчур.

– Во-первых, твоего желания, как и моего, никто не спрашивал. Дар или есть, или... его можно получить, но цена... – он вновь щелкнул пальцами. – А во-вторых, не так давно тебя отнюдь не отталкивала мысль о служении Хельму. Так что изменилось?

– Я... я не знаю... – и вновь вышло донельзя жалко.

Гражина села.

Приобняла одеяло растреклятое, которое так и норвило сползти. А родственник или нет, но нечего пялиться на нее...

– Это было... было... – она пыталась подобрать правильное слово, – не всерьез было... я думала, что по-настоящему, только...

– Только чувствовала, что не всерьез, – кивнул гость.

– Звать тебя как?

– Геральд. И я ведьмак.

– А я Гражина... хотя... ты же знаешь... и что я Гражина... и что колдовка...

– Пока нет, но сила пробуждается, а это опасно. И не только для тебя...

Сила? Гражина не чувствовала в себе никакой такой силы... конечно, она вела себя немного странно, но это еще ничего не значит и...

– Ты кинула в меня проклятьем, – он протянул руку и раскрыл ладонь, на которой появилось нечто, больше всего напоминающее спутанный волосяной ком. Вот только волосы эти

шевелились, изгибались, норовили охватить ладонь Геральда. – Сильным проклятием. Смертельным.

– Я не...

– Ты не хотела. Ты просто испугалась, – он дунул, и волосы застыли, чтобы в следующее мгновение осыпаться горсткой пепла. – И ты будешь пугаться. Злиться. Радоваться... испытывать эмоции, а у вас сила во многом зависит от эмоций. Ты же не хочешь, разозлившись однажды, убить свою мать? Или еще кого-то? А потом пойти под суд, потому что найти неопытную колдовку легко, поверь человеку, который всю жизнь этим занимается.

Убить?

Она и убить?

Да она мух-то не бьет, жалеючи... и мыша, который в кувшин попался, самолично в сад вынесла, до того противна ей была сама мысль об мышиной смерти. Маменька только посмеивалась, мол, до чего нежною, чувствительною дочка выросла.

– Я говорю о непредумышленном убийстве. Пока ты не научишься контролировать свою силу, ты будешь опасна для всех.

– И... и что мне делать? Сбежать с тобой? – Гражина почувствовала, что вновь начинает злиться. Злость появлялась в животе, таким горячим клубком, который норовил распутаться и наполнить все ее тело.

– Дыши глубже, – посоветовал Геральд. – Помогает. И бежать... куда? А главное, зачем?

Откуда ей знать?!

– Забудь все, что тебе говорили, – Геральд поднялся, движения его были текучими, плавными. – Закрой глаза.

Он оказался вдруг рядом и, присев на кровать, обнял. Руки холодные.

И сам он, что кусок льда, в который уходит ее ярость.

– Поплачь, если хочешь, я понимаю, тебе тяжело... у меня-то никогда другой жизни не было, – он говорил тихо и гладил Гражину по плечу, а она и вправду разрыдалась. – Меня с малых лет учили это контролировать. А твоя матушка повела себя безответственно.

– П-почему?

– Обиделась на нас. А может, решила, что если у тебя раньше сила не пробудилась, то уже и все... ты помнишь, тебе было восемь, когда мы встречались?

– Нет.

– Совсем?

Гражина помотала головой. Ведьмака она бы точно запомнила, а...

– Мне тогда было тринадцать. И я сопровождал твою бабушку... бабушка у нас в семье самая главная. Ее все слушаются. Кроме твоей матери.

– Это да, – Гражина всхлипнула, понимая, что почти успокоилась. – Маменька никого не слушает...

– Есть такое... на тебе было белое платье с бантами. С синими. И волосы тебе завили такими вот кудельками...

Он покрутил пальцем.

– И вокруг тебя еще осы крутились...

...и Гражина вспомнила. Нет, не его, потому что мальчишка в черном строгом костюме, слишком плотном для жаркого летнего дня, не имел ничего общего с этим вот человеком. Тот мальчишка держался рядом с женщиной, которая злила матушку.

...платье цвета весенней зелени. И еще кружево. Шляпка крохотная, украшенная речным жемчугом и лентами. И Гражине предложили шляпку примерить, а матушка не велела трогать. И конфеты забрала, мол, Гражина и так слишком много сладкого ест.

– Ты хотела посмотреть? Смотри, – матушка сердилась. – Она самый обычный ребенок... я бы заметила, если бы что-то было не так...

...цвела липа.

...и в пышных кудрях ее гудели пчелы. То есть, сперва они гудели в липе, а потом одна стала кружить над Гражиной. И вторая, и третья... и пчел стало множество, а Гражина их боялась жутко.

Она вдруг вспомнила, как сидела, боясь шелохнуться. И дышала-то через раз, и...

– Пожалуй, – женщина щелкнула пальцами, и пчелы исчезли. А парень в черном костюме отвернулся. – Да, пожалуй, ты права...

– Видишь, вспомнила, – Геральд улыбнулся. – Тебя проверяли... обычно к этому времени сила, если и есть, раскрывается. А страх или гнев – лучший способ заставить колдовку к этой силе обратиться.

– Значит, сила нужна была...

– Не только, – он подтянул сползшее одеяло. – Мы бы виделись чаще, но твоя матушка была категорически против. Она не желала иметь с семьей ничего общего. Увы, мы привыкли уважать желания друг друга и потому оставили ее в покое...

...матушка.

...а та женщина, выходит, бабушка... и еще другие есть, он сказал.

– Почему тогда ты вернулся, – Гражина смахнула слезы рукой.

– Я же говорил. Были знаки. И карты ложились. И на крови... не пугайся, мы если и гадаем, то на собственной крови, – он улыбнулся и стал почти красив.

...на папу чем-то похож. Тот тоже был спокойным, в противовес матушке с буйным ея норовом.

– Меня отправили проверить...

– Силу?

– Не только, – он вздохнул и отодвинулся. – Сила – это еще не все, далеко не все... это сложно объяснить, но... мне нужно было понять, на что ты способна. И говорю сейчас не о колдовстве... ты легко согласилась служить Хельму...

– Это плохо?

– Забудь про плохо и хорошо, – Геральд коснулся лба Гражины. – Есть Закон. И я говорю не о человеческом. Нельзя менять богов по желанию своему, ибо однажды переступив черту, ты не вернешься назад. Ты вступила в игру сразу, даже не пытаясь задуматься над тем, что делаешь. И душу бы продала, думаю, с легкостью. Чего ради?

– Любви?

– Любовь не оправдание глупости, – теперь Гражина получила щелчок. – Тем более надуманная... ты давала ему деньги. Сначала свои. А потом те, которые брала у матушки. Верно? И молчала, когда матушка обвинила в воровстве постороннего человека?

Было стыдно.

Настолько стыдно, что... а ведь тогда казалось правильным... общему делу нужны средства, а у Гражины их много... и матушка не одобрила бы? Гражина просто не желала ссоры, а брала тихо... горничную обвинили? Если бы матушка полицию позвала, Гражина рассказала бы правду...

...почти правду.

...но девку просто выставили из дому... и она никогда Гражине не нравилась. Слишком наглая для горничной, а еще ленивая и развратная...

– Ищешь себе оправдания? – Геральд не улыбался.

Какое вообще право имеет он, посторонний по сути своей человек, осуждать Гражину?

– Но ты не подлила своей матери те капли...

– А если бы...

– Она бы слегла с почесухой, что послужило бы неплохим наказанием за глупость, а ты... к сожалению, нам пришлось бы с тобой расстаться...

– Что?

– Расстаться, – повторил Геральд. – Совсем.

Это... это выходит, что он... он ждет, позволяя Гражине самой додуматься. И она вдруг поняла. И от понимания этого стало дурно до того, что Гражина схватилась руками за горло.

– Ты... ты... ты бы меня...

– Прости, но сила – это сила и только. Она не добавляет ни ума, ни порядочности. А рисковать, оставляя в живых человека, наделенного такими способностями, но либо не особо умного, либо не слишком разборчивого, мы не можем.

Прозвучало жестко, но... справедливо?

Когда это Гражину волновала справедливость? Особенно такая, которая способна была навредить ей самой. И все-таки...

– Что случилось с тем человеком, который...

– Он уехал.

Лжет. Гражина осознала это ясно, хотя и не поняла, откуда взялось это знание.

– У него была работа, он ее выполнил. Или ты действительно влюбилась в этого проходимца? – прозвучало презрительно, однако само это презрение казалось фальшивым, что позолота на сахарных петушках.

– Нет, – Гражина заставила себя сесть.

– Вот и чудесно. Завтра я загляну в гости... на правах родича. Надеюсь, твоя матушка проявит должное благоразумие?

Гражина в том сомневалась.

– А если нет?

– Если нет... у меня найдутся средства ее уговорить...

...и вновь же, темное послышалось... недоброе...

– Не бери в голову, – поспешно добавил Геральд, – я не собираюсь вредить ей, все-таки она – член семьи, а семья – это самое ценное, что есть...

...лжет.

...пускай. Явится завтра. Матушка... матушке придется о многом рассказать. И вряд ли она будет довольна, но как бы там ни было, Гражина не позволит ее обидеть.

– ...я буду тебя учить. Познакомимся получше... а потом, если ты не против, поженимся. Дар такой силы не должен пропасть.

...о да, в нем все дело, в даре...

...пускай.

...если все хотя бы отчасти так, как он говорит, Гражине нужно учиться. А когда она выучится... тогда и будет видно, за кого ей замуж идти или не идти. Хотя... мысль была чужой, но Гражине пришлось по вкусу.

Глава 9. Кладбищенская

*Познакомившись с невесткою, панна Нумулева свято уверилась,
что всякое зло происходит от женщин...
Простая житейская история.*

Катарина стояла над телом, понимая, что если сядет, то препозорнейшим образом уснет. И усталость была такова, что она даже угрызений совести не испытывала.

Просто стояла.

Покачивалась. И надеялась, что вид ее говорит сугубо о глубине размышлений. Меж тем в голове царила неприятная пустота.

Пал снег.

Мелкий такой. Он ложился и на тело, и на плиты, которые становились одинаковы, безлики, и в том чудился какой-то недоступный человеческому разуму смысл.

Серое утро.

Войлочное небо. Старая липа, чей ствол вызывающе черен, а ветви распластались по-над кладбищем. Плиты. И мавзолей, оставшийся с незапамятных времен. Тело, распятое на дереве вниз головой. Руки и ноги широко разведены, и потому поза при всей невозможности ее кажется вызывающе непристойной. Вывернута голова. Рот раскрыт в немом крике.

Вспорот живот...

– Скажи, что ее не собственными кишками привязали? – тихо спросил кто-то рядом. Стоило бы оглянуться, посмотреть, кто, но... сил не было. И Катарина моргнула.

Да что с ней такое?

...демон.

...и разговор.

...и бессонница, которая не бессонница даже, скорее страх закрыть глаза и...

...и она все-таки уснула, наверное, потому что очнулась от грохота в дверь. Та ходуном ходила. И когда Катарина открыла, то увидела Хелега.

– Собирайся. Тело нашли, – сказал он и развернулся. А Катарина, наверное, ошалев от усталости, спросила.

– Ты убиваешь?

– Нет.

И ей так захотелось поверить. Она даже поверила. Ненадолго. Пока спускалась к машине, которую занесло снегом, но не так, чтобы вовсе не выехать. И уже очищая этот самый снег, Катарина подумала: верить нельзя.

Хелег слишком хорошо ее знает.

Потом была дорога, на которой пришлось сосредоточиться. И еще один вопрос:

– Телеграфировали?

– Да. Едет. Будет через час...

...час.

...и кладбище... и надо бы толковую версию создать, да только не думалось совершенно. Не о деле. Не о мертвой девушке, которая сейчас и на человека-то походила слабо... не о том, о чем стоило бы подумать. Катарина закрыла глаза и, кажется, задремала стоя, если пропустила появление князя.

– Недоброго вам дня, – сказал он, протянув металлическую кружку. – Кажется, вам, как и мне, стоит взбодриться. Спать рядом с посторонними трупами – не самая лучшая идея.

Кружку Катарина приняла машинально.

И сделав глоток, выругалась. Мог бы и предупредить.

– Осторожно, горячо, – любезно предупредил князь.

Он тоже выглядел каким-то потрепанным. А вот кофе был крепок, черен до густоты и горек. От горечи этой скулы сводило, но сон отступил.

И ясность сознания вернулась.

Катарина заставила себя допить черную жижу до дна и, протянув кружку, сказала:

– Спасибо.

– Сочтемся, – князь отряхнулся и, окинув место действия пытливым взглядом, заметил. – А он у нас склонен к излишней театральности, я бы даже сказал – к драматизму. Это ведь не случайно?

Ну да... вряд ли можно случайно привязать человека его же кишками к дереву.

– Я не о том, – князь потянулся и смачно зевнул. – Все это... кладбище... рассвет... кто нашел тело?

– Сторож.

– Вот... и сообщил в полицию... и вы приехали немедленно, увидели все... сторож давно здесь работает?

Катарина пожалала плечами: она понятия не имела, давно ли.

– Давно, – сам себе ответил князь. – И полагаю, человек из бывших военных.

– Почему...

– Порядок... чтобы все пошло именно так, как задумано, он должен был быть уверен в нерушимости здешнего порядка. Обход в одно и то же время... и увидав вот этакое, не каждый человек сразу в полицию побежит. Одни убегут в страхе. Другие обмороком порадуют. Третьих и вовсе стошнит, как и четвертых. А чужая блевотина, согласитесь, вовсе не то, что хочется видеть рядом с произведением искусства.

В словах князя была логика.

Извращенная, странная, но меж тем логика.

А главное, он оказался прав.

Кладбищенский сторож, крепкий, пусть и в годах, мужчина, был хмур и мрачен. Он кутался в старый плащ и курил на редкость вонючие самокрутки. Ядреным запахом его табака пропахла крошечная сторожка. Здесь было чисто и по-своему уютно.

Отскобленный до белизны пол.

Стол, укрытый газетами. Топчан и печурка. В глаза бросались белоснежные занавески с вышитыми петушками, а еще огромные рыбацкие сапоги.

– Баба, – изрек сторож, сплюнувши на пол, после спохватился, посмурнел. – И хвостатый... я таких, как ты, паря, на столбах вешал!

– Это навряд ли, – весело отозвался князь. – Таких как я слишком мало, чтобы расходовать нас столь бездарно...

– Ишь, языкастый... и наглый... дружите, стало быть?

– Как кошка с собакой, – князь устроился на низеньком стульчике, и сидеть на нем было по всему неудобно. Острые колени князя торчали едва ль не выше плеч, сам он изогнулся, ухитрившись втиснуться меж топчаном и столиком.

– А оно по-другому и не буде... – сторож вытащил папироску, обмял ее и, кинувши взгляд на Катарину, поинтересовался. – Не сомлеет?

– Не должна, – ответил почему-то князь. – Она крепкая.

– А все одно баба. Баба и на службе...

– Куда мир катится...

– Оно и верно, – эти двое, похоже, непостижимым образом сумели найти общий язык, и Катарине оставалось лишь не вмешиваться.

– Значит, ничего не слышал? – князь дым вдохнул и, прищурившись, заметил. – А табачок хороший. «Черная карта»?

– А то... разбираешься?

– Не без этого...

– Будешь? – сторож подобрел и протянул портсигар, как успела Катарина заметить, именно.

– Воздержусь.

– Оно и верно... табачок – для здоровья вреден... так моя баит... все канючит, мол, кидай, кидай... а как кинуть, когда я уж тридцать годочков смалю... и смалить буду... даст Хельм, до самое...

Он вздохнул и, затянувшись, продолжил.

– А слышать... я на ухо туговат... одно вовсе никак, а другое вот закладывает на мороз. Ваши чем-то на Подовецкой когда бахнули, то меня и накрыло. Балкою по башке... спал... мы тогда крепко накатили, я и отрубился, а очнулся – мать мою за ногу... орут, матюкаются... воют... огонь, дым повсюду... ну я только поднялся на ноги, а оно как хряснет по башке, я и ушел. Уже в госпитале очухался, а там и под списание...

– Тогда сторожем и устроились?

– А то... сперва-то помыкался, то туда, то сюда. Никуда брать не хотят. В документах значится, что я башкою ударенный, кому оно надо? А туточки... туточки с радостью...

– Кладбище старое? Непокойное? Желаящих не было? – уточнил князь, рукою разгоняя дым. И сторож кивнул.

– Твоя правда. Старое. И шалили тут... мне-то чего? Я на Проклятых землях всякого повидавши был. Мне оные шалости – раз плюнуть... и пить не пью... и платят славно... и довольный был.

Он вздохнул и, упрятавши сигаретку в огромную руку, произнес.

– Тепериче поменяется... от же ж... как чуял... беспокойно оно было... и ухо опять закладывает стало... оно-то обычно на рассвете, аккурат в половине пятого... в ушах гудеть начинает, будто там рой пчелиный, – он ткнул пальцем в левое ухо, – особенно в этом... потом накапывает и все...

– Поэтому вы и обходите кладбище?

– А то... шарить, хоть и нелюдь... чего спать? От встану, оно, когда на ногах, то и полегче будет... и обхожу. Туточки тихо, мирно. Воздухом подышу, погуляю часок-другой и возвращаюсь, там уж и прилечь можно будет до девятой години.

Огромный мужик.

Характерный, как сказал бы дядя Петер.

Бугристая голова. Стрижен коротко, оттого и видны эти бугры распрекрасно. И шрамы. И черное родимое пятно на левом виске, такое красивое, ровное, будто и не пятно, но монета прилипшая. Левое ухо смято. От правого и вовсе половина осталась. Под ним начинается пухлый старый рубец, который, обвивая шею таким ожерельем, спускается на грудь, под рубаху.

Руки тяжелые.

Пальцы короткие, с квадратными ногтями.

Одежда простая, но чистая.

– А тут... – он дернулся и тронул пятно. – Тут с вечера начало нудеть... и так мелко, мерзенько. Я уж и накати. Так-то я не пью. Совсем не пью после того-то разу, даже сладенького не принимаю, а вот что-то прямо...

– Водку где взял? – князь поерзал, верно, сидеть на табурете ему было не слишком-то удобно.

– Водку? – сторож нахмурился, и от того кожа его растянулась неравномерно. Шрам держал ее, выдубленную ветрами Проклятых земель, и само лицо исказилось уродливою гримасой. – Водку... а от...

Он задумался.

И поскреб затылок.

И нахмурился еще больше. Что так взволновало его в простом этом вопросе?

– Так... тут взял. На столе... я с обходу вернулся... ограду правил. Там от обвалилась... с чего обвалилась? Крепкая была. Я свое хозяйство, верите, блюду...

– Верим.

– А тут обвалилась. Может, конечно, снег или дерево гнилое... я досок хороших взял. Пошел. И с утра возился... а потом оно гудеть стало. И так мерзенько... и никак не успокаивается... и тут шкалик... у дверей... в ведре вот стоял.

– Просто стоял?

Сторож сторбился, будто пытаюсь казаться меньше, чем он есть.

– Так... родственники... порой просят за могилкой приглядеть. Убрать там или еще чего... я и так гляжу, дело нехитрое, а они...

– Приносят подарки?

– Да... только... – он зажевал губу, а сигаретка-то позабытая погасла. – Та... сперва-то, как работать стал, то водку носили, а я ж не пью. От совсем не пью. Мне еще тогда сказали, что невозможно, что с моею головой, если даже по малости, то могу вовсе оглохнуть. Или ослепнуть. Или еще чего... помереть-то не помру, да только кому я калечный нужен буду?

Философский вопрос.

Катарина вздохнула. Кажется, ее присутствие здесь было лишним, но что-то мешало уйти. Вот и жалась она в угол, разглядывала, что топчан, что вышитые занавески...

– Я-то говорил... носить не перестали, только уже иное. Кто вот пирожков там. Или яиц еще. Яишенку я люблю, – у сторожа от этакоего признания шея покраснела. – Или вот сапоги одного разу... у меня-то нога такая, не всяк сапог подойдет, а тут покойник выдался знатным, от жена его и принесла... хорошие, яловые.

Он похвастался этаким удачей, не видя в том дурного.

– Значит, ты выпил? – князь вернулся к исходной беседе. – Много?

– Рюмашку... так ведь не хотел... а потом глядь, и рюмашка стоит... и в голове оно гуде, гуде... прям всю душу выматывает. Я и опрокинул. Вторую хотел, да...

– Передумали?

– Ага...

– И дальше?

– А чего дальше? Дальше я от прилег... такая слабость вдруг накатила, что прям ноги отымались. Я и спужался, да... вдруг и вправду? И лег, думаю, все, вот она, моя кончина, глаза прикрыл... а как открыл, то уже и утречко... вновь в голове гудение этое, только уже обыкновенное, как завсегда.

Он поглядел на сигаретку.

Горестно головой покачал. И продолжил.

– Я-то и вышел... прошелся по главной дорожке, как завсегда, а там уж на северную свернул, к липе, стало быть...

– Всегда так ходишь?

– Ага... привык. Ну а у липы и увидал ее... издалика увидал.

– Подходил?

– А то. Вдруг да живая?

– Не испугался?

Сторож усмехнулся и до того кривою вышла эта усмешка, что Катарина вздрогнула. Этому сторожу в театре злодеев бы играть...

...а вдруг это он?

...почему нет? Случайный человек... легко нашел, и дурно не стало, как князь заметил, хотя половина полицейских желудки опорожнили, нынешнее представление увидавши...

...собрать доказательства... скоренько так... ее поддержат.

...и признание добудут.

...в Особом отделе умеют получать чистосердечные признания. И главное, что, случись новое убийство, можно будет легко найти еще одного подозреваемого.

Катарина потеряла виски. Это не ее мысли, демона.

...легко все списать на демона, а разве ей самой не хотелось бы закрыть дело поскорее? От нее ведь именно этого и ждут. А будет тянуть... разве недостаточно неприятностей?

– Да... – сторож потер глаза. – Я всякого повидал... пятнадцать лет на границе... девку от жаль. За что ее-то? Хорошо, что не тут померла, а то б повадилась бы ходить.

– А с чего вы взяли, что не здесь? – Катарина устала притворяться невидимой.

– Так... крови-то не было, снег белый, на снегу кровь хорошо видна. Когда б живую пластали, небось, знатная б лужа накапала. А раз немашечки, то не тут... и без того от этакой погани мои бузить станут. Внове порядковать придется.

...было еще что-то.

...возможно, пустое, вовсе неважное, но Катарина должна была спросить.

– Скажите, а давно у вас... отношения?

– Чего?

...бровей у него нет. Вот что смущало. И ресниц тоже. И лицо глядится голым, хотя на подбородке и проклевывается сизая щетина.

– Вы ведь с кем-то... встречаетесь. С кем?

– А тебе на кой? – он подобрался, набычился, в вопросе ее простом увидев опасность то ли для себя, то ли для своей безымянной пока подруги.

– Надо.

Насупился.

Запыхтел.

Вздых испустил тяжкий, но имя назвал-таки. И после отвернулся, показывая видом своим, что неудобная эта беседа с девкою, которая никак не могла быть следователем – ибо это аккурат свидетельствовало бы, что мир переменялся слишком уж сильно – закончена.

...она выглядела усталой.

Себастьян и сам-то был лишен обычной своей бодрости, сказалась бессонная ночь, да и вообще...

...срочную телеграмму выбили в половине шестого. А в шесть – еще одну. Зачем? Или...

...телеграфиста допросят, но Себастьян сомневался, что тот скажет что-то внятное. Кто бы ни играл, но ему нравилось водить полицию за нос.

А нос мерз.

Все же в Хольме было как-то попрохладней...

...шубу прикупить, что ли? Чтоб такую, старомодную, до пят. Из лисы? Волка? Бобровую тяжеленную, которая сама по себе доспех? А может, сразу медвежью? И чтоб подклад атласный, а пуговицы огромные, каждая с детский кулачок, золоченые. Или с камнями?

Что за бред в голову-то лезет?

Он потер переносицу, мысленно приказав себе сосредоточиться на деле.

Снегом бы лицо протереть...

...в шесть...

...подняли нарочным, разбудивши, верно, половину улицы...

...сборы.

...дорога, которую замело, но жеребец прошел. Он тоже был зол, а то и понять можно, вытащили из теплого денника, седлом наградили да недовольным всадником. Хорошо, что заботливый Лев Севастьяныч с жеребцом и конюхом передал зачарованную фляжку кофию.

Пригодился.

И ей вот по вкусу пришлось. Или уже дошла до той степени усталости, когда вкус-то не особо ощущается? Стоит, к стеночке прислонившись, думает... или засыпает? Забавная... Еще бы прическу другую, а то ишь, обкорнала волосы... и шапку... этакая грива не особо греет, а к чему Себастьяну коллега с ушами отмороженными?

...или ей шубу? Но уже из легкомысленной норки, до которой так девицы охочи? Или темных соболей? Ей соболя к лицу будут.

– Зачем, – он заставил себя отбросить неподобающие мысли, раньше как-то шубы не увлекали, а поди ж ты.

Катарина вскинулась.

Выходит, и вправду засыпала.

– Что?

– Зачем вам имя его любовницы?

– Это... может, глупость... – прежде чем ответить, она покинула сторожку и, зачерпнув горсть легкого снега, отерла лицо. – Скорее всего глупость, но... он жил один долгое время. Здесь. Заметили? И понятно. С его внешностью, справкой этой и работой не так-то просто найти пару...

Глаза блестят.

А под глазами тени залегли. Тоже бессонная ночь выдалась? Расспросить бы, но... после, в месте тихом, где не будет любопытствующих. Тут же вроде и кладбище, а народу, что на площади в праздничный день. И все-то вроде бы по делу, но суетятся и больше не на жертву глядят, а на Себастьяна.

Точно, шубу.

В шубе, чай, посторонние взгляды не страшны.

– Он и привык... один стакан на полке. Один подстаканник. Тарелка одна. Миска. Кастрюлька крохотная... у нас такие покупают, чтобы детям варить, а этот для себя. Сковородка маленькая. Все чистое, целое... функциональное, если понимаете. И тут эти занавесочки.

Занавесочки Себастьян тоже отметил.

– Подарок родственницы? Купил?

– Недавно? Они чистые и даже табаком не пропахли, а он один и привык курить в доме. Там табаком даже стол воняет, а занавесочки чистые. Купил? Нет. Вышивка ручная. Счетный крест. Несложная, но время потратить придется. А родственница... не знаю... если отношения близкие, она бы за ним приглядывала... а если нет, то к чему эти занавески?

...белые. И с петушками.

Вышивка, стало быть.

А вот Себастьяну в жизни никто не дарил вышитых не то, что занавесок, но даже платка носового. Хотя нет, платки аккуратно дарила матушка, но ведь матушка – это совсем иное.

– Его распорядок знали. Вы правы. И привычки. И вот... конечно, можно было бы вести наблюдение, но...

– Это долго, – согласился Себастьян и, окинув кладбище взглядом, добавил. – Наблюдатель будет заметен.

– Именно. Тогда откуда? Да и... не ошибусь, если скажу, что на бутылку накинули «очарование»... потом-то точно установят, но я думаю, что накинули, иначе откуда это желание напиться...

Катарина потеряла виски и поморщилась.

– Голова болит?

– Нет... еще нет, просто...

– Погано?

– Именно... и вот отключился он быстро, но...

– Бутылка чистая будет, – Себастьян кивнул, соглашаясь. – Да. Сонное зелье ненадежно. Нужно точно рассчитывать вес. Да и наш друг мог бы не ограничиться рюмашкой, и тогда проспал бы и труп, и возвращение Хельма...

– Не шутите так, – Катарина разом посерьезнела. – Не произносите его имя всуе. Здесь этого не поймут.

– Извините.

Она кивнула.

...расчет. Точный.

...если не зелье, то... заклятье? Амулет... или что-то вроде... пустяковина, которую находят на дорожке... было дело еще в Познаньске, когда нашлись умельцы сонные метелочки вязать. И с виду штука безобидная – перышки там, ниточки, смех, а не страх.

На колыбели такие вешают, чтобы дети спали спокойно. Или вот нервическим дамочкам прописывают. Только эти умельцы дамочек стороною обходили, в кабаках охотились, в ресторациях, выискивали клиента, чтоб посолидней, в карман подкидывали, а там, как жертва начинала носом клевать, то и уводили под белы ручки...

...и главное, все-то думали, что человек меру потерял, вот и приключилось с ним несчастье. Первые-то вовсе заявления не писали, сами поверили, что спяну...

– Он опытный, – Себастьян подхватил подброшенную мысль, которая оказалась такой удачной. – Он не стал бы поднимать незнакомые предметы. Подкинуть в комнату? Может и не сработать. Нет, амулет нацепили на него... вернемся?

Катарина, подавив зевок, кивнула.

А сторож не удивился.

И молча – сказывалась выучка военная – принялся разоблачаться. Пальто. Пиджак, тесноватый в плечах. И рубаха с тонкою вышивкой...

– Подарили? – Катарина рубаху и потянула к преогромному неудовольствию хозяина. – Скажите, накануне ведь подарили? И попросили... настоятельно попросили надеть, верно? Или не попросили, но... она обещала прийти, так?

– Ишь ты... и чего? – он явно не желал вновь отвечать на вопросы, особенно столь неудобные. И пусть пока никто ни в чем не обвинял его, да и сам он за собой вины не знал, но чутье, выработавшееся за годы службы близ границы, подсказывало, что неприятности близки.

– Собиралась прийти... вы убрались... занавески ведь только-только повесили, поэтому чистые и не пахнут?

– Ну...

– И рубаху надели, чтобы ей приятное сделать...

Она разгладила рубаху.

– Это я заберу. Под расписку, само собой. Вернут по окончании следствия.

– Она хорошая, – сторож натянул пиджак на голое тело. – Она больным помогает... она...

– Она подсунула вам интересный узор, – Катарина ткнула пальцем в переплетение красных и белых нитей. – Вот эта часть больше известна как «Зуд покойника». Вступает в реакцию с остаточными эманациями проклятий. Для диагностики и используется... именно из-за нее вам стало дурно. А вот это...

Нити синие.

И зеленые.

И желтизны самую малость. Узор красив, он даже кажется живым. Линии меняются, одни гаснут, другие вдруг появляются, становятся болезненно четкими... Себастьян моргнул.

Не только шуба нужна, но и очки.

Синие.

Те, которые остались памятью о хорошем человеке...

– Не стоит вглядываться, – Катарина поспешно свернула рубаху. – Это «Сон покойника». Его, к слову, тоже применяют в медицине, скажем, при серьезных ранениях, Человек спит настолько крепко, что не ощущает боли...

– Она... она не могла... – сторож обнял себя и жалобно, словно требуя подтвердить, что она и вправду не могла, произнес. – Она хорошая... она людей лечит...

...госпиталь.

Еще одна громадина, которую и выпавший снег не способен был облагородить. Слепые окна, то ли снегом этим залепленные, то ли занавешенные одинаковыми белесыми шторками. Скользкие ступени. Дверь на тугой пружине, открыть которую Катарине удастся не с первого раза. Ей вовсе начинает казаться, что она не справится.

Ни с дверью.

Ни с делом.

Князь молча отстранил ее и сам открыл, поклонился, пропуская Катарину и тихо произнес:

– Нам ведь не случайно подбросили такого удобного подозреваемого... бывший военный. Полтора десятка лет на границе. Ранение в голову, потеря сознания... потеря контроля. Легко представить, что именно он и убил девушку. Скажем, наступило помутнение...

– Где убил? – Катарине этот разговор не нравился, как не нравился и сам госпиталь, слишком большой и уютный.

Здесь пахло болью.

И еще смертью.

– А когда и кого интересовали подобные мелочи? Дело ведь закрыть просто... более того, – Себастьян огляделся, – я почти уверен, что наш с вами общий друг попритихнет... на год или два.

Искушение.

А ведь за год или два многое можно успеть.

...довести дело до суда, приговора и исполнения – затягивать не станут.

...подать заявление о переводе. Удовлетворят. Харольд спит и видит, как бы от нее избавиться.

...вовсе сменить профессию. Пойти, скажем, в учительницы... или в библиотекари... или стать кем-нибудь другим, мирного свойства.

Демон смеялся.

...второй этаж.

Северное крыло. Полупустые коридоры. Приоткрытые двери и палаты. Кто-то поет, кто-то стонет. Сестры милосердия в темно-синих платьях с обязательными чепчиками на волосах. ...и доктор.

Ей слегка за тридцать, хотя выглядит она старше. Некрасива. И темно-зеленый халат, наброшенный поверх простого платья, ей не идет. Платье темное, из какой-то плотной ткани, и пошито неудачно – на груди висит мешком, а на животе натягивается.

Белый воротничок подчеркивает нездоровую бледность кожи.

И лицо женщины кажется мертвым.

– Не понимаю, чего вы от меня хотите, – голос у нее красивый, низкий, выразительный.

– Вы подарили эту рубашку вашему любовнику...

– Я.

– С какой целью?

– А вы, многоуважаемая, никогда не делали мужчинам подарков? И если делали, то с какой целью? – взгляд ее насмешлив.

И Катарина понимает – ничего-то они не добьются.

– У Роберта вся одежда стара. Дрянь, а не одежда. Мне неприятно было видеть, что он ходит в лохмотьях. Это преступление?

Нет.

И она прекрасно знает, что при всем желании их, обвинить ее не в чем.

– Где вы взяли эту рубашку? – Катарина злилась. На эту вот женщину, которая смотрела на Катарину с издевкой, мол, зря стараешься.

– Купила.

– А вышивка?

– Вышила.

– Сами?

– Сама, – она достала часы на цепочке. – Это запрещено?

– Нет.

Кабинет крохотный.

Чистый.

Стерильный даже. И занавесочки здесь обыкновенные, казенные с синим штемпелем в углу, который на этой белизне выделяется ярко, таким клеймом приуроченности. Стол. Пара стульев.

Неуютно.

Ни цветов, ни снимков. Хотя, пожалуй, собственное рабочее место Катарина выглядит немногим лучше.

– Вы знаете, что за узор вышили?

– Обыкновенный, – Марена повела плечом. – Мне от бабушки целая тетрадь таких осталась...

...и ведь найдется тетрадь. От бабушки ли, от дедушки, не важно, главное, предъявят ее по первому требованию и со всем возможным почтением. И даже возражать не станут, если случится нужда изъятие оформить, а то мало ли, какие узоры там будут.

– Я взяла два...

...и переплела их между собой таким вот случайным образом, что случайнее некуда... а эффекты... кто мог знать?

– ...мне хотелось сделать Роберту приятное.

– И только?

– В чем меня подозревают? – она откинулась на стуле и руки вытянула. Руки вот красивые, узкие ладони, тонкие пальцы, такие, кажется, называют музыкальными. И Катарина не удивилась бы, узнав, что женщина эта неплохо играет на пианино.

Или еще на чем-нибудь.

Музыкальная школа – это так естественно...

– Нет. Пока нет.

– Тогда к чему этот тон? Не возражаете, если закурю? Хотя... если и возражаете, это сугубо ваши личные проблемы... кстати, молодой человек, не желаете ли пройти освидетельствование?

– Зачем?

– Вам незачем, а мне любопытно... – она вытащила серебряный портсигар.

Сигаретки тонкие коричневые.

Такие не купишь в магазине, верней, в простом не купишь.

– Пациент отблагодарил, – пояснила Марена. – К слову, у меня много пациентов... всяких...

Дым пах шоколадом. Мягкий оттенок, обволакивающий.

– Убили девушку, – хвост князя щелкнул, и в этом Катарина увидела признак раздражения. – И пока убивали, ваш любовник спал...

– Неужели? У него будут проблемы? Впрочем, не важно. Я говорила Роберту, что ему нечего делать на том кладбище. Он достоин большего. Теперь, быть может, послушает. Я всегда сумею устроить его на работу...

– А из петли вынуть? – Катарина присела, и стул закрипел, угрожающе покачнувшись. Впрочем, выдержал, а Марена лишь плечами пожала и сказала:

– Финансирование отвратительное. Не хватает на бинты, не говоря уже о мебели. Вот и починаем все, что еще можно... что до петли, то, простите, Роберт не способен на убийство. Он очень добрый мягкий человек, и если вдруг вам захочется сделать виноватым его...

– То вы обратитесь к благодарным пациентам.

– Именно, – она улыбнулась, демонстрируя крупные чуть желтоватые зубы. – А это, полагаю, невыгодно ни вам, ни мне...

Бред.

Она ведь не случайно... или все-таки... нет, эта женщина точно знает, что делает... и совпадение... чтобы именно та связка, которая способна оказалась отключить сторожа, и не просто, но в тот день, когда кладбище понадобилось Учителю... и...

– А вы не боитесь? – спросил Себастьян. – Будем откровенны. Вас ведь попросили вышить именно этот узор. И отдать рубашку накануне... допустим, вы не знали, зачем. Вы спрашивали. Вы слишком умны, чтобы действовать вслепую.

– С чего вы взяли? – она прикусила сигарету. И голову склонила. Поправила очки в тяжелой роговой оправе. – Может, я глупа, как пробка...

– Глупая женщина не удержалась бы среди мужчин, тем более не дослужилась бы до звания старшего врача... добавим ряд медалей... вы бывали на границе. И выжили. Что там, что здесь. Не знаю, где сложнее, – князь отвернулся к полкам с делами и провел по ним пальцем. Пальцы потер.

Понюхал.

– Пыли нет. Здесь хорошо убирают.

– Вы небогаты... неизбалованны. Вы всю жизнь посвятили карьере, но поняли, что достигли потолка. Женщину не пустят выше, если, конечно, у нее нет правильных связей. У вас они есть, но не такие, которые позволили бы стать главврачом... это первое. Второе – возраст. Детей у вас нет. Замужем вы не были. И вдруг осознали, что годы бегут, а вы рискуете остаться одной... не то, чтобы совсем испугались. Не тот характер, полагаю, но призадумались крепко. Вам нужен был мужчина...

– Он всегда такой говорливый? – поинтересовалась Марена. – Излишняя болтливость зачастую свидетельствует о глубоких внутренних проблемах. Не желаете поговорить о них? Все полезней будет.

– Воздержусь, – ответил князь. – Итак, мужчина... сильный, потому что слабых вы презираете. Не амбициозный. У вас самой амбиций слишком много, чтобы терпеть рядом еще такого же карьериста. Не дурак, но и не слишком умный. Кто-то, кто принял бы ваше главенство, однако не стал бы подкаблучником.

– Добавьте, что я еще не слишком хороша собой, – спокойно добавила Марена.

– И это, без сомнений... плюс немолоды и, полагаю, о детях не мечтаете.

– Не могу иметь.

– Да, несомненно... в итоге получается, что подходящего партнера вам найти... затруднительно. Среди пациентов выбирали?

Марена кивнула.

Кажется, ей было любопытно.

– Полагаю, подошли практично. Сначала исключили тех, кто так или иначе не удовлетворял требованиям. А с оставшимися... осталось ведь немного?

– Трое... увы, оказалось, что все более-менее пристойные мужчины давно и прочно женаты. А заводить тайный роман безо всякой перспективы... не в моем характере.

...эта хладнокровность пугает.

– Из троих вы выбрали Роберта... вы наблюдали его? Как давно?

– С момента ранения. К слову, именно я сняла с него проклятье... – она зажмурилась, – помню прекрасно... новая форма... этакая смесь черной чумы и безумия... он не понимает, насколько ему повезло... когда его доставили, тело уже начало таять. А сам он орал, не понимая, где находится... никто не думал, что у меня получится...

...почему? Не верили в силы?

Или...

...ей ведь тоже нелегко приходилось, Катарине ли не знать, каково это...

– Я пыталась доказать, что дар не так уж необходим. У меня его зачатки, но и их хватило, чтобы справиться с проклятием, – она погладила рукой руку. – Тогда я еще надеялась, что моя научная работа будет кому-то интересна...

– И чем же...

– Проклятия. Структура. Базовые компоненты. Критические точки...

– Не получилось?

– Почему же? Получилось, – она поджала губы и отвернулась к окну. – Настолько хорошо получилось, что мои записки изъяли... все изъяли... а мне посоветовали заняться медициной, раз уж я хочу людям помогать.

Она стиснула кулачки.

И успокоилась.

– Если хотите, то Роберт для меня не только мужчина, с которым я проведу остаток жизни...

...прозвучало угрожающе и вместе с тем...

– ...он еще и напоминание о том, что я умела делать... и умею... он лучшее мое творение.

И поэтому я не сделала бы ничего, что причинило бы ему вред...

...снежило.

...небо потемнело, прорезались черные жилы, будто и его освеживали, а снег пошел уже не сыпкою мелкой крупой, но тяжелый липкий. И к вечеру сугробы наметет, а за сугробами легко след прятать. И в том вновь же видится чужой замысел.

Катарина прислонилась к стене.

– Думаете, она говорит правду? – надо было бы спуститься в мертвецкую, куда должны были доставить тело, но сил для сего простого действия не осталось.

Никаких не осталось.

И стоит-то Катарина исключительно благодаря стене.

– Думаю, она не скажет правду даже под пыткой, – князь смотрел на снег задумчиво, будто бы впервые видел такое предивное творение природы. – На то и расчет.

– То есть?

Мысли медлительны.

...разуму тоже отдых нужен, и отдохнувший, тот работает не в пример лучше...

...третья записная книжка... бессонница... эксперимент, в котором дядя Петер принимал участие... добровольно ли? Почему об этом он не упоминает? А если сам этот эксперимент во всей чудовищности своей есть его выдумка?

...семь ночей без сна... всего-то семь ночей... точнее, по задумке, но никто из испытуемых не продержался всю неделю. Двое отключились на пятые сутки. Третий – на шестые. Кома.

...четвертая книга. Продолжение эксперимента... спать разрешали, но мало, по три-четыре часа... замедление реакций, потеря критичности мышления... потеря самой способности мыслить... упрощение... деградация...

– Полагаю, на это и расчет... нас сначала поманили одной разгадкой. Потом подсунули этот, с позволения сказать, след, в который при здоровом рассудке стоит вцепиться зубами... только, сколько бы ни мучили эту женщину, мы не добудем более-менее внятной информации. Вероятнее всего, она и сама не знает, кто и когда попросил ее вышить рубашку... не стоит времени терять.

Глава 10. В которой раскрываются некие особенности нежной женской дружбы

Настолько разочаровалась в подругах, что теперь, когда возникает непреодолимое желание пожаловаться на супруга, то жалуюсь ему же.

Запись в дневнике панны Полеляевой.

Приглашение в ресторанцию стало для панны Беялинской неприятным сюрпризом, поелику, превосходно зная характер своей давней подруги, она в том увидела недобрый знак. Панна Гуржакова была скуповата, если не сказать вовсе скаредна и гостей предпочитала принимать дома. Кухарка-то своя всяк дешевле обходится, нежели ресторации.

А тут вдруг...

Но отказать в такой малости было невежливо. И панна Беялинская, скрепя сердце, собралась. Облачилась в строгое платье из гишпанского бархату, купленное еще в незапамятные времена за вызывающую роскошность ткани, которая цвет имела глубокий винный и ко всему была расшита махонькими жемчужинами.

Жемчуга пришлось продать, как и золотые пуговицы с аметистами. Ломом пошли, будто бы не было в них никакой художественной ценности.

А вот само платье осталось.

И панна Беялинска, вспомнивши давние навыки, взяла в руки иглу с ниткой. Талию приподнять, по нынешней моде. Пустить по корсажу узкую ленту, споротую с другого наряду. Юбки спереди сделать прямыми, гладкими, благо, фигура позволяет носить такие, а сзади собрать в этикие складки, под ложный турнюр. В нынешнем «Модном доме» про такие писали.

И рукава.

Из остатков ткани с юбки манжеты вышли, узенькие и присобранные, самое оно, чтобы ладонь до середины прикрыть, как вновь же в «Зерцале модь» писано.

Нет, платье обновленное было хорошо, очень даже хорошо, но...

...сама мысль о том, что она, Ганна Беялинска, вновь вынуждена носить перешитые наряды, вызывала глухое раздражение.

...шляпка... зонт.

И меховой капор, к счастью, купленный столь давно и надевавшийся мало, ибо после него были куплены иные капоры, из куда как приличных мехов, что навряд ли кто упомнит его. Брошь.

Колечко обручальное.

Скромность ныне в моде.

– Куда-то собралась? – с супругом она встретилась на пороге и нельзя сказать, чтобы эта встреча панну Беялинскую обрадовала. Она лишь отметила, что муж ее вдруг переменялся, а вот в чем состояла эта перемена, уловить не смогла. Подтянулся? Помолодел? Порозовел? Бледность обыкновенная его исчезла?

С чего вдруг.

– Привез? – она облизала губы, уже не заботясь о помаде.

– Тебя только это интересует?

Держится он иначе. Куда подевалась привычная робость? И виноватое выражение лица исчезло... и в глазах появилось что-то такое, недоброе.

– Не только, – панна Беялинска взбила пальчиками лисий мех, который от долгого хранения слегка потускнел, да и пах, несмотря на мешочки с лавандой, которыми перекладывали одежду, пылью.

– Так куда ты собралась? – он поставил мокрый зонт, на котором таял снег, в стойку. Снял перчатки, шапку, которая делала его похожим на купчишку средней руки, которым он, в принципе, и являлся. Отряхнул бобровый воротник пальто. Расстегнул первую в ряду пуговицу, какую-то особенно крупную и вызывающе дешевую.

...она смотрела ему другое пальто, не из уродливого драпу, но кашемировое, в гусиную лапку. И с пуговицами посеребренными. А он же, упрямец, не пожелал. Мол, тонковато будет, замерзнет... какая разница?! Главное ведь, как сидит, но...

– В «Паньску ружу», – с неудовольствием вынуждена была сказать панна Белялинска. Муж не спешил робеть и оправдываться, и уж тем паче – а это вовсе было несвойственно ему прежнему – выкладывать перед ней золото. – Аделька приглашение прислала... я опаздываю.

– Тогда иди, – он посторонился, пропуская. – Опаздывать нехорошо...

Прозвучало...

Как-то неправильно прозвучало, будто он ее упрекает... в чем? Или не верит... или... ревнует? Смех какой... более чем за двадцать лет брака панна Белялинска супругу ни разу не изменила, не то, что телом, но и в мыслях. А он, бестолочь этакая, все еще ревнует...

На душе вдруг стало легко.

Спокойно.

И даже необходимость идти к кофейне пешком почти не расстроила. Благо, зимние ботинки были еще крепки, пусть и разношены.

Она все-таки опоздала.

Аделия устроилась у окошка. Пред нею, на скатерочке, расшитой серебряными и золотыми розами – вышивка была искусна, но мотив примитивно-уродлив, возвышался высокий кофейник.

Чашечки крохотные.

Найсвежайшие сливки. Сахар желтоватый, колотый крупно.

Профитроли с малиновым кремом. Махонькие корзиночки. И круассаны, политые шоколадным соусом... пироги горочкой...

...подозрения окрепли. Прежде за панной Гуржаковой не водилось такой склонности к мотовству. И коль случалось ей заходить в кофейню, то кофием она себя и ограничивала. Разве что порой позволяла побаловать пирожком-другим.

– Прости, дорогая, – панна Белялинска кинула меха лакею и уселась за столик. – Феликс вернулся... я его раньше вечера и не ждала.

Панна Гуржакова покивала: мол, понимаю.

Муж, нехстати вернувшийся, завсегда забот доставляет. Кофию налила собственноручно. Подала. И панна Белялинска, приняв чашечку, вдохнула умопомрачительный аромат. Ох, как давно она не пила кофию... а ведь прежде любила сиживать в «Панской ружу». Здесь все-то было хорошо, даже этакая провинциальное вызывающее роскошество со всеми этими позолотами.

Кофий.

Пирожные.

Сплетни.

Случайные и неслучайные встречи, которые и нужны-то лишь затем, чтобы продемонстрировать новый наряд. Или на чужие поглядеть ревнивым взором, убеждаясь, что не столь они и хороши... а если и хороши, то запомнить, дабы после у модистки...

Панна Белялинска подавила тяжкий вздох. Ничего, скоро уже... все вернется. И кафе. И неторопливые прогулки в летнем парке. И наряды со шляпками, чулочки-сумочки-веера... посиделки долгие... гости и приемы...

– Ах, дорогая, – она сделала первый глоток и зажмурилась от сладковатой горечи. – Если бы ты знала, до чего порой я тебе завидую... муж – это так хлопотно...

– Вот-вот, – живо подхватила панна Гуржакова, отправляя в рот сырную корзиночку целиком. И проглотила не жуя. Отвратительные манеры! – От и мы с Гражинкой так же подумали.

– Что?

– Так куда ей замуж-то? Дите горькое, в голове одни книжки. Ни дому вести не умеет, ни хозяйством заниматься. Оно-то, конечно, моя вина... разбаловала я ее... как же, единая доченька... – панна Гуржакова испустила тяжкий вздох, который насквозь фальшивым был. – Так то, уж прости, Ганнушка, но... не можем мы предложение твоего сродственника принять.

Кофе стал горек.

И накатило.

Она почувствовала волну этого гнева, всесокрушающего, тяжелого, издали. И закрыла глаза, смиряясь с тем, что произойдет. Она вдруг увидела себя со стороны, моложавую, верней уже молодящуюся женщину в платье роскошного пурпурного цвета. И отметила, что пурпур очень даже к лицу... и кружевного воротника не хватает.

Потом увидела, как эта женщина раскрывает рот и...

...панна Гуржакова глядела на подруженьку, не узнавая ее.

Слушала.

И дивилась.

Этаких-то словесей она не слыхала, хотя ж не сказать, чтоб вовсе глухою уродилась. Случалось всякого... порой и муженек, уж на что тих был, а отпускал словечко-другое, попутавши дом родной с казармой. Или вот егоные подчиненные на язык невоздержанны были. А солдаты и вовсе народ простой, к манерам изящным не приученный.

Не то, что благородные дамы...

Из благородного на панне Белялинской одно платьюшко и было.

А так прям перекосило всю.

Физия белым бела. Глаза черны, что кротовы норы. Губы красные... страсть просто. А уж словами-то сыплет... и сыплет... от, и человек застыл с подносиком, на котором пирожочки свежие с грибами возвышались ароматною горой. Роту приоткрыл, глаза выпучил, а уши ажно огнем полыхают.

Знание, стало быть, входит.

Панна Гуржакова вздохнула и поднялась. Ей-то ничего, она в жизни и не такое слыхивала, да Ганне после самой стыдно будет... особенно, ежели в эту самую «Ружу» пуцать перестанут за скандальность норову. Вона, в позапрошлом годе Соложухиной от ресторации отказали, так разговоров было на весь город. Вытеревши рученьки салфеткой, панна Гуржакова сделала то, что делала всегда, когда случалось ей становится свидетельницей чьей-то истерики, – отвесила пощечину.

Смачную такую.

Душевную.

Панна Белялинска, которую, несмотря на всю тяжесть ее бытия, по лицу прежде не били, рот раскрыла. И закрыла. И моргнула с немалым удивлением. Потрогала губы.

Села.

– Боги, – прошептала она, – ты меня... ты меня ударила?

– Нервы, – панна Гуржакова несколько торопливо – все ж отпечаток ладони на мраморной щечке панны Белялинской свидетельствовал, что ударила она сильней, нежели требовалось – запихнула в рот эклер. – Я вот настойку принимаю, на корне валерияны. И еще пустырник. Но не помогает.

– Валериана... пустырник...

– И тебе, дорогая, рекомендую, – почти от чистого сердца сказала панна Гуржакова. – А то ж этак вовсе ума лишиться недолго... ты уж извини, что я так... но ведь дочь родная, не могу кровиночку взять и отпустить.

Панна Белялинска лишь рукой махнула.

Вытащила платочек.

Прижала к вискам. Запахло мятой и еще лавандой, и еще чем-то неуловимым, но таким знакомым... от запаха этого закружилась голова. И недоеденный пирожок – с перепелиными яйцами и луком-шалот упал на скатерть, аккуратно на желтую розу.

– Прости, дорогая, – панна Белялинска перегнулась и, дотянувшись, отерла лицо старой подруги тем самым платком. – Я действительно хотела решить все по-хорошему... а теперь, будь добра, послушай...

Она отмахнулась от лакея с его предупредительностью, за которой сквозило беспокойство – а ну как дама, которой подурнело вдруг, платить откажется? И придвинулась к панне Гуржаковой близко-близко.

– Сейчас ты сделаешь вот что...

...конечно, все это было не совсем законно, даже более того – совсем уж незаконно, но... но разве ей оставили выбор?

Нет.

И значит, сами виноваты... конечно, сами...

...Ольгерда знала, что ей надо делать.

Она почти успела, благо, подняли ее в несусветную рань. Она и в прошлой-то своей жизни на рассвете не подымалась, а уж в театре обосновавшись и вовсе взяла за привычку почивать до полудня. Сон надобен красоте.

Но ныне, как ни странно, раннее пробуждение не то, чтобы не разозлило, но напротив, придало решимости и сил. Она, в кои-то веки не озаботившись тем, как выглядит в чужих глазах, наскоро умылась, расчесала волосы, пощипала щеки для румянцу и уже, накинувши полушубок из голубой норки – ах, прощальный подарок одного премилого поклонника – покинула негостеприимный дом. И хозяйка его престарелая лишь хмыкнула, запирая за незваную гостью дверь.

– Ишь ты... вырядилась, – донеслось незлое.

Вырядилась.

Вчера.

А нынешним утром платье из алой шерсти в узкую полоску гляделось, пожалуй, несколько вызывающим.

Шляпка с вуалеткой и брошью. Мушка на вуалетке. Перчатки горчичного оттенку с тремя медными пуговками. Аглицкие сапожки.

Сумочка.

Разве ж этакой красавице возможно ногами грязь утрешнюю топтать? Нет. И стоило руку поднять, как тотчас извозчик остановился подле. Не лихач, конечно, но с коляскою вида приличного да при лошаденке крепенькой, сытой. Этакая споро домчит. Мужик и руку подал, помогая подняться. Сам же бережно укрыл ноги теплою полстью.

...помчали.

...полетели по белым улочкам, которые еще были сонны и пусты.

...по площади, где возвышались стражею темные деревья. Мимо заиндевшего памятника Миклошу Доброму, который и впрямь казался добрым.

Извозчик свернул на Померанцову, а после нее – на Шкидловский тракт, в народе больше известный как Висельников. Оттуда – на Забытово.

Разом посмурнело.

И потемнело будто бы. Эта часть города была неприглядна. И сию неприглядность не способен был исправить и снег. Ишь он, лег пеленою на низенькие крыши, затянул крохотные окна, а порой и вовсе глухие стены. Дворы укрыл, плетни... только то тут, то там в снегу прорехи виднеются. Да дышат чернотой печные трубы, добавляют небу угля.

Тетушка жила там же. Да и удивительно было бы, смени она этот захудалый жалкий домишко на ту же квартиру.

– Можешь не ждать, – Ольгерда кинула извозчику сребень за старание.

И себе на удачу.

Подобравши юбки, прыгнула с пролетки, порадовалась лишь, что, будто предвидя этакий поворот, одела сапожки поплоче. Небось, новенькие из нубука этакой встречи не пережили бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.